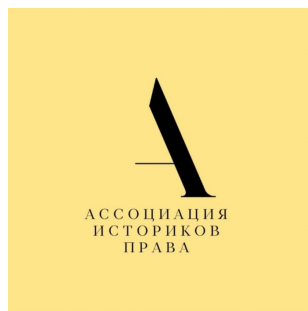

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

2022

УДК 340.12
ББК 67.0, 67.1
Ф 56

Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / под редакцией Д.А. Пашенцева и А.А. Дорской.– М.:Саратов: Саратовский источник, 2022. – 171 с.

ISBN 978-5-6048785-2-1

Рецензенты:

Азнагулова Г.М. – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Крупеня Е.М. - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета

Глобальные социальные трансформации, вызванные в том числе внедрением новых технологий, цифровизацией, политикой мультикультурализма и иными факторами, оказывают существенное влияние на состояние современного общества и протекающие в нем процессы. Результатом трансформаций современного общества стал переход к постнеклассической научной рациональности, который связан с критикой классических подходов, с разработкой новых методологических приемов, с переосмыслением главных философско-правовых проблем.

Во время круглого стола, прошедшего в рамках Всероссийского форума историков права 11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге, состоялась дискуссия по вопросу актуальных направлений эволюции правовой мысли в условиях глобальных социальных трансформаций через призму современной философии права.

©Коллектив авторов, 2022

Association of Legal Historians

**PHILOSOPHY OF LAW
IN THE CONTEXT OF GLOBAL SOCIAL
TRANSFORMATIONS**

2022

УДК 340.12
ББК 67.0, 67.1
Ф 56

Philosophy of Law in the context of global social transformations: a collection of scientific articles on the results of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 10-11, 2022 / edited by D.A. Pashentsev and A.A. Dorskaya. – M.: Saratov: Saratov source, 2022. – 171 p.

ISBN 978-5-6048785-2-1

Reviewers:

Aznagulova G.M. – Doctor of Law, Professor of the Department of State Studies, General Legal and Socio-Humanitarian Disciplines of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Krupenya E.M. - Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

Global social transformations caused, among other things, by the introduction of new technologies, digitalization, multiculturalism policy and other factors have a significant impact on the state of modern society and the processes taking place in it. The result of the transformations of modern society has been the transition to post-non-classical scientific rationality, which is associated with the criticism of classical approaches, with the development of new methodological techniques, with the rethinking of the main philosophical and legal problems.

During the round table held within the framework of the All-Russian Forum of Legal Historians on June 11, 2022 in St. Petersburg, a discussion was held on the issue of current trends in the evolution of legal thought in the context of global social transformations through the prism of modern philosophy of law.

©Collective of Authors, 2022

Список авторов

Алонцева Дина Викторовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец)

Баранова Марина Владимировна - доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Беляев Максим Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

Дорская Александра Андреевна - доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург)

Дорский Андрей Юрьевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Летута Татьяна Владимировна - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского государственного университета (Оренбург)

Купцова Ольга Борисовна - доцент кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород)

Медушевская Наталья Федоровна - доктор юридических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва)

Минченко Татьяна Петровна - доктор философских наук, профессор кафедры философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, профессор Европейского межуниверситетского института греческого языка, православного богословия и культуры (Симферополь)

Павлов Вадим Иванович - кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (Минск)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова (Москва)

Рыбаков Олег Юрьевич - доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва)

Тонков Евгений Никандрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения СЗИУ – филиала РАНХиГС, адвокат (Санкт-Петербург)

Трофимов Василий Владиславович - доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов)

Уфимцева Виктория Александровна - старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Курского государственного университета (Курск)

Честнов Илья Львович - доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
Честнов И.Л. ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМЕТАФИЗИКИ.....	12
Пашенцев Д.А. ЧЕЛОВЕК В ПРАВЕ С ПОЗИЦИЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ	29
Дорская А.А., Дорский А.Ю. СИМВОЛЫ ЗЛА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ.....	37
Медушевская Н.Ф. АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ	43
Рыбаков О.Ю. ФИЛОСОФИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	51
Павлов В.И. АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА И. КАНТА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА О ЧЕЛОВЕКЕ	60
Минченко Т.П. ЦИФРОВИЗАЦИЯ VS РАЗВИТИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	71
Беляев М.А. О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И МОРАЛЬНЫХ ФАКТАХ: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	81
Летута Т.В. ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГУМАНИЗМ: ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	88
Купцова О.Б. ЦЕННОСТЬ ПРАВА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	95
Баранова М.В. ПРАВОВАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	105
Трофимов В.В. КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ КАК ФИЛОСОФИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА).....	112

Уфимцева В.А. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	122
Тонков Е.Н. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА.....	133
Алонцева Д.В. Б.Н. ЧИЧЕРИН О СУЩНОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ	145
АННОТАЦИИ	155
ANNOTATIONS.....	163

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современных условиях существует выраженная потребность в философском осмыслении права и его роли в условиях стремительно меняющегося мира, места человека в правовой реальности, ценностного наполнения юридических норм и правоприменительной практики. Повседневная деятельность юристов нуждается в конструировании новых смыслов, отражающих общественное развитие и трансформации коллективного правосознания.

Глобальные социальные трансформации, вызванные в том числе внедрением новых технологий, цифровизацией, политикой мультикультурализма и иными факторами, оказывают существенное влияние на состояние современного общества и протекающие в нем процессы. Право как регулятор социальных отношений, с одной стороны, должно обеспечить стабильность в условиях происходящих в обществе изменений, с другой стороны, само подвержено внешнему воздействию. Протекающие процессы уже затронули основные современные правовые парадигмы: естественно-правовую, позитивно-правовую и иные. Результатом трансформаций современного общества стал переход к постнеклассической научной рациональности, который связан с критикой классических подходов, с разработкой новых методологических приемов, с переосмыслением главных философско-правовых проблем.

Круглый стол «Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций» состоялся 11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге в рамках Всероссийского историко-правового форума «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности», организованного Ассоциацией историков права при поддержке Северо-Западного филиала РГУП. В круглом столе приняли участие ученые – философы и историки права из разных регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Иркутска, Казани, Курска, Омска. Дистанционно в работе форума участвовали пред-

ставители Белгорода, Иваново, Покрова, Ростова-на-Дону, Рязани, Симферополя, Тамбова, Минска. Основной доклад на круглом столе сделал представитель постклассического направления в теории и философии права Илья Львович Честнов. В итоге состоялось очень интересное и плодотворное обсуждение целого ряда важных философско-правовых вопросов.

В сборник, подготовленный участниками круглого стола, вошли научные статьи, имеющие философско-правовое содержание. Главная проблема, так или иначе затрагиваемая в статьях – это проблема человека в праве. Она неразрывно связана с такими вопросами, как правовое поведение и правовые ценности. Авторы подчеркивают необходимость новых методологических подходов к осмыслению правовой реальности, связанных с переходом к постнеклассической научной рациональности. Отмечается многообразие философско-правовых воззрений в современном мире, затрагивается диалектика этических и формально-юридических начал в контексте эволюции современной системы социальных регуляторов.

В целом, авторам сборника удалось внести свой вклад в развитие современного философско-правового знания, что делает его интересным для представителей самых разных направлений юридической науки.

Д.А. Пашенцев

Честнов Илья Львович

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМЕТАФИЗИКИ

Современная философия – и философия права – находится на распутье, в глубоком кризисе. Казалось бы, после безуспешных попыток «сбросить философию с корабля истории», предпринятых позитивистами, она обрела свое место под солнцем. Но парадокс состоит в том, что постпозитивисты вернули философии ее место в научном дискурсе, однако это обернулось очередным кризисом философского знания¹. Постметафизическое мышление – одно из проявлений этого кризиса. Ю. Хабермас, автор термина «постметафизическое мышление», сформулировал проект преодоления метафизики для того, чтобы утвердить научный статус философии в ситуации трансформации критериев научной рациональности. На место тотальной метафизической рациональности, выступающей органическим аспектом мира, в современной эпистемологии, с его точки зрения, приходит новый тип рациональности, который представлен дискурсивными процедурами делиберации. Философия, по его мнению, сегодня утратила автономию от позитивной науки, которая, тем не менее, сохраняет зависимость от философских оснований. Ю. Хабермас выделяет следующие четыре черты метафизического мышления: принцип тождества, идеализм, философия сознания как «первая философия» и концепт сильной теории. Постметафизическое мышление, в свою очередь, характеризуется процедурной рациональностью, ситуационностью (или контекстуальностью) разума, лингвистическим поворотом и приматом повседневного². Способен ли преодолеть кризис философии – и, соответственно, философии права – проект

¹ Р. Рорти даже утверждал, что «философия в Англии и Америке уже заменена литературной критикой...». – Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 124.

² Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main, 1988. S. 16-17, 44.

процессуальной (процедурной и дискурсивной) делиберации, предлагаемый, возможно, последним великим философом? Каковы контуры, содержательные характеристики новой, постметафизической философии и философии права?

Думаю, что современный кризис философии обусловлен, в первую очередь, признанием ограниченности человеческого разума (переходом от законодательного или законодательствующего разума к интерпретативному – по терминологии З. Баумана) и, как следствие, отказом от метанарративов. Философия мельчает. Б.В. Марков полагает, что изменения в современной философии связаны, прежде всего, со «спектакуляризацией» современного общества¹, «в котором люди представляют себя на сцене жизни, где политика становится театром...», а также с трансформацией средств и форм коммуникации². «Какова стихийная реакция философов на интервенцию массмедиа? Старшее поколение видит в них признак разложения высокой культуры и потому расценивает их как нечто враждебное, чему следует активно противостоять — и прежде всего административными ресурсами: укреплять традиционную систему образования. Молодые вынуждены реагировать более гибко. Нынешние школьники и студенты младших курсов с трудом читают книги, зато перед экраном чувствуют себя как рыба в воде. Учебники, напоминающие по форме комиксы, становятся реальностью. У преподавателей старшего поколения они вызы-

¹ По мнению известного отечественного философа, сегодня возникает все больше сомнений, существует ли общество, так как «никак нельзя назвать то, что видишь вокруг себя, обществом». «Когда мы констатируем отсутствие общества, то имеем в виду распад личных, моральных и социальных связей между людьми. У нас нет никаких общих дел. Индивидуализм дополняет социальную разобщенность, мы не интересуемся делами друг друга. Если бы нашим соседом стал сам Бог, то мы бы это, пожалуй, и не заметили». - Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011. С. 582, 583.

² «Речь идет о смене форм коммуникации, которую мы переживаем. Кажется, эпоха книги закатывается и новыми медиумами массовой коммуникации становятся не понятия, а образы и звуки... /.../ Современные массмедиа опираются на аудиовизуальные знаки, которые ни к чему не отсылают, а обладают прямым, так сказать, «магнетопатическим» воздействием и буквально гипнотизируют, завораживают людей. При этом нет речи о рефлексии по поводу их смысла и значения. Это кажется концом не только книжной культуры, но и культуры вообще, включая философию». – Там же. С. 103.

вают ментальную судорогу. Кажется, что это и есть отрицание философии, и можно смело констатировать ее смерть. По инерции книги пишутся и даже читаются, но конец уже близок: молодежь не способна их читать. Поэтому вопрос об изменении форм философии, о близости ее искусству, в том числе и массовому. Это и есть вопрос о ее выживании в новых условиях»¹.

Состояние философии в постсовременном социуме определяется теми изменениями, которые произошли в нем во вт. пол. XX в. Прежде всего, практики индустриальной социальности заменяются постиндустриальными, информационными. В связи с этим определяющей «сферой» общества становится не экономика (это признают даже сторонники постмарксизма), а культура² как система означивания. Поэтому справедливо утверждение, что современная философия по преимуществу является философией языка (и это относится отнюдь не только к аналитической философии)³. Лингвистический поворот³ задает вектор развития всей философской мысли. В результате приходится признать, что реальность не существует вне или без ее репрезентации в языке⁴. Одновременно происходят антропологический и практический

¹ Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011. С.5-6.

² «Современные цивилизационные изменения, - утверждает В.С. Степин, - определены множеством факторов: экономических политических технологических и т.п. Но, пожалуй, центральное место среди них занимают факторы культуры. ... Постепенно выяснилось, что нет такой области деятельности, поведения и общения людей, нет таких социальных институтов, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры». - Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 17.

³ Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011. С. 15 и след. И.Т. Касавин пишет: «Последние тридцать лет особое внимание философов фокусируется на теме “Познание и язык”, которая грозит даже поглотить собой всю эпистемологическую проблематику». – Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение и социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 7. И продолжает: «Язык – ключевой объект при анализе человеческого мира во всей его полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь социокультурной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом». - Там же. С. 93.

⁴ Только в рамках языка «определяется, что такое «истина» «мир» и «значение». Соответственно, помимо языка не существует независимых масштабов оценки моральности, красоты, блага, рациональности и т.д. ... Явление как знак оказывается единственно возможным способом данности непосредственно действительности». – Марков Б.В. Знаки бытия. СПб., 2001. С. 43.

повороты, которые, вместе с лингвистическим, определяют содержание постметафизики или постклассической философии, а значит, и философии права.

Все это способствовало формированию постклассической (или постнеклассической), постметафизической философии¹, которая, по мнению В.С. Степина, формирует постклассический (постнеклассический) тип рациональности. Последний обеспечивает освоение сложных саморазвивающихся систем, вырабатывает отличные от классических и неклассических идеалы и нормы научности, и отличается типом рефлексии над ценностно-целевыми структурами исследования, которые инкорпорированы в комплекс философско-мировоззренческих оснований науки и обеспечивают обоснование научных картин мира и нормативных структур соответствующей исторической эпохи².

Постклассическая научная картина мира признает потенциальную неисчерпаемость, отсутствие единого референта у любого сложного социального явления или процесса, в том числе, и права³. Это вытекает из постулата неисчерпаемости, постоянной из-

¹ Постклассическая, постметафизическая философия предполагает переосмысление роли и значения философии в современном мире, сближая ее с картиной мира.

² Степин В.С. Указ. Соч. С. 164-165.

³ «Права “как такового” не существует. Это означает, что у данного слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Слово “право” не привязано жестко к какому-либо внешнему эмпирическому объекту». – Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе : сб. науч. тр. / Редкол.: А.Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, 2012. С. 19. «Нам следует принять или признать, - делает весьма радикальное заявление канадский философ и теоретик права Б. Мелкевик, - что право не имеет никакого реального или эмпирического "существования" в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь и что в конечном счете, следует действовать и думать соответствующим образом. ...В этом смысле не существует никакого "объекта", называемого "правом", в реальном, материальном, фактическом или просто "осязаемом" мире! Право не является чем-то "самим по себе" или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая "правом". Итак, ошибочно писать и думать будто "право" существует как "объект" который можно схватить!». - Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Пер. с фр. и англ. М.В. Антонова, А.Н. Остроух, В.А. Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М.В.

менчивости и непознаваемости всей полноты социального мира в силу как его (мира) предельной онтической сложности, так и ограниченности человеческого познания, что не отрицает возможность и необходимость его познавать. Отсюда – отказ или, по крайней мере, переосмысление с позиций постклассической эпистемологии сущности, истины, рациональности и т.п. онтических категорий права и в праве. Это не означает полный разрыв с классикой, но предполагает демонстрацию ее неполноты, ограниченности, односторонности¹.

Постклассическая, постметафизическая философия права задает новое представление о праве, значительно отличающееся от «классического». Наивный объективизм, реифицирующий право-

Антонов. СПб., 2015. С.139. «Так как право является непрерывным процессом, - утверждает Ч. Варга, - мы не можем помыслить его в его целостности (то есть помыслить "право вообще") как единообразное, завершенное и неизменно самотождественное. Будучи явлением, получаемым посредством различных беспрестанно действующих противодействующих процессов, оно всегда будет демонстрировать различные стороны, компоненты и способы формирования (с возможностью временных конфликтов и одного окончательно на данный момент результата) в каждый момент времени. ... По определению, а также согласно своему онтологическому основанию, право является многофакторным процессом, состоящим из суммы актуализаций, выражающихся в цепочке различных связанных между собой и исторически обусловленных актов». - Варга Ч. Загадка права и правового мышления / Пер. с англ. и венгр.; Сост. и науч. ред. М.В. Антонова. СПб., 2015. С. 37

¹ Постклассические концепции сегодня сосуществуют с классическими. Прав А.В. Поляков, утверждающий: «Впрочем, различие между классической теорией права и теорией права постклассической не стоит ни преувеличивать (тем более, абсолютизировать), ни преуменьшать. Переход к постклассическому правоведению, по нашему мнению, не означает полного разрушения основ классической теории, включая ее составную часть — юридическую догматику. /.../ Постклассическое правоведение, как и классическое естественно-правовое, проблематизирует само понятие права, саму возможность его беспроblemного нахождения в текстуальном пространстве «позитивного»». – Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 136-137. По мнению В.С. Степина возникновение «каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. При решении ряда задач неклассический и постнеклассический подходы могут быть избыточными и можно ограничиться классическими нормативами исследования. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности». - Стёпин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15-18 сентября 2011 г) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. М., 2012. С. 18.

вое бытие, заменяется *интерсубъективизмом*; бессубъектность юридического нормативизма трансформируется в *человекоцентризм*; *контекстуализм, историческая и социокультурная обусловленность права или релятивизм* приходят на смену универсализма; *конструируемость правой реальности как механизм ее воспроизводства, задающее практическое измерение, включающее процессуальность* заменяют статичность права; *все потенциально неисчерпаемые модусы бытия права имеют внутреннюю основу – правовую коммуникацию содержанием которой, с моей точки зрения, выступает диалогичность*. Все это - более адекватная картина правовой реальности. Конечно, и ранее представители неклассического правоведения и даже классической юриспруденции (например, представители социологии права или психологического правопонимания) акцентировали внимание на некоторых из перечисленных моментах, аспектах онтологии права. Так, социология права, а ранее – историческая школа права - постулировала динамику права, психологическое правопонимание – роль эмоций в функционировании права, правовой реализм обращал внимание на вопросы правовой политики. Но адекватного (пост)современным условиям механизма правогенеза или точнее – воспроизводства правовой реальности - предложено, тем не менее, не было. Кроме того, всем им свойствен монизм, монологизм, односторонность, а не диалогичность бытия права.

Постклассическая, постметафизическая философия права настаивает на том, что право – творение рук и ума человека, социализированного в определенной правовой культуре¹. В этом про-

¹ Поэтому актуальное или фактически существующее право принципиально несовершенно – далеко от идеала - и подвержено перманентным трансформациям. Юридическая современность всегда незавершена, - утверждает Б. Мелкевик. Она напоминает лабиринт, «который беспрестанно строится и перестраивается, который постоянно усложняется, лабиринта, в котором мы оказались без карты и компаса и в котором поэтому мы можем положиться только на нашу верность праву, наше доверие к праву, нашу волю к праву, наши «мысли» о праве, способные нас поддержать и позволить нам действовать последовательно». - Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права /

явление антропологического и одновременно практического (конструктивистского) поворотов, которые определяют содержание постсовременного гуманитарного знания. Все проявления права «есть искусственные конструкции, созданные человеком: навыки, разработанные в рамках постоянно контролируемого опыта, накопленного многими поколениями, подкрепленные и подтвержденные непрестанными человеческими попытками социализации, регенерации и переконвенционализации»¹. Модусы бытия права, по мнению венгерского философа и теоретика права, «... не более чем искусственные социальные конструкты, которые, несмотря на последовательное обезличивание формализованными процессами, обусловлены личной ответственностью человека, принимающего решения. В частности, выражаемые таким образом убеждения заключают в себе толкование, мировоззрение, призвание, целесообразность, практичность — т.е. всю полноту человеческой сущности во всем многообразии свойств и способностей человека, включая, помимо разума, еще и эмоциональную культуру, интуицию, восприимчивость к мистическим влияниям и т.п., во всех их проявлениях»².

Таким образом, постклассика – это новое прочтение, переинтерпретация правовой реальности, понимаемой как бытие права или система права. *Правовая реальность, с позиций постклассической парадигмы, – это человек (включая объединения, коллективы людей), социализированный в определенной правовой культуре, конструирующий правовую систему; знаковые формы, закрепляющие образцы должного (в широком смысле, включая меру запрещенного и дозволенного поведения) и опосредующие жизнедеятельность человека; действия человека (шире: его поведенческая и ментальная активность) по воспроизводству (в т.ч. переконструированию) правовой системы, интериоризирующие внешние факторы, обуславливающие се-*

Пер. с фр. и англ. М.В. Антонова, А.Н. Остроух, В.А.Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М.В. Антонов. СПб., 2015. С.43, 68.

¹ Варга Ч. Указ. Соч. С. 178-179.

² Там же. С. 196-197.

лективный выбор человека. Качество «правового» формируется знаковой формой, наделяющей физическое, фактическое поведение (взаимодействия) статусом юридического, как культура переводит материальное (физическое) в социальное. Функционирование системы права осуществляется через означивание - бинарный код, задаваемый извне, политикой права, которая переводит экстраправовые факторы (в том числе, мораль) в юридические явления. Поэтому, повторяюсь, нет правовых феноменов в «чистой» их явленности, а есть приписывание (аскрипция – по терминологии Г. Харта или вменение по Г. Кельзену) некоторым социальным явлениям, событиям и процессам свойства «быть правовыми». Таким образом, правовая реальность – это не отдельная (в эмпирико-наглядном смысле) сфера общества, а срез, сторона, аспект социальности, возникающий при означивании (юридической квалификации) тех или иных социальных связей и интеракций как правовых. «Нет такой вещи, как право», но есть практическая активность человека по конструированию и воспроизведению правовой реальности. При этом правовая реальность является многогранным феноменом, который невозможно исчерпывающим образом описать и объяснить одним (и даже множеством) непротиворечивых способов.

Одним из оригинальных проектов постклассической, постметафизической философии права, с моей точки зрения, является анализ метафизики и мифологием права, закона и власти И.А. Исаева. В своих многочисленных работах, публикуемых с начала 90-х гг. XX в. он доказывает, что современность как тотальная рациональность – один из мифов западной классической философии. Иррациональное, с которым настойчиво боролись философы эпохи Просвещения, как утверждает И.А. Исаев в своем семичастном цикле исследований, объединенных одним названием «Метафизика власти и закона»¹, является имманентным аспектом правовой

¹ Исаев И. А. 1) Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М., 2012. С. 3; 2) *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003; 3) Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006; 4) *Топос и номос*: Пространства правопорядков. М.,

реальности. «Устойчивое мнение о сущности права настаивает на его рациональном характере. Причинно-следственные связи и формальная логика как бы подтверждают такую оценку. На правовые нормы и решения ссылаются как на последний авторитет, и современная научная теория права на этом настаивает»¹. Однако «иррациональные элементы укоренены в самом существе и структуре права, идее права, норме и правоприменении. /.../ Предполагаемые цели и смысл нормы на стадии ее применения часто полностью изменяют свои первоначальные качества. Норма и правоприменение расходятся между собой категорически. Причина заключается не в дефектах исполнения права (или не только в них), но в некоей онтологической сущности права, когда в результате действия многообразных факторов право меняет свою направленность»². Историческое исследование, проведенное И.А. Исаевым, недвусмысленно убеждает в ограниченности рациональности (по крайней мере, «классической» рациональности) права³. «Если классическая философия считала, - полагает Б.В. Марков, - что индивиды смогут договориться и мирно сосуществовать друг с другом на основе разума, то современные философы в связи с дискредитацией универсалистских представлений о разуме и поисками новой концепции гибкой, изменчивой рациональности в

2007; 5) Господство. Очерки политической философии. М., 2008; 6) Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009; 7) Идея порядка в консервативной ретроспективе. М., 2011.

¹ Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М., 2012. С.

3

² Там же. С. 3, 4.

³ В другой работе он пишет: «Амбициозная убежденность современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкивается с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного. Как правило, адепты этой науки просто-напросто отворачиваются от всех необъяснимых явлений и фактов, поскольку вмешательство иррационального угрожает разрушить всю выстроенную ими рационалистическую систему знания. Однако иррациональное не оставляет ее в покое, проникая в самую суть властных и правовых понятий и представлений». - Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С.8.

конце концов вынуждены искать какие-то вне- или докогнитивные основания единства»¹.

«Миф всегда сопровождал человека, им пронизаны все его социальные, политические и правовые построения, идеалы и утопии»². По своей структуре политическое сознание, утверждает И.А. Исаев, почти совпадает с мифологическим³. «Власть точно так же, как и миф, требует для себя абсолютной веры в свою истинность и правоту нимало не заботясь о наличии каких-либо особых аргументов для ее подтверждения, поэтому уже сама идея ее легитимности строится на вполне очевидных метафизических основаниях».⁴ Действенность правопорядка обеспечивается ритуальностью юридического. «Любое юридическое действие ритуально по своей природе. Поскольку его целью является изменение существующего порядка вещей (восстановление нарушенного отношения, изменение рутинного хода событий в форме запрета, создание, почти теургическое, новых, ранее не существовавших связей и статусов и т.п.), осуществляемое в сакрализованных и, одновременно, предельно формализованных символических актах, таких как “возмездие“, “пресечение“, “установление“, “регулирование“ и т.д.»⁵. Ритуальность права, в свою очередь, дополняется его формальностью: «Содержание закона чудесным образом сливается с его формой, а для исполнителя сама форма часто приобретает даже большее значение, чем содержание, ведь именно форма вносит в эти предписания необходимую им иерархию смыслов и

¹ Марков Б.В. Указ. Соч. С. 14. В другом месте он утверждает, что современное общество «нашло иные формы достижения единства, и сегодня оно достигается не моралью, а массмедиа». – Там же. С. 77.

² Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С.10. В.П. Малахов по этому поводу заявляет: «Мифологизация сегодня на самом деле является вовсе не экзотикой, а обычным и весьма распространенным хотя и старательно нерелексированным, процессом, сопровождающим нормативно-регулятивные системы, и познавательную деятельность в целом. Мир без мифов — миф». - Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013. С. 8.

³ По мнению В.П. Малахова «миф — лишь глубинный, но напрямую не актуализированный слой общественного сознания». – Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М., 2013. С. 7.

⁴ Там же. С. 16,17.

⁵ Там же. С. 417.

ценностей, выстраивает системы составляющих закон порождает новые, ранее не существовавшие смыслы и цели»¹. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «мир изменяется благодаря изменениям называющих и описывающих его слов, когда формируются новые категории восприятия и оценки, предписывающие новое видение делений и распределений, т.е. в ходе трансформации номоса»².

Размышляя о перспективах современного юридического знания, И.А. Исаев приходит к следующему выводу: «Наука о власти и законе не может строиться на чисто материалистических началах, дух и идеал в скрытой или явной форме присутствуют в ее положениях. Однако серьезную опасность для нее представляют также внешне нейтральный и индифферентный позитивизм и утрированные, догматические нормативизм и рационалистичность: для всего необходимы мера и соразмерность, живой и непредвзятый взгляд всегда отмечает неисчерпаемую многообразность мира, односторонность же подходов, когда частичное претендует на значение всеобщего, чревата не только интеллектуальным заблуждениями. Наука о власти и законе должна быть открытой как для научных новшеств и методов, так и для ценностей и опыта далекого прошлого, того, что называется Традицией»³.

В общем и целом, история показала, что слухи о том, что социальная философия – о чем мечтали мыслители эпохи Просвещения – расколдовала мир и сформулировала содержание Законодательного Разума, оказались слегка преувеличенными⁴. Повседневные практики, из которых соткано мышление и бытие юристов (а тем более обывателей) далеки от идеала, олицетворяемого юридическим Геркулесом. Так, Р. Познер в работе, посвященной мышлению судей, утверждает, что судьи при принятии решений

¹ Там же. С. 427.

² Там же. С. 430.

³ Там же. С. 478.

⁴ «Рационалистическая демифологизация, направив свой удар против предрассудков, не добилась ничего, кроме того, что породила только новые мифы и мифологемы». – Там же. С. 381.

руководствуются их опытом, эмоциями, темпераментом, другими осознаваемыми и бессознательными личностными характеристиками, часто политическими соображениями. В то же время их судебный произвол ограничен внутренними и внешними факторами, такими как профессиональная этика, мнения уважаемых коллег, а также ограничениями, накладываемыми другими ветвями власти¹. Все это, как видим, далеко от идеала классической рациональности, выраженного в фигуре юридического Геркулеса и лишний раз подтверждает необходимость пересмотра классического идеала рациональности права, чем и занимается постклассическая философия права.

Вернемся к вопросу, сформулированному в начале статьи: в чем же состоит роль философии права в постметафизическую эпоху? Несомненно, исследование мифической и отчасти даже мистической составляющей нашей правовой реальности, ее иррациональных аспектов, идеологием и других форм «искажения сознания» (хотя существует ли «неискаженное сознание» - сегодня большой вопрос)² – задача чрезвычайно важная и интересная. Однако философия права в эпоху постметафизики призвана осуществлять рефлексивную – задавать вопросы, которые «по определению» не имеют окончательного ответа (по крайней мере, единственно-правильного)³ относительно всей правовой реальности,

¹ Posner R. How Judges Think. Cambridge, 2008.

² «Идеология, - пишет Ч. Варга, - это сознание, которое влияет на практику. Это часть культуры, устанавливающей рамки, в пределах которых мы интеллектуально воспринимаем мир». – Варга Ч. Указ. Соч. С. 60.

³ В.А. Лекторский по этому поводу замечает: «Современная философия избавилась от многих иллюзий философии прошлой, в частности она сознает, что не может более быть окончательным арбитром в тех спорах, которые имеют место в разных сферах культуры, в том числе в науке, что она не может рекомендовать некоторые интеллектуальные и культурные практики в качестве единственно оправданных. Сегодня ясно, что не существует окончательного решения философской проблемы (если она действительно философская, а не научная, замаскированная под философскую), найти единственный "подлинный метод" философствования». - Лекторский В. А. Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М., 2012, С. 36. «Мы вынуждены признать, - пишет Б. Мелкевик, - что философия права не может более претендовать на прояснение путей развития права, ... и что она не может обладать никакой "мудростью" или "знанием", допускающими вмешательство в

права как такового, его оснований, включая сами вопросы о праве, а не только о его отдельных аспектах бытия. Философия, по мнению В.С. Степина, будучи рефлексией над основаниями культуры, призвана обеспечивать «стыковку» научной картины мира (схемы объекта) с идеалами и нормами науки (схемой метода) и с мировоззрением эпохи, с категориями ее культуры¹. Одновременно философские основания науки включают также идеи и принципы, которые обеспечивают эвристику поиска². Исходя из такой трактовки философии, можно сделать вывод, что *философия права – это «верхний» уровень юриспруденции, задающий способы онтологического, гносеологического и аксиологического обоснования права*³. Необходимо заметить, что такое обоснование невозможно без участия всех трех уровней науки – и философского, и теоретического, и эмпирического. Эту функцию философия права (как уровень юридической науки, а не какая-то самостоятельная дисциплина), осуществляет особым способом – привлекая именно философское знание. Как именно?

Прежде всего, философия права проясняет смысл наиболее фундаментальных понятий юриспруденции – права, государства, нормы права⁴ и др. Тем самым производится один из этапов формирования этих предельно общих для юридической науки понятий, дополняемых данными догмы права и практической юриспруденции. При этом используется аналогия из других областей

сущность того, что является юридическим проектом. ... [Философия права] не дает никакого ответа или рецепта, но непредвзято участвует в обдумывании сложности современной юридической материи, которое мы все должны предпринять. Если это так, то философия права представляет собой не что иное как дискуссию, следствием которой является ее открытый характер». – Мелкевик Б. Указ. Соч. С.16-17.

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 260-261.

² Там же. С. 261. Это связано с тем, что научная новизна предполагает выход за рамки существующего знания, как правило, в область междисциплинарности. Такую трансценденцию как раз и задает философия, выступающая научной эвристикой.

³ «Юриспруденция, - полагал В.В. Бибихин, - ... способна только преподавать право как факт, но не обосновать его. Это задача философская». - Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2005. С. 3.

⁴ Для определения нормы права необходимо привлечение знаний о норме вообще и праве (признаках права); такие знания юриспруденция неизбежно черпает из философского дискурса.

знаний, метафоризация¹, метонимия. Тем самым исходные онтологические допущения, входящие важнейшим компонентом в научную картину мира, «переводятся» в юридическую сферу – предмет юридической науки. Привлечение данных других наук, то есть проведение междисциплинарных исследований, также относится в разряд философско-правовых исследований. Благодаря привлечению данных из других наук – т.е. междисциплинарности – возникает возможность увидеть старое в новом свете². Следовательно, философия права задает научную эвристику – формулирование рабочих гипотез, конструирующих направление научных исследований права. К онтологическим аспектам философии права относится ко всему прочему определение роли и значения права в обществе. При этом происходит «аксиологизация» онтология – включение в обоснование права учения о ценностях.

Онтологическая проблематика философии права предполагает также разработку вопросов взаимосвязи юридической науки и социальной практики. Эти вопросы включают, во-первых, адаптацию социокультурных факторов применительно к юриспруденции (в том числе, формулирование социального заказа для юридической науки и практики) и, во-вторых, выработку критериев оценки

¹ Сегодня считается доказанным, что фундаментальные научные понятия включают в себя метафоризацию явлений жизненного мира: ср. понятия тело, масса, сила. Это же характерно и для понятий «право» и «государство». – См.: «Так называемые чисто интеллектуальные концепты, например, понятия научной теории, часто (а, возможно, и всегда) основаны на метафорах с физическим и/или культурными основаниями». – Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М., 2008. С. 43. Чрезвычайно важные изыскательские работы на этот счет содержит лингвистика, в частности, труды Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, М.В. Ильина, Ю.С. Степанова.

² «Междисциплинарные взаимодействия... на современном этапе становятся все более значимым фактором роста научного знания. Новые результаты порождаются благодаря трансляции концептуальных средств и методов из одной дисциплины в другую. Целый ряд перспективных направлений в науке возник как раз за счет такого рода междисциплинарной трансляции (биохимия, биофизика, кибернетика, синергетика). /.../ «Парадигмальные прививки» могут открывать новое поле научных проблем, и затем обнаружить новые явления и законы, которые до этой прививки не попадали в сферу научного поиска. Примерами здесь могут служить формирование биохимии и биофизики, применение кибернетических методов в биологии, использование представлений и методов синергетики в естественных и социально-гуманитарных науках». Степин В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий //Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М., 2009. С. 56, 60.

юридической практики – то есть разработку вопросов эффективности права, смыкающуюся с определением значения юридической реальности в обществе. Все это относится к «политике права» как элементу философии права.

К этой онтологической проблематике примыкает определение предмета юридической науки. Так как предмет науки – это гносеологическое отношение субъекта и объекта познания, зависящее от того, как предварительно определяется объект – соответствующая реальность (в данном случае – правовая), то определение предмета данной конкретной научной дисциплины включает в себя вопросы и онтологии, и гносеологии. При этом важно иметь в виду, что это именно философско-правовая проблематика, так как определить предмет юриспруденции (как и любой другой научной дисциплины) оставаясь в рамках юридической науки невозможно. Для этого необходимо произвести рефлекссию над ней, суметь обозреть юридическую область извне (или со стороны) а это в состоянии сделать только философия права, привлекая, конечно, сугубо юридические (в том числе, и практические) знания.

К гносеологической проблематике философии права относится определение критериев научности юридического знания – применение общих критериев научности к области юридического знания. Другой важной составляющей гносеологии права является адаптация общенаучных методов применительно к познанию правовых явлений.

К рассмотренной проблематике философии права примыкает ее мировоззренческая функция, связанная с формированием «правовой картины мира», то есть современным социокультурной и исторической ситуации общества правосознанием. Именно философия как мировоззрение обуславливает, например, предпочтение социологической, а не позитивистской или естественно-правовой ориентации теоретика права.

Таким образом, *философия права в эпоху постметафизики – это онтологическое, гносеологическое и аксиологическое обоснование права философскими методами (определяющее*

что есть право, каково его значение в обществе, каков социальный заказ и критерии оценки юридической практики, предмет юридической науки, критерии ее научности и методы научного познания правовых явлений), представляющее собой «верхний» уровень юридической науки, обеспечивающий взаимодействие философии (рефлексии над основаниями культуры) с правоведением. Чтобы доказать свою состоятельность, постклассическая, постметафизическая философия права должна продемонстрировать человекоразмерность, практическую ориентированность¹, открытость всему новому как знакам бытия в постметафизическую эпоху.

Список литературы

1. Бибахин В.В. Введение в философию права. М.: ИФРАН, 2005. – 345с.
2. Варга Ч. Загадка права и правового мышления / Пер. с англ. и венгр.; Сост. и науч. ред. М.В. Антонова. СПб.,: ИД «Алеф Пресс», 2015. – 409 с.
3. Исаев И. А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003. – 575 с.
4. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юристъ, 2006. — 478 с.
5. Исаев И. А. Топос и номос: Пространства правопорядков. М.: Норма, 2007. – 416 с.
6. Исаев И. А. Господство. Очерки политической философии. М.: Норма, 2008. – 352 с.
7. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2009. – 176 с.

¹ Об этом хорошо пишет Б. Мелкевик: «По нашему мнению, философия права является составной частью практической философии и функционирует под эгидой практической рациональности.... В целом, такая философия заинтересована в исследовании действий и совершающих их акторов. ... Никогда нельзя упускать из вида, что право творится и осуществляется через действия и через совершающих их акторов — все то, что свершается в качестве «права», совершается нами самими и ради нас самих». – Мелкевик Б. Указ. Соч. С.4. Главная проблема современной юридической науки, по мнению канадского философа и теоретика права, – ее оторванность от человека и его практических нужд. – Там же. С. 53, 135, 136 и след.

8. Исаев И. А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М.: Проспект, 2011. – 400 с.
9. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М.: Проспект, 2012. – 368 с.
10. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение и социальную эпистемологию языка. М.: «Канон+», 2008. – 544 с.
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шапунрвского. М. Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
13. Лекторский В. А. Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012, С. 31-40
14. Максимов С.И. Концепция правовой реальности // Право Украины. 2013. № 4. С. 25-50.
15. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. - 151 с.
16. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. – 566 с.
17. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., Наука, 2011. - 667 с.
18. Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права / Пер. с фр. и англ. М.В. Антонова, А.Н. Остроух, В.А.Токарева, Е. Уваровой и др. / отв. ред. М.В. Антонов. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – 288 с.
19. Поляков А.В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. / Редкол.: А.Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, Акад. МВД, 2012. С. 19-29
20. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: ИД Алеф-пресс, 2014. – 573 с.
21. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. – 320 с.
22. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
23. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. — 744 С.

24. Степин В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М.: «Канон+», 2009. С. 41-64.

25. Стёпин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и её границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15-18 сентября 2011 г) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. М.: ИФРАН 2012. С. 7-21.

26. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Издательство «Весь мир», 2011. С. 26-78.

27. Харт Г. Понятие права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 302 с.

28. Habermas J. Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. – 241 s.

29. Putnam H. Reason, Truth, and History. Cambridge: Cambridge University Press. 1981.

30. Posner R. How Judges Think. Cambridge: Harvard Univ. Press. 2008. – 387 p.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич

ЧЕЛОВЕК В ПРАВЕ С ПОЗИЦИЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Вопросы, связанные с человеком, его ролью в правовом пространстве, в конструировании правовой реальности, всегда привлекали ученых-правоведов и всегда решались по-разному. В период господства позитивизма в его различных формах главное внимание уделялось нормам, вопросам их стройности и логичности, проблемам нормативного регулирования общественных отношений. Сторонники естественно-правовой концепции обращались к человеку в праве, но он интересовал их, главным образом, как носитель совокупности определенных прав, которые требовалось защищать от возможного диктата государства.

Ситуация существенно изменилась в начале наступившего тысячелетия, когда наука под влиянием глобальных трансформаций и сделанных открытий совершила переход к новой рациональности. Есть основания полагать, что сегодня вопрос о человеке, его правовом поведении стал одним из центральных для философии и теории права.

Происходящая сегодня смена господствующей парадигмы связана с изменением самого типа научной рациональности, переходом от классики к постклассике и даже постнеклассике. Для новой научной рациональности характерен, прежде всего, междисциплинарный характер исследований¹. Сегодня научные открытия совершаются на стыке наук, при творческом содружестве представителей разных научных направлений. Юриспруденция все чаще обращается к достижениям и методам смежных отраслей: философии, социологии, политологии, психологии.

Предметом исследования в рамках новой научной парадигмы выступают сложные саморазвивающиеся системы, к числу которых можно отнести и право, и государство, и общество. Во всех таких системах «социального» типа главное место занимает человек, который своими действиями создает и воспроизводит социальную реальность. Конструирование социальной реальности есть постоянный, непрерывный процесс, который совершается благодаря повседневным действиям членов общества, обладающих определенным статусом.

Для новой научной рациональности характерен антропологический поворот, в силу которого личность оказывается включенной в само осуществляемое ею исследование. Результаты, получаемые ученым, во многом определяются его личностью, мировоззрением, изначальными установками, методологическими подходами. Научный результат становится неотделим от самого исследователя, что еще раз подчеркивает особую роль человека в происходящих социальных процессах.

¹ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2022.

В юриспруденции в силу антропологического поворота человек как субъект права все чаще рассматривается как центр правовой системы, как ее главный элемент, своими повседневными действиями формирующий право. В правовых исследованиях акцент с нормы права смещается на человека, его поведение в правовом пространстве, детерминирующие это поведение факторы. Особое значение в этом контексте приобретают действия человека, наделенного правоприменительными полномочиями.

Все указанные обстоятельства заставляют обратиться к феномену субъекта права, через призму которого можно находить ключи к пониманию происходящих в правовой сфере общества процессов, искать ответы на те вопросы, которые постоянно оказываются в центре внимания ученых-правоведов.

Антропологический поворот в науке, который связан с переосмыслением роли человека в конструировании социальных процессов, приводит к попыткам обосновать право, исходя из понимания человека и его роли. Юридическая антропология, которая началась с изучения правовых норм примитивных обществ, постепенно развивается в антропологическую теорию права, обладающую определенными достоинствами и недостатками. Как замечает профессор С.И. Архипов, «в центре антропологической теории права стоит человек, однако в праве человек разделяется на множество субъектов...»¹. Поэтому акцент на исследовании «человека юридического» неизбежно приводит правоведов к необходимости изучать не столько человека, сколько субъект права.

Постклассическая юриспруденция как новое научное направление, ориентированное на исследование права в условиях современной технологической революции и цифровой реальности, обращает особое внимание на субъект права, который нередко трактуется как центр правовой системы. В ее рамках формируется особое направление, связанное с исследованием субъекта права и его правосознания, влияющего на правоприменение как часть

¹ Архипов С.И. Антропологическая теория права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 10.

процесса конструирования правовой реальности – антропоцентризм.

Современный юридический антропоцентризм стоит отличать от направления с аналогичным названием, которое было характерно для эпохи Возрождения и которое пыталось рассматривать человека как центр Вселенной, венец творения. Современный юридический антропоцентризм рассматривает субъект права как центр правовой системы, придавая решающее значение именно действиям этого субъекта, а также детерминирующим ее установкам. Подобной позиции придерживаются такие современные ученые, как И. Л. Честнов, Е. М. Крупеня, В. И. Павлов и некоторые другие¹. Фактически данное направление есть ни что иное, как современная трактовка социологической теории права, сформированная с учетом постнеклассических научных подходов, предполагающих отказ от жесткого детерминизма в науке и нормативизма в праве. При этом стоит признать, что антропоцентризм представляет собой не самостоятельное в полном смысле направление, но развитие социологического подхода к праву, делающего акцент на правоотношения и их субъект.

Формирование юридического антропоцентризма связано с тем, что проблема человека на протяжении всего XX столетия стала одной из главных проблем как философии, так и всего спектра социальных наук. Естественно, что право не могло остаться в стороне от ключевых тенденций научного познания и также обратило свое внимание на человека, как правило, представленного в виде субъекта права. В юридической науке был поставлен вопрос о существовании и сущности «человека юридического», что на практике привело к становлению концепции «четвертого поколения» прав человека².

В то же время, в праве человек и субъект – это не равнозначные понятия. Правосубъектность определяется рядом факторов, в

¹ См., напр.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012; Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности. М., 2009; Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций. М., 2021.

² Павлов В.И. Указ. соч. С. 11.

том числе, действующими правовыми нормами, наделяющими человека определенным кругом прав и обязанностей. Субъект в ряде случаев может отделяться от его носителя, что особенно отчетливо проявляется в условиях отношений, складывающихся в виртуальной среде, в сети интернет.

По мнению сторонников постклассической теории права, «субъект права – это не только и не столько правовой статус, например, физического лица, но и актуализация его в фактических юридически значимых практиках, производимая нарративизацией правового статуса в правоотношениях и простых формах реализации права»¹. Такая актуализация в условиях цифровизации неизбежно меняет свои формы, в том числе, из-за все большего расхождения между субъектом как статусом и персонифицированной личностью.

«Субъект классической юридической науки (и юридической догматики, выступающей для неопозитивизма действительностью – т.е. практикой – права) – это правовой статус, приписываемый нормой права (точнее – статьями нормативного правового акта) абстрактному индивиду или коллективному образованию («лицу»), которому вменяется возможность, долженствование или запрет на совершение каких-либо действий в правоотношениях»².

Под субъектом права в праве понимается участник правоотношений, который наделен определенными правами и обязанностями. В качестве субъекта в отношениях могут выступать как физические лица, так и лица юридические, а также государство и его органы. Развивающаяся наука и практика вносят свои коррективы в традиционное понимание субъекта.

Сегодня одним из доминирующих факторов, определяющих динамику общественных отношений, становится смена техноло-

¹ Честнов И.Л. Субъект права как юридический нарратив в условиях цифровизации // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. М., 2021. С. 187.

² Честнов И.Л. Субъект права в условиях цифровизации // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса. М., 2021. С. 52.

гического уклада. Новые технологии трансформируют общественные отношения. Формируют их новую модель (прежде всего, это относится к цифровым технологиям), а также способны трансформировать и самого человека (генная инженерия). Вопрос о субъекте права в такой ситуации приобретает значение не только для права, он связан с решением задачи сохранения человека как социального и биологического существа, жизнь которого связана с воспроизводством и передачей определенной системы ценностей.

В условиях цифровизации возникает опасная тенденция к мультиплицированию субъекта права. Сегодня к числу субъектов предлагается отнести не только человека (в некоторых случаях еще и юридическое лицо), но и некоторые небιологические сущности, например, роботов-агентов и искусственный интеллект. Первый законопроект, предлагавший наделить правосубъектностью роботов-агентов, уже обсуждался и в итоге принят не был. Но само его существование показывает определенную тенденцию, связанную с расширением правосубъектности, потенциальным выходом ее за рамки антропологического содержания. Все чаще обсуждается вопрос об использовании искусственного интеллекта для принятия правотворческих решений. В ряде стран проводятся эксперименты по принятию судебных решений искусственным интеллектом. В итоге снова возникает закономерный вопрос о возможной правосубъектности, причем даже не машины, а просто определенной технологии, компьютерной программы.

Данные попытки вызывают закономерную настороженность. Совершая юридически значимые действия в правовом пространстве, человек обращается не только к нормам действующего законодательства, но и руководствуется своим правосознанием, а также общепринятыми принципами права. Он дает правовому поведению еще и моральную оценку, сопоставляя его с концептами справедливости, добросовестности, разумности, доброй воли. Происходит «очеловечивание» правовой деятельности, которая в случае ее алгоритмизации при наделении правосубъектностью ро-

ботов утратит полноценную юридическую природу. В этом случае подлежит пересмотру вся концепция юридической ответственности, что может повлечь негативные последствия для всего права как регулятора общественных отношений.

Представляется, что несмотря на все достижения в технологическом развитии, подлинным носителем правового статуса, включающего полномочия применять нормы права, должен оставаться именно человек, соединяющий в силу своей природы юридические начала с началами нравственными, обладающий свободой воли и моральным императивом. В силу этого исследования статуса человека как субъекта права можно отнести к числу важнейших проблем современной юридической науки.

По прогнозам отдельных ученых, роль права в обществе будущего кардинально изменится, вплоть до того, что право потеряет значение главного регулятора общественных отношений. С одной стороны, в истории человечества уже существовали периоды, когда отношения регулировались не столько правом, сколько моралью и религией. Поэтому изменение роли права представляется не слишком критичным. С другой стороны, утрата правом главной регулирующей роли неизбежно связана и с трансформацией государства, его превращением в иную по сущности и структуре организацию. На современном этапе такие трансформации сложно представить и адекватно оценить.

В некоторых рассуждениях об изменении роли права содержится посыл о его индивидуализации. На наш взгляд, индивидуализация правового регулирования означает по сути отказ от права. Одним из важнейших признаков права является его общеобязательность. В случае индивидуализации правового регулирования право перестанет быть общеобязательным, перестанет распространять свое действие на неограниченный круг лиц. В итоге мы получим ситуацию, когда за одно и то же деяние разные лица будут нести различную ответственность, а кто-то вообще ее нести не будет. Таким образом, налицо полный отказ от принципа формального равенства (В.С. Нерсисянц), возврат к феодальной и да-

же дофеодальной модели правового регулирования, изначально предполагавшей неравенство перед лицом закона.

Антропологический поворот в праве, о котором говорилось выше, актуализирует обращение к вопросам правового поведения. Для права имеет решающее значение не мысли субъекта, а его действия, причем те из них, которые связаны с реализацией правовых норм, направлены на возникновение, изменение, прекращение правоотношений.

Правовое поведение нельзя сводить к упрощенной схеме, предполагающей противопоставление правомерного и противоправного поведения (иногда выделяют еще нейтральное по отношению к праву поведение). «Поведение человека в обществе далеко не всегда укладывается в такие рамки, оно имеет множество граней, каждая из которых может быть истолкована неоднозначно и контекстуально. Режим законности в современном понимании означает не только неукоснительную реализацию принятых норм, но и осознание их смысла, назначения, нравственную оценку содержания как основу последующего выбора модели поведения в каждом конкретном случае»¹.

Сложность и многослойность правового поведения детерминирует необходимость обращения к междисциплинарным методам для его исследования, что полностью соответствует постнеклассической научной парадигме. И это еще раз подчеркивает роль человека как центра правовой системы, человекоразмерность права как регулятора общественных отношений.

Список литературы

1. Архипов С.И. Антропологическая теория права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5.
2. Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности. М., 2009.
3. Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций. М., 2021.

¹ Пашенцев Д.А. Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям // Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2022. С. 25.

4. Пашенцев Д.А. Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям // Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2022.

5. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2022.

6. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

7. Честнов И.Л. Субъект права в условиях цифровизации // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса / под ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2021.

8. Честнов И.Л. Субъект права как юридический нарратив в условиях цифровизации // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. М., 2021.

Дорская Александра Андреевна, Дорский Андрей Юрьевич

СИМВОЛЫ ЗЛА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Современные достижения гуманитарных, общественных и естественных наук на современном этапе могут способствовать развитию новых направлений и подходов в различных отраслях знания. В частности, исследования в области юриспруденции могут быть значительно обогащены за счёт результатов философии, социологии, политологии и других гуманитарных, общественных и даже естественных наук.

Среди естественнонаучных методов, воспринятых юриспруденцией, особо следует выделить культуральный метод¹, понимаемый как совокупность методик искусственного культивирования микроорганизмов на питательных средах в целях их идентификации. Задачами данного метода являются: 1) получение чистой культуры какого-либо вида из микробной ассоциации; 2) иденти-

¹ Смирнов А.В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты. Автореферат дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2013. С.3.

фикация выделенной чистой культуры; 3) определение дополнительных свойств, например, чувствительности к препаратам.

Использование данного метода как совокупности методик искусственного культивирования определённых характеристик в целях идентификации явления вполне применимо к правовой сфере. Как отмечает один из ярких представителей культуральной социологии Дж. Александер, социальные реалии обретают ценностное содержание только в результате процесса означения, кодирования¹. Одним из способов такого кодирования являются определённые символы зла, нашедшие отражение в нормативных правовых актах. Их выявление связано либо с непосредственным использованием понятия «зло» или какого-то другого однокоренного слова (например, «злоупотребление»), либо с приданием определённому событию, действию (бездействию) или явлению характера ужасающего, травмирующего всё общество. Во втором случае необходима интерпретация текста, в результате которой происходит раскодирование заложенного в нормативном правовом документе смысла. При этом, как отмечал Г.Г. Гадамер, интерпретация позволяет не только провести реконструкцию, но и конструирование смысла².

«Символы зла» – это междисциплинарное понятие, представляющее собой индикатор того, к чему нельзя не только прикасаться, но и приближаться, что является не только нарушением закона, но и наносит удар по общественной морали, представлениям о добре, оставляет серьёзную социальную травму, которая затем с трудом преодолевается в течение длительного времени, в том числе, с использованием юридических средств.

Для правовой сферы символика имеет огромное значение. Фемида, Немезида, меч, судейская мантия – это только некоторые символы, характеризующие право, однако их гораздо больше. Например, в 2019 г. в Научной библиотеке Пермского государ-

¹ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.

² Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

ственного национального исследовательского университета была открыта специальная выставка, посвящённая этому вопросу¹.

Категория «зло» изначально стала формироваться в российской правовой традиции в двух аспектах – каноническом и светском. Это было связано с тем, что после крещения Руси параллельно стали развиваться две нормативные системы. Одна была заимствована из Византийской империи и содержала как собственно церковные каноны, так и византийское законодательство. Светское право начало развиваться с княжения Ярослава Мудрого и во многом отражало специфику общественных отношений, сложившихся в древнерусском обществе.

Если применить классификацию В.С. Малахова, то каноническое восприятие зла российским обществом можно определить как понимание традиции, а светское – понимание «в традиции», поскольку позитивное право формировало выверенные формулировки того, что признаётся злом, которые постепенно могли приобретать характер универсальных². Однако к данному тезису нельзя подходить без учёта временных характеристик, поскольку в ходе трансформации целей политического поля и дифференциации сфер политики, морали и религии происходила трансформация и секуляризация религиозных смыслов и символов, утрата ими своего традиционного значения³. Например, существовавшее веками такое церковное наказание, как отлучение от Церкви (по оценке известного специалиста в области церковного права дореволюционной России фактически приравненное к анафеме⁴) в XIX веке практически не применялось. Однако назначение его Л.Н. Толстому в 1901 г. вызвало огромный общественный резонанс и

¹ Символика права: история и современность // <http://library.psu.ru/> (Дата обращения: 28.06.2022 г.).

² Малахов В.С. Концепция исторического понимания Г.-Г. Гадамера // Историко-философский ежегодник. 1987. С.151-164.

³ Ситников А.В., Сторчак В.М., Сторчак М.В. Религиозная символика в коллективной памяти (на примере российских государственных символов) // Религиоведение. 2022. № 2. С. 94.

⁴ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб.:

Типография А. Траншеля, 1876. С.119.

даже студенческие волнения. Т.е. само отлучение от Церкви как вид наказания стало символом зла для российского общества.

Однако чёткого разделения между церковным и светским в истории российского права не было. В частности, великие князья издавали не только документы, которые бы мы с сегодняшних позиций назвали нормативными правовыми, но и церковные уставы. Данная тенденция являлась частью российской правовой традиции вплоть до 1917 г. В частности, можно сказать, что общим для канонического и светского понимания зла было то, что за ним неизбежно последует возмездие¹ – Божья кара или наказание, определённое в нормативных правовых актах государства за совершение конкретного преступного деяния.

В каноническом праве под «злом» понималось всё, что является противоположностью, альтернативой образу Бога-творца, который символизирует добро: «разрушение всего» (хаос), ересь, любые действия, которые могли привести к разрушению семьи как особого «мира», раскол.

В светском праве изначально символы зла кодировались в двух формах. В княжеских уставах это то, за что придётся отвечать на Страшном суде. В Русской Правде зло связано с понятием преступления (обиды), за которое согласно принципу талиона можно совершить такое же зло. В светском праве зло ассоциировалось с проведением границ, которые нужно как можно дальше отодвинуть, злоупотреблением властью, грехом. Интересно, что законодательные практики установления «символов зла» не всегда приводили к положительным результатам. В частности, взяточничество, несмотря на все усилия власти, не воспринималось как зло, а скорее – как обычай делового оборота.

Интересно, что в российской правовой традиции определённый код имела дорога. В частности, ещё Русская Правда предусматривала, что при гонении следа, если преступник выбежал на

¹ Целищева З.А. Символы зла и возмездия в западноевропейской средневековой культуре // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия. Материалы VII Международной научной конференции / Отв. ред. В.И. Полищук. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2010. С. 112.

большую дорогу, его преследование сразу прекращалось. Т.е. дорога как бы «очищала» совершившего преступное деяние, выравнивало его с остальными. Как отмечает Л.О. Терновая, дорога становилась местом рождения нового типа личности, наделенного определенными качествами, которые человек мог использовать как во благо, так во зло обществу¹. Именно поэтому, видимо, возникло понятие «разбойник в большой дороге».

В советском праве термин «зло» фактически перестал применяться в законодательстве, видимо, из-за восприятия его в совокупности с грехом в дореволюционный период. К главным «символам зла» советской эпохи можно отнести: любой возврат к прошлому, обращение к дореволюционному опыту, который заведомо считался хуже настоящего, частную собственность, религию и религиозные организации, капиталистические страны и их правовые системы, тунеядство.

В связи с разоблачением культа личности и признанием массовых репрессий в сталинскую эпоху постепенно в советском законодательстве «символом зла» стала репрессивная политика. С конца 80-х гг. XX века в СССР во многом политика строилась на выпячивании отрицательных моментов советской истории и идеализации дореволюционного периода. На возникшей вследствие отрицания советского периода российской истории социальной травме во многом строился процесс легитимации проводимой политики. В конце 1980-х гг. в рамках политики гласности многочисленные публикации о массовых репрессиях, внутрипартийной борьбе, коллективизации были не менее разрушительными для Советского государства, чем экономические проблемы. Основными «символами зла» конца 80 – 90-х гг. XX века в российской правовой традиции стали политические репрессии советского периода, отрицание религиозного начала, убийство царской семьи. Это соответствовало общей тенденции, развивающейся во всём мире, – развитию коллективной памяти, «соединению» истории и

¹ Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до Хайвея. М.: Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2016. С.2.

памяти, которая получила возможность своей трансляции благодаря новым техническим возможностям, открытым Интернетом.

В 2000-е гг. был взят другой политический курс, нежели в предшествующее десятилетие. Символическим выражением зла стали: распад государства, отделение субъектов федерации, терроризм, революционный путь развития, пересмотр результатов Второй мировой войны, разрушение традиционных семейных ценностей и т.д.

Таким образом, определённые символы зла существовали в российской правовой традиции на протяжении истории. Однако символическое кодирование существенно различалось как по цели, так и по содержанию. Если в дореволюционный период символы зла в нормативно-правовых документах так или иначе были связаны с понятием греха, т.е. посягательством на нравственные начала, а поэтому присутствовали как в канонических, так и светских документах, то в советский период они определялись идеологией, что вызывало жёсткое деление на своих и чужих, друзей и врагов и т.д. Однако к завершению советской эпохи многие символы зла были преодолены в законодательстве, которое приобрело более выверенные формулировки и трактовки. Большое значение в осмыслении «символов зла» на современном этапе имеют теории социальной травмы и коллективной памяти.

Список литературы

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.
2. Гадамер Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
3. Малахов В. С. Концепция исторического понимания Г.-Г. Гадамера // Историко-философский ежегодник. 1987. С.151-164.
4. Символика права: история и современность // <http://library.psu.ru/> (Дата обращения: 28.06.2022 г.).
5. Ситников А.В., Сторчак В.М., Сторчак М.В. Религиозная символика в коллективной памяти (на примере российских государственных символов) // Религиоведение. 2022. № 2. С. 94-100.

6. Смирнов А.В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты. Автореферат дис. ... докт. филос. наук. СПб., 2013.

7. Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб.: Типография А. Траншеля, 1876.

8. Терновая Л.О. Геополитический код дороги: от караванного пути до Хайвея. М.: Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2016.

9. Целищева З.А. Символы зла и возмездия в западноевропейской средневековой культуре // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия. Материалы VII Международной научной конференции / Отв. ред. В.И. Полищук. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2010. С. 112-115.

Медушевская Наталья Федоровна

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Современный мировой цивилизационный процесс свидетельствует о глубоких противоречиях, которые масштабно охватили весь мир. Характерные для нашего времени бесчеловечность и насилие, расчеловечивание субъекта связаны с появлением мировых коммуникационных сетей, биогенетических технологий, которые поражают своей амбивалентностью. Природа и культура перестраиваются, образуя сложный пространственно-временной континуум, на одном полюсе которого сосредоточивается сила колоссальной разрушительной способности, а на другом – мощь и полет творческой энергии.

Современный камерунский философ Ахилл Мбембе выдвинул в 2003 г. понятие некрополитики, согласно которой политическая власть используется для регулирования населения с целью его сокращения. Некрополитика обесценивает человеческую личность и жизнь, исходя из экономической рентабельности, игнорируя права людей, поддерживая наркоторговлю, создавая гетто для ненужных людей и т.д. Эта политика использует войны (в том

числе прокси-войны) для разрушения, препятствует инициативам гражданского общества. Как пишет А. Мбембе, прежняя армия мутировала в «городские бандформирования, частные армии, армии местных полевых командиров, частные охранные предприятия и государственные армии, при этом все они настаивают на своем праве применять насилие или убивать»¹. И далее: «Множество современных войн, которые ведут западные коалиции под прикрытием «гуманитарной помощи», на деле являются неокOLONIALными предприятиями, нацеленными на защиту добычи минералов и других важных геологических ресурсов, необходимых мировой экономике»². Применение современных средств ведения войны поражает своим масштабом. Это глобальный инструмент уничтожения Р. Брайдотти называет «постантропологическими технологиями».

В этих катастрофических обстоятельствах как никогда ранее актуализируются вопросы сохранения собственной национальной идентичности, традиционности и самобытности во всех сферах общественной жизни, включая и правовую сферу бытия. Неслучайно поэтому вопрос о традициях, ценностных ориентирах и аксиологической рефлексии приобретает особую значимость.

Исходя из заданных параметров, остановимся прежде всего на методологических аспектах означенной темы, на ее понятийном аппарате. Понятие традиции имеет междисциплинарный смысл и рассматривается в разных социально-гуманитарных науках. Многозначность подходов к этому понятию определяется в рамках постнеклассической науки в связи с ее особенностями и отходом от редукционизма и монопарадигмальности. Какие принципы в обосновании понятия традиции следует выделить:

- локализованность, т.е. определенность с позиции цивилизационных особенностей определенного социума; традиция «произрастает» на конкретной социальной почве и обладает ризоматичностью;

¹ Цит. по: Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021. С. 237.

² Брайдотти Р. Там же. С. 237–238.

- временная определенность: традиция формируется на протяжении длительного времени, фиксируется в различных сферах общественного и индивидуального сознания;

- устойчивость – важный принцип, который подчас проясняет, почему социум частично или полностью не акцептирует те новации, которые вводятся различными социальными институтами, почему чужие заимствования или не акцептируются конкретным обществом, или подвергаются порой причудливой трансформации;

- структурность – традиция существует в различных областях социальной жизни, обладает неким устойчивым ядром и периферией, которая зависит от сферы приложения;

- семиотичность: семиотический анализ культуры и повседневности (Ю.М. Лотман) отражает знаковость, фиксированный образ и средоточие смысла;

- аксиологичность: традиция впитывает значимые ценности социума, по сути дела, в традиции осуществляется аксиологическая рефлексия представлений, эмоций, чувствований и смыслов;

- синтетичность, благодаря которой в интеллектуально-духовной жизни социума происходит соединение рационального и иррационального, которые в итоге образуют нерасчленимый сплав, и др.

Итак, аккумулируя социальный опыт, традиция остается многозначным понятием, ее содержание зависит от социокультурного контекста, но вместе с тем она обладает рациональной и вне-рациональной формой и является основой социального бытия общества и отдельного индивида, важнейшей предпосылкой конструирования самоидентичности человека и коллектива, служит сохранению бытийного единства. Модель человека, по С. Грофу, – это бесконечность бессознательного. Социальный субъект погружен ежеминутно в условия повседневности, и его поведение находится под воздействием и влиянием тех стандартов, которые

определяются нормами, правилами, навыками, обычаями и традиционными формами взаимодействия. Конечно, эти стандарты имеют условный характер, но, как отмечает Л.Г. Ионин, «жанровая» рациональность повседневной жизни несовместима с требованиями научной рациональности»¹.

Итак, традиция представляет собой стихийно сложившуюся систему образов и образцов, правил, способов коммуникации и моделей поведения, которая отражает экзистенциалы определенной группы людей. В традиционных обществах традиции особенно сильны и определяют значимые стороны социальной жизни. Как отмечает А.А. Ивин, «традиция является формой передачи социальных ценностей и способом воздействия прошлого на настоящее»².

Традиция затрагивает разные сферы жизни социума. Отсюда возникает потребность обращения к правовой традиции, которая впитывает основные принципы традиции вообще, но обладает спецификой, связанной с полем ее появления и функционирования.

Обращаясь к правовой традиции, выделим в ней две составляющие – государственно-правовую и феноменологическую, связанную с рефлексией обычного права, особенностями ментальности, принятием или непринятием тех норм, которые составляют позитивное право. Сложности и противоречивость правовой культуры в России в значительной степени определяются противоречивостью этих двух составляющих российского права.

Воспитать целостную творческую личность в отрыве от традиций, обычаев, вне социокультурного дискурса и уроков истории не представляется возможным. Неслучайно поэтому вопросы культуры и культурной безопасности динамично встроены в Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в п.22 которого отме-

¹ Ионин Л.Г. Альфред Шюц и социология повседневности // Современная американская социология / под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С.187.

² Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2005. С. 273.

чается, что в целях дальнейшего совершенствования политического устройства Российской Федерации следует обратить внимание на воспитание российских граждан в духе патриотизма, уважения традиционных российских ценностей, отечественной культуры в целом.

На формирование отечественной правовой традиции существенное влияние оказали традиционные ценности, складывавшиеся в России на протяжении веков. «К узловым ценностям российской правовой духовности можно отнести коллективность, достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, долготворение»¹.

Правовая традиция в России оформлялась под влиянием ряда факторов, среди которых первостепенное значение имеет православная религия. «Религиозная основа русского права определяется культурной традицией православия с его идеей коллективного спасения (в отличие от индивидуального спасения в католической и протестантской религиозных традициях)»². Помимо этой идеи русское православие способствовало формированию монархического сознания россиян, которое идеологически укреплялось и оформлялось в теологической мессианской концепции псковского монаха Филофея «Москва – третий Рим», идеологии абсолютизма и самодержавной власти в концепциях иосифлян, И.С. Пересветова и многих других теологов и светских мыслителей. И в этом смысле трудно не согласиться с Н.А. Бердяевым, который считал, что «огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа. Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась бы Россия и превратилась в грудку мусора. Царь предотвращал атомиза-

¹ Малахов В.П. Философия права. – Учебное пособие / В.П. Малахов. М., 2002. С. 434.

² Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда?: Доклад и обсуждение. М., 2014. С. 9.

цию России, он сдерживал анархию»¹. Сакрализация царской власти выражалась в России в уподоблении ее власти Божией. В крестьянской массе цепочка «царь – помещик – крестьянин» имела священный смысл, следовала от Бога и распространялась на все стороны социального бытия. И если все природные явления зависели от Бога, то все социальные явления должны были закономерно зависеть от царя или императора.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на оформление контуров российской правовой традиции, являются природные особенности страны с ее обширной малозаселенной территорией, разнообразным ландшафтом, различными климатическими поясами и труднодоступностью многих областей. Расширение территории российского государства сопровождалось присоединением к России народов и народностей с их этническими особенностями, вероисповеданиями, обычаями и традициями обычного права. Многонациональность и многоконфессиональность России придавала праву неуниверсальность, создавала сложности в правоприменении.

По мнению автора, важным фактором, оказывающим влияние на формирование правовой традиции, является и эстетический фактор. Стремление увидеть красоту, сформировать восприятие эстетического характерно для российской общественной жизни. Это нашло отражение уже на ранних этапах формирования отечественной фольклорной культуры: в балладах и мифах, песнях и былинах, преданиях и сказках, потешках и сказаниях, легендах и поговорках, которые, с одной стороны, впитали определенные, порой еще до конца не сформировавшиеся правовые чувства и эмоции россиянин, с другой – воплотили их понимание права как правды, милосердности как терпимости, служения как почитания авторитета. свободы как вольности.

Уже в эпоху средневековья в балладах, сказаниях, былинах, песнях воспеваются неограниченность силы казацкой стихии, ди-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 21.

кая вольница «воровских» людей, поэтизируется богатырская анархическая мощь, не стесненная никакими ограничениями. В ней нет организующего начала, нет и намека на право. Вольность можно рассматривать как рефлексию народа на бесправие, произвольность законности, отсутствие в ней системных принципов, определяющих права личности. Законы в России устанавливались произвольно, поэтому и своеволие народа по сути дела стало следствием и реакцией на бесправие жизни и насилие. В эпоху Ивана Грозного происходит расцвет жанра исторической песни, в которой отражаются монархические настроения народа, сопряженные с желанием положительно оценить политическую и государственную деятельность царя, его гнев в отношении боярства. Еще один жанр, свидетельствующий о рефлексии правовых традиций, – это баллады. В большинстве баллад главной темой является любовь и противостояние неравенству, что воплощается в любовных отношениях, в которых находятся представители разных сословий. Но в песнях персонажи предстают как борцы с социальным гнетом, это стихийный бунт, который поэтизируется и поддерживается низшими сословиями. Баллады и песни пронизаны удалью, озорством, веселостью и ощущением вольности, безудержностью и неограниченностью запретами. Кстати, эстетизация касается не только правовой традиции, но, собственно, и русского языка. Как известно, для россиянина красота русского языка всегда была значимой ценностью, которая оказывает влияние и на язык права.

Особенно ярко литературоцентризм в понимании права проявил себя в конце XVIII – XIX столетиях в творчестве русских писателей: А.С. Пушкина, А.Н. Радищева, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и многих других, в публицистике и литературной критике.

Итак, в России существует своя национальная правовая традиция, которая не может не учитываться в процессе формирования правовой культуры, она отражает характер русской культуры в целом и особенности национального характера, анализу которых

посвятили свои работы многие отечественные мыслители (Г.Г. Сковорода, П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Д.С. Лихачев и т.д.).

Возвращаясь в лоно русской правовой традиции, отметим следующее: с одной стороны, она находится под значительным влиянием западной правовой традиции, с другой – основывается на ценностях, обычных правовых эмоциях, представлениях и вне-логичном восприятии права, которое фиксируется в обыденном правовом сознании и правовом менталитете, отражающем те глубинные особенности, которые вытекают из патриархального и аксиологического отношения к государственности, приоритета общего над частным, морали над правом, монархического сознания. Эта дихотомичность составляет ту реальность, с которой надо считаться, когда мы обсуждаем вопросы правовой культуры.

Итак, в современных социально-политических условиях при росте фейковых вбросов и усилении тотального контроля, слежки, манипулирования свободным выбором человека и его ментальностью, реализации некрополитики возникает настоятельная потребность в создании нормативных актов, защищающих традиционные моральные ценности, права и свободы человека и общества, касающиеся сохранения человека в его определенности (М. Фуко), утверждения самооценности индивида с его автономией, креативностью и самоидентичностью.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
2. Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021.
3. Ивин А.А. Современная философия науки. М., 2005.
4. Ионин Л.Г. Альфред Шюц и социология повседневности // Современная американская социология / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.
5. Малахов В.П. Философия права. – Учебное пособие. М., 2002.
6. Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда?: Доклад и обсуждение. М., 2014.

Рыбаков Олег Юрьевич

**ФИЛОСОФИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Благополучие является актуальным, но вместе с тем, неоднозначным критерием положения человека в общественной и личной среде. Сам термин не имеет общезначимых параметров, универсальных характеристик этого состояния. Благополучие как понятие экстраполируется в различных смысловых конфигурациях на область экономики, права, социальной сферы, психологии, конфликтологии и других областей жизнедеятельности человека. Благополучие - это понятие, определение которому возможно дать лишь применительно к определенной области бытия человека, его сознания. Благополучие может пониматься как спокойное, без тревог, потрясений состояние, как качество жизни, предполагающее существование в обеспеченности всем необходимым, но в любом случае это субъективные оценки, отражающие восприятие благополучия. Чаще всего благополучие понимается через субъективное восприятие, состояние удовлетворенности бытием и одновременно как достаток, который уже можно оценивать, исходя из принятых в обществе и государстве стандартов обеспечения людей в различных сферах, и прежде всего, социальной.

Идея «общего блага» выражает назначение социального государства. Государство не для определенной группы лиц, как в случае с аристократией или олигархией, а для всех членов данного общества, объединенного под эгидой, юрисдикцией государства. Государство обязано быть полезным своим гражданам, но все же возникает вопрос: возможно ли такое состояние? Возможно ли в принципе? Может быть, идея социального государства - это воплощение многовековой борьбы не самых обеспеченных слоев общества за свое достойное положение в обществе, достигаемое с помощью государственных возможностей? Эти вопросы могут

быть продолжены и ответы на них дает человечество, предлагая различные модели социального государства.

В соединении понятий «благополучие» и «социальное государство» формируется познавательная сфера, имеющая исходные точки отсчета. Это, прежде всего, индивид со своими потребностями и интересами, личностными ресурсами их реализации, достижения. Далее, государство проявляется в своих очертаниях и целях, как способное, содействовать своему социальному характеру и направленности. Значительную, если не определяющую роль для осуществления социальной направленности государства, выполняет законодательство, которое в свое очередь согласуется с целями социальной политики. Благополучие имеет финансовые, экономические, социальные критерии. Психологические показатели, мотивационная сфера индивида к участию в различных сферах самореализации, прямо не коррелируют с возможностями социального государства. Благополучие относительно социального государства есть форма и способы наиболее гармоничного устройства индивида и социальных слоев, социально-профессиональных групп. Действительно, понимание ценностных, лично и общественно значимых оснований государственной жизни претворяется в идее социального государства.

Человечество, обретая ценностные понятия благополучия, достоинства, все же не остановилось на пути обретения гармонии личных, общественных, государственных потребностей, интересов, ценностей. Цель движения к наиболее приемлемым формам государственной организации выражена именно в идее социального государства. Социальное государство предполагает реализацию справедливых начал. Но справедливое распределение и предоставление всевозможных благ с помощью государства предполагает в свою очередь, действие права, которое также нацелено на формирование справедливых отношений. Между правовым и социальным государством отсутствуют противоречия принципиального характера, так они оба служат человеку в идеале.

Для характеристики социального государства в различных теориях, обосновывающих его значение, определяется, прежде всего, его цель, выступающая принципом его организации¹. Этот принцип определяет цель социального государства. Цель необходима, так как человек обустроивает свое государственное бытие на основе целеполагания множества индивидов. Всеобщее предполагает индивидуализацию цели, но последняя реализуема посредством интеграции единичного во всеобщее. Можно выделить следующие принципы: 1. Принцип и цель социального равенства, Равны все, независимо от места в социальной иерархии. Права и обязанности правителей эквивалентны правам и обязанностям подданных. Равенство и свобода реализуемы в управлении, а народ есть единственный источник власти. 2. Принцип и цель равенства, социального благополучия и справедливости государства реализуется при отсутствии частной собственности, эксплуатации человека человеком, предполагающие уничтожение классового неравенства и привилегий. Представителями можно считать Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ильича Ленина. Достижение социальной справедливости должно привести к полному уничтожению всякого государства посредством вначале перехода к его социалистическому типу. В итоге развитие социалистического государства должно привести к формированию в конечном итоге бесклассового коммунистического общественного самоуправления. 3. Индивидуализм как принцип и цель социального государства. Реализация индивидуализма означает постулирование персональной свободы, которая представляет, по сути, единственную высшую ценность. Это экономическая, включая предпринимательскую, свобода, политическая и другие виды реализации свободы. Личная жизнь неприкасаема, вторжение в нее невозможно (Адам Смит, Бенжамен Констан, Джон Локк).

Отметим, что значение индивидуализма в условиях общества, реализующего свободу вполне понятно и приемлемо. Но ин-

¹ См.: Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. 2-ое изд., перераб. и доп. М: Проспект. 2022. С. 236.

дивид, в какой бы социальной роли он не выступал, не может быть независим, отрешен, исключен из соотношения с другими индивидами. Может ли воля индивида быть источником власти в государстве? Тогда следует уточнить какого индивида, о ком идет речь? Правильнее полагать, что принцип уважения свободы и прав индивида предполагает устройство гармоний разных индивидов, их сообществ, всего общества и государства. Индивидуальная свобода может быть критерием реализуемости права человека быть индивидуальным

Становление социального государства, выраженное, как имманентная цель имеет и другие принципы, реализующие и обосновывающие целеполагание. Однако, приведенные нами принципы-цели противоречивы и наглядно демонстрируют неоднозначность и даже разнохарактерность целевых установок и ценностных предпочтений сторонников теорий достижения социального благополучия в государстве. Сама идея социального государства формировалась в различных направлениях государственно-правовой мысли: либерализма, социалистических идей, отражающих поиск социального равенства и всеобщего благополучия. «Социальное государство» от идеи до ее реализации проделало значительный исторический путь, а сам термин был введен в научный оборот Лоренцом фон Штейном. Им предлагалось достижение социального государства на основе масштабных социальных реформ, проведения целенаправленной политики государства, обеспечивающей систематическую заботу о социальном благополучии своих граждан. Реформы, а не революции, планомерность и последовательность, а не социальная конфронтация – вот тот путь, который должен привести к социально благополучной государственности.

Именно государство заинтересовано в социальной согласии на основе благополучия всех граждан. Государство, возвышаясь над различными индивидуальными интересами, в том числе бизнеса, призвано обеспечивать условия для роста доходов граждан, оказывать помощь бедным, обездоленным слоям общества, так

как заинтересовано в своей стабильности и устойчивости, которые достижимы именно благодаря всемерной заботе о своих гражданах. Способствуя выравниванию уровней жизни различных категорий граждан, государство обеспечивает сохранение собственной власти. Реализуются взаимосвязанные и необходимые цели, задачи, как для государства, так и для бедных слоев общества. Лоренцом фон Штейном предложен рациональный путь формирования государства социального благополучия, хотя и являющийся не единственным.

Австрийский юрист Юлий Офнер, немецкий ученый — геополитик Фридрих Науманн, немецкий экономист Адольф Вагнером внесли свой значительный вклад в развитие теории социального государства. В современных условиях теория социального государства продолжает развиваться: появляются новые черты, особенности, предлагаются способы решения социальных проблем.

Следует подчеркнуть, что социальные функции государства и само социальное государство не тождественные понятия. Социальные функции свойственны любому государству, но вопрос стоит в принципах организации государства для человека, а не только в объеме осуществляемых функций.

Для социального государства характерно достижение социального благополучия, выражающее социальное благо членов общества, в котором в свою очередь представлены личное благо и общее социальное благо. Это подчеркивает вновь, что крайний индивидуализм не соответствует принципу организации социального государства.

В философии права, теории государства и права продолжается исследование и уточнение справедливости как условия социального государства. Известное значение имела теория справедливости, обоснованная Джоном Ролзом в работе¹, вышедшей в 1971 г., в которой он обращается к теории общественного договора

¹ Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. Изд. 2-е. М., 2010.

(Джон Локк, Жан-Жак Руссо), отмечая, что вряд ли стоит полагать, что некогда существовал некий контракт как договор в конкретном обществе.

Состояние или качество общественной и государственной жизни в виде справедливости может быть в идеале достижимо при условии организации этой жизни на основе традиций социума и личности к обретению справедливости. Но в любом случае, роль государства будет весьма велика.

Принципы социальной справедливости могут различно пониматься в неодинаковых исторических, политико-правовых условиях. Главное, чтобы индивиды, образующие свое государственное бытие, разделяли эти принципы, договорились о них и смогли организовать свое обустройство государственной и общественной жизни, основываясь на них. Ценности индивидуального бытия неизбежно интегрируются и унифицируются при создании социально благополучного государства. Ценности социальной справедливости могут и должны иметь объективно выраженный и систематизированный характер. В современных условиях они выражаются в принимаемых международным сообществом и отражаемых в документах международно-правового характера документах, как стандарты прав человека.

Философское обоснование социальной справедливости определяется мировоззренческим взглядом на проблему справедливого и несправедливого. В истории философско-правовых идей известны разные подходы к пониманию справедливости как одной из главенствующих основ организации социальной жизни, устройства политической и правовой системы. С определенной долей уверенности можно констатировать, что вся история человечества это поиск справедливости. На каждом этапе истории и в отдельных социумах понятие справедливости имело неодинаковое наполнение. Однако, если бы оно вмещало лишь специфические, исторически преходящие качества, признаки, вряд ли возможно вообще было вести речь о данном понятии. Под справедливостью в социальном широком смысле обычно понимают ту или иную

оценку явлений, событий, отношений со стороны определенных субъектов, основанную на представлениях об идеалах. То есть для уточнения понятия «справедливость» необходим некоторый образец, идеал, в соответствии с которым выявляется справедливое и несправедливое. В любом случае понятие «справедливость» получает свою квалификацию на уровне мировоззрения. Исторически для понимания права, характеристики правосознания мировоззренческую роль выполняли мифология, религия, философия, наука.

В социальной политике нельзя не учитывать реальное неравенство людей, выраженное в различных формах. Это вопрос не только аксиологического, антропологического плана, но и мировоззренческого уровня.

Человек живет не только стратегическими задачами, но и реальностью современного дня, поэтому ему жизненно необходимы, не только декларирование целей и перспектив, но и проживание в бытии сегодня и сейчас на основе социально справедливого устройства государства, когда есть юридические, экономические, культурные, духовные возможности смягчения последствий фактического неравенства.

Аксиоматичной идеей является наличие социального законодательства, которое действительно обращено к человеку, независимо от его потенциальных возможностей, как работника или работодателя есть необходимое условие выравнивания бедности. Что же означает эффективность социального законодательства? Не является ли оно само и используемый термин, отражающий эффективность как полезность, востребованность и необходимость, лишь признаком цивилизованности, то есть то, что должно быть в развитом обществе? Как представляется, существуют конкретные индикаторы уровня жизни, доходов населения, прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда и т.д.

Философия социального государства – это философия всей жизни человека, его ежедневного погружения в пространство необходимости. Это философия оценки собственного жизненного

пути в соотношении с той оценкой, которое предоставляет государство в виде системы социальной поддержки людей независимо от их возраста, возможностей трудового участия.

Как отмечается в научной литературе, в социальном государстве должна доминировать идея нивелирования социального неравенства и его последствий, а поддержка беднейших слоев населения должна стать национальной программой, имеющей не декларативный характер, а прочную нормативную базу и эффективную практическую реализацию»¹. Богатые и бедные, социально защищенные и нуждающиеся в такой защите, имеющие доступ к реализации социальных благ и не имеющие таковых – вот зримые характеристики положения человека в обществе. Ни одна философская концепция не будет убедительна для тех, кто не осознает почему люди рождаясь одинаковыми, не имеют одинаковых стартовых возможностей. И главное, что делает общество и государство для минимизаций социально-экономических различий.

Индивид анализирует всегда и, прежде всего, свое положение в настоящем, в актуальном пространстве и времени: здесь и сейчас. И, конечно, на разных этапах жизни он воспринимает социальную поддержку, фактор социального благополучия неодинаково. Но, как известно, все начинается с детства.

Носители перспективы развития общества – это сегодняшние дети и им необходима не только «территория безопасности», но и социальная защищенность, которую они самостоятельно добыть пока не могут в силу возраста. Вне защищенного детства нет перспектив общества. Поэтому вполне обоснованно отмечается в научных исследованиях, что закрепленные в международных документах, стандарты обеспечения прав ребенка на жизнь и охрану здоровья являются векторами, ценностными ориентирами, приоритетами развития национального законодательства с учетом сложившихся в европейской практике стандартов обеспечения

¹ Саудаханов М.В. О содержании понятия «социальное государство» //Закон и право. 2021. № 3. С. 22.

благополучия материнства и детства¹. Если государство не обеспечивает начало жизни индивида с момента его рождения и активно проводит пенсионную социальную политику, направленную на реальное благополучие пенсионеров, можно констатировать отсутствие целостности и завершенности не только идеи или концепции социального государства, но и половинчатость его политики. Поэтому понятие «социальное государство» и «благополучие» предполагают единую последовательную государственно-политическую деятельность равномерно реализующую потребности, интересы, притязания индивидов от начала и до завершения их жизни.

Социальное благополучие, идея общих благ, безопасности и охраны жизни человека имеют особое значение. Это в глобальном масштабе связано с тем, что знаковые исторические события, общественные, государственные преобразования, войны, революции не могли не влиять на нравственность и мировоззрение поколений людей. Но идея общего блага, выраженная как социальное благополучие граждан конкретного государства каким бы образом она не закреплялась, и прежде всего нормативным, не выражается одномерно и равнозначно всегда и для всех. Такие качества социальной среды как конформизм, солидарность общественных слоев, политическая толерантность, культура правового поведения реализуются на фоне исторически сформированных подходов и способов, форм организации государственной и правовой жизни. Исторически сложившаяся модель социальных притязаний индивида может пониматься как социальное благополучие. Но такое было возможно, пока государства не вступили в эру глобализации, когда международные стандарты стали превалирующим критерием оценки положения человека в обществе и его взаимодействия с государством. Вряд ли возможно универсализировать классици-

¹ См.: Рыбакова О.С. Европейские стандарты правового обеспечения прав ребенка на жизнь и охрану здоровья // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2018. № 3. С. 147-153; Ростова Ю.В. Государственная поддержка материнства в Российской Федерации // Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития. М., 2014. С. 126-127.

кацию блага и экстраполировать понятие «социальное благополучие» на все страны и народы, что, подчеркивает, историческую ограниченность идеи глобализации как единственно возможной. Всеобщее социальное благополучие на данном уровне развития цивилизаций недостижимо в силу границ, суверенитетов, различного уровня развития экономик, традиций, культуры. Возможна минимальная стандартная унифицированность благ для определенной группы стран. Но в этом случае, они должны иметь не только сходные цели общественного развития, но и взаимную интегрированность культур и сопоставимый уровень экономического развития.

Список литературы

1. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
2. Ростова Ю. В. Государственная поддержка материнства в Российской Федерации // Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития. М., 2014.
3. Рыбакова О. С. Европейские стандарты правового обеспечения прав ребенка на жизнь и охрану здоровья // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2018. № 3.
4. Саудаханов М.В. О содержании понятия «социальное государство» // Закон и право. 2021. № 3.
5. Рыбаков О.Ю. Философия права: учебник для магистров. – 2-ое изд., перераб. и доп. М: Проспект. 2022. 320 с.

Павлов Вадим Иванович

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА И. КАНТА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА О ЧЕЛОВЕКЕ

В современной антропологии права серьезное внимание уделяется анализу различных моделей правовой субъектности, которые лежат в основании той или иной правовой традиции и конкретного правопорядка. Такого рода анализ требует учета не-

скольких методологических условий: во-первых, понимания доминирующего положения западной, новоевропейской модели субъекта права и человека в праве для правовых систем и правовой доктрины, сформировавшихся под влиянием западной правовой традиции. Во-вторых, наличия в любой антрополого-правовой модели двух хотя и взаимосвязанных, но различных уровней выражения правовой субъектности – операционального и концептуального. Первый отвечает за инструментальные характеристики правовой субъектности, связанные с ее формально-догматическими параметрами и являющиеся универсальными (конструкции право- и дееспособности, возраста и вменяемости, персонализации, правового статуса и т.д.). Второй отвечает за ценностное, политико-идеологическое позиционирование субъектной модели, связанное с понятиями правовой личности, личностной правовой ценности, исходных методологических оснований понимания человека в правовой реальности и т.д. В-третьих, осознания того, что на современном этапе развития фундаментальной и отраслевой юриспруденции в той или иной степени проявляется кризис правовой субъектности, равно как и в целом кризис классического юридического дискурса. Как отмечают современные исследователи кризисные явления в современной юриспруденции во многом связаны как раз с новоевропейской правовой методологией, в том числе и с моделью правовой субъектности¹.

Уяснение причин утраты эффективности модели субъектности связано с анализом историко-доктринального содержания антрополого-правовой модели, которая является господствующей в

¹ Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / Сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. СПб., 2021.; Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография. Москва, 2020. Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. Пашенцев Д. А. «Цветные революции» как результат информационных войн: государственно-правовое измерение / Д. А. Пашенцев // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 113–116; Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Пацек М. Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 38–54.

юридическом дискурсе и правопорядке. Как отмечено выше, в правовых системах, сформировавшихся под влиянием западной правовой доктрины, используется новоевропейская модель правового субъекта, имеющая глубокую и сложную историю развития¹. Ключевое значение для формирования концептуального уровня данной модели имела философия и антропология права И. Канта, которая по настоящее время выступает методологической основой учения о человеке в праве в его западном варианте.

В русской философии права, несмотря на ее зависимость от немецкой философской и правовой мысли в XIX столетии, разрабатывались альтернативные взгляды на правовую субъектность. Альтернатива строилась в основном за счет ценностно-правового различия модели, наиболее уязвимой для критики считалась именно этическая составляющая морального субъекта у И. Канта. Анализу антрополого-правовой модели в философии И. Канта в ее сопоставлении с философско-правовыми воззрениями русской мысли о человеке в праве будет посвящено представленное далее исследование.

Если рассматривать модель субъекта в философии И. Канта в контексте формирования европейской антропологии, то становится очевидным, что немецкий мыслитель продолжил развитие классической модели субъекта, следуя за Р. Декартом и осуществляя трансцендентальную трансформацию его антропологического тезиса («я мыслю, следовательно, я существую»). Субъект у Канта, являясь субъектом, познающим по преимуществу, по сравнению с моделью субъекта у Декарта становится трансцендентальным и этическим. Кант строго разводит «чистый» и эмпирический уровни субъективности, тем самым «снимает необходимость обращения к трансцендентной опоре»², как это имело место у Картезия. Если рассматривать антропологию Канта с позиции христианской антропологии, то очевидно, что немецкий мыслитель секу-

¹ Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В.И. Павлов. М., 2021.

² Смирнов А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск, 2011. С. 38.

ляризирует субъекта, а за ним и человека, распределяя понятие субъекта по спекулятивным структурам трансцендентальной схемы. Несмотря на насыщенный нравственный дискурс человека, особенно в своих поздних работах, Кант, тем не менее, в своей системе остается в рамках картезианского основания. Одно из главных антропологических произведений Канта – «Антропология с прагматической точки зрения»¹ – написано в эмпирико-описательном, прагматическом ключе, однако в нем нет модели человека: последняя формируется в «Критиках...» и вполне основывается на картезианской почве.

В произведении «Метафизические начала учения о праве» Кант разработал нравственные основания учения о субъекте права: в таком виде оно вошло в корпус новоевропейской правовой методологии. В центре кантианской антропологии находится учение о категорическом (безусловном) императиве. «Категорический императив, – отмечает Кант, – гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! – Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение – это ты можешь узнать лишь по тому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеобщего законодательства»².

Идею императива Кант переносит и на понятие права, которое определяется им посредством новоевропейского понятия свободы – «всеобщего закона свободы». Свобода рассматривается мыслителем исключительно в рационализированном и естественно-правовом аспектах, как «принцип прирожденной свободы». При этом свобода должна быть совместима «со свободой каждого,

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994. С. 137–376.

² Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М., 1994. С. 247.

сообразной со всеобщим законом»¹. Это и есть, по Канту, «всеобщий правовой закон»: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произволения было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»². Иными словами, свобода у Канта носит нормативно-институциональный характер.

При таком подходе складывается определенная модель субъекта права – морального человека. Субъект права должен быть морален, но морален в определенном ключе. Такая мораль основана на внешнем проявлении субъективной воли с опорой на «всеобщий правовой закон», т.е. на формализованные трансцендентальные структуры, «максимы». Если у Декарта субъект был обоснован с рациональной стороны, с позиции отождествления мышления и субъектности исходя лишь из прирожденной разумности ума и мышления, то в концепции Канта, использовавшего картезианскую модель рациональности (произволение), субъект обосновывается с позиции трансцендентальной морали, которая должна открыть «всеобщий правовой закон», в основе которого лежит свобода Другого. Свобода при этом трактуется как внешнее проявление воли на основании всеобщего закона. Т.е. это не столько антропологическая, личностная категория, сколько трансцендентальная, формальная, субъектно-правовая. Вопрос же о том, что же такое личность, человек применительно к праву Кант не рассматривает. Для него *моральный субъект это и есть правовой субъект*, а его свобода и есть, по сути, правовая свобода как «независимость от принуждающего произволения другого»³. Свобода как независимость (т.е. негативная свобода, «свобода от») у Канта становится специфически юридическим понятием.

Итак, свобода для Канта, есть «совместимость со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, ...это единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в

¹ Там же. С. 254.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 261.

силу его принадлежности к человеческому роду»¹. Кант, таким образом, сформулировал постулат новоевропейской концепции человека юридического, который до настоящего времени является господствующим в западных правовых системах, законодательстве Европейского Союза, в том числе и в постсоветском праве. Этот важнейший для новоевропейской правовой методологии вывод, в том числе для учения о правовом государстве и верховенстве права, *сформировал понимание субъекта права и человека в праве на основе специфически формального, трансцендентального понимания морали и сущности права*. Категорический императив, который каждое лицо должно постоянно отыскивать внутри себя, держится на абстрактной всеобщности, формальном тождестве, потому что субъект, человек у Канта рационализирован. По критическому замечанию В. В. Лазарева, «формальный характер нравственного закона превращает его в пустую тавтологию»². Ж.-П. Сартр, критикуя антропологию Канта, отмечал, что формальное и всеобщее недостаточны для конституирования морали: «слишком отвлеченные принципы терпят крах при определении действия... содержание всегда конкретно и, следовательно, непредсказуемо. [В человеческом действии] всегда имеет место изобретение. Важно только знать, делается ли данное изобретение во имя свободы»³. Н.А. Бердяев отмечал, что «человеческая личность для Канта совсем не есть ценность, она есть лишь формальный, общеобязательный, законнический принцип»⁴. «У Канта, – отмечал мыслитель, – учение о личности не есть все-таки подлинный персонализм, потому что ценность личности определяется нравственно-разумной природой, которая универсально-общая»⁵.

¹ Там же.

² Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант–Гегель–Вл. Соловьев / РАН. Ин-т философии. М., 1996. С. 34.

³ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 341.

⁴ Бердяев Н.А. О назначении человека // Он же. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Николай Бердяев. – М., 2006. С. 386.

⁵ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Он же. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Николай Бердяев. – М., 2006. С. 31.

Интерпретируя учение о моральном и правовом субъектах Канта следует поэтому отметить, что и личность, и субъект у Канта являются субъектами права по преимуществу. Лицо, личность есть «тот субъект, чьи поступки могут быть ему *вменены*. *Моральная* личность, следовательно, это не что иное, как свобода разумного существа, подчиняющегося моральным законам... лицо подчинено только тем законам, которые оно (само или по крайней мере совместно с другими) для себя устанавливает»¹.

Новоевропейский характер кантовской антропологии и ее принципиальное отличие от восточнохристианского антропологического дискурса, в том числе и от линии развития правового человека в русской философии права, в XIX в. обосновывал В. С. Соловьев. «В. Соловьев, – отмечает В.В. Лазарев, – подчеркнуто формулирует свое отличие от Канта, для которого нравственное начало сводилось лишь к субъективному сознанию долга. Канту не хватает “объективного” понимания нравственного начала, которое должно выражаться “в известном общественном идеале”, а это предполагает опору на “метафизические” истины, теоретическая достоверность которых не зависит от их практической желательности»².

В. С. Соловьев продемонстрировал принципиальное отличие антропологии Канта от антропологической модели, лежащей в опыте религиозно-правовой, византийской, христианской мысли о человеке на юридическом примере – примере известного логического казуса с убийцей, преследующего жертву³. Следует, однако, тут же сделать оговорку, что модель субъекта, которую отстаивает В. С. Соловьев в своей философии права, отличается от юридической модели субъекта на уровне российского законодательства, во многом заимствованной из западноевропейской правовой традиции.

¹ Кант И. Метафизика нравов. // Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М., 1994. С. 244–245.

² Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. Кант–Гегель–Вл. Соловьев / РАН. Ин-т философии. М., 1996. С. 55.

³ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М., 1994. С. 256–263.

Кант в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» отвечает на критику своей позиции со стороны известного представителя французского либерализма Б. Констана, который упрекает немецкого мыслителя за формализм и отвлеченность его правового и нравственного учения, говоря в категориях современного правоведения – за невнимание к социальным целям и назначению права. Позиция Канта такова: правовой долг человека состоит в том, чтобы всегда и всем говорить правду исходя из всеобщности и формальности нравственного закона и такой же всеобщности и формальности права, основанного на договоре. «Правдивость в высказываниях, – говорит Кант, – которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого»¹. И даже в случае, если кто-то у себя в жилище спрячет жертву, преследуемую убийцей, и на вопрос последнего солжет, что в его жилище никого нет, то, согласно Канту, он нарушит моральный долг (категорический императив). Потому что «правдивость есть долг, который надо рассматривать как основание всех опирающихся на договор обязанностей, и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и бесполезным»². Правдивость Кант рассматривает как «священную заповедь разума», которая, однако, опирается на его учение о категорическом императиве как всеобщем нравственном и правовом законе.

Важно понимать сами принципы функционирования кантианской концепции нравственности и, соответственно, его юридический подход к пониманию человека: это формальный и всеобщий характер нравственных и правовых положений. Оправдывая действие домовладельца, выдавшего убийце жертву, немецкий мыслитель отмечает: «И хотя бы я той или другой ложью в действительности никому не причинял несправедливости, однако я все-таки *вообще* нарушаю правовой принцип относительно необ-

¹ Там же. С. 257.

² Там же. С. 258–259.

ходимых и неизбежных свидетельств (значит, формально, хотя и не содержательно, делаю несправедливость), а это гораздо хуже, чем совершать по отношению к кому-нибудь несправедливость, потому что такой поступок не всегда предполагает в субъекте соответствующий этому принцип»¹. Иными словами, *Кант отрывает всеобщий правовой принцип от конкретной, ситуативной цели права, конкретного субъективного права конкретного человека и отдает предпочтение принципу.*

Формализм и абстрактность в понимании Кантом морального долга очевидны для практического юридического мышления. В связи с этим В.С. Соловьев критиковал Канта за изоляционизм и отсутствие целостного, контекстуального подхода к данной ситуации, погруженности в реальную правовую жизнь. Кант не раскрывает смысл и цель вопроса убийцы (они остаются за рамками казуса), а, главное, не раскрывает смысл «истины», а точнее – «правды» применительно к конкретному ответу хозяина дома преступнику. Экзистенциальность ситуации переводит вопрошание убийцы и ответ свидетеля из регистра «истины» в регистр «правды». Поэтому формально верный ответ свидетеля «вовсе не был бы исполнением обязанности говорить правду, а только преступным пособничеством, благодаря которому покушение превратилось бы в совершение убийства»². Кроме того, В. С. Соловьев обосновано вменяет Канту и нарушение его же категорического императива: спасти жертву – и есть общее правило, общая норма и императив права³. Как это выразил В. В. Лазарев, «подлинная истина как и подлинная нравственность едины, и одна не может противоречить другой»⁴.

Критика В.С. Соловьевым позиции Канта по данному юридическому казусу исходит совершенно из иного антропологического дискурса, нежели субъектный. В этом «дискурсе правды»

¹ Там же. С. 261.

² Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. I / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. М., 1990. С. 199.

³ Там же. С. 200–202.

⁴ Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России. С. 63.

русский философ «...исходит не из отвлеченных максим, а из тысячелетнего народного опыта, в котором “отведение глаз” убийцы стало нормой нравственной культуры, нормой, многократно испытанной, проверенной на деле, упроченной, имеющей свои памятные образцы. Это – не плод умствований, а народная правда, которую надо просто осознать»¹. Как результат В. С. Соловьев доказывает, что и с теоретической, и с нравственно-практической точек зрения «неистинность» ответа свидетеля убийце является не то что не ложью, но непосредственной обязанностью, телеология которой относится не только к факту защиты жертвы, но и факту «любви», ограждения преступника от зла. Схожую позицию занимает и ведущий современный специалист по теории этики Р.Г. Апресян².

Таким образом, антропология Канта, хотя и основана на морали и моральном субъекте, однако не описывает личностный уровень существования человека как нравственного существа. Мораль здесь трансцендентальна и в методологическом отношении продолжает развитие картезианского подхода к человеку, в соответствии с которым лицо должно отыскивать внутри себя всеобщую меру свободы, основываясь на определении формального «всеобщего правового закона». В связи с этим Е. Н. Трубецкой назвал антропологию И. Канта «ложным антропологизмом кантовой теории познания»³, имея ввиду то, что И. Кант сформулировал теорию абсолютно независимого самодовлеющего субъекта познания, а не живого и непосредственного человека в правовой реальности, оказавшегося в действительности конкретного правопорядка и правовых ценностей. Антропология И. Канта стала «завершающей вехой картезианского субъекта, окончательным разрывом с элементами концепции субъективации

¹ Там же.

² Апресян Р.Г. О допустимости неправды по обязанности и из заботы. Один случай Канта : Доклад на теоретическом семинаре сектора этики Института философии РАН (декабрь 2007 г.) // Институт философии РАН [Интернет-сайт]. Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/apr_q.html#_ftn1.

³ Трубецкой, Е. Н. Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства / Е. Н. Трубецкой. Москва, 1917. С. 307.

и характеризовались отказом от метафизичности субъекта и утверждением его статичности, автономности и гносеоцентризма»¹. Формальный характер всеобщего правового закона и признание сущности человека в праве за таким же по характеру категорическим императивом как «всеобщим законодательством» при отрицании вне формализованных моделей нравственности во многом привело к антропологическому кризису в праве. Данный кризис связан с исходными основаниями понимания не субъекта права как завершенной юридической модели лица, а человека в праве, его личности и правовой идентичности, ориентируясь на которые всегда и формируются базовые ценности любой правовой системы.

Список литературы

1. Апресян Р. Г. О допустимости неправды по обязанности и из заботы. Один случай Канта : Доклад на теоретическом семинаре сектора этики Института философии РАН (декабрь 2007 г.) // Институт философии РАН [Интернет-сайт]. Режим доступа : https://iphras.ru/uplfile/ethics/seminar/apr_q.html#_ftn1.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека // Он же. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Николай Бердяев. – М., 2006.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Он же. О назначении человека. О рабстве и свободе человека / Николай Бердяев. – М., 2006.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994.
5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М., 1994. С. 256–263.
6. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М., 1994.
7. Кириленко В.П., Алексеев Г.В., Пацек М. Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 38–54.
8. Кризис права: история и современность : монография / под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018.

¹ Русаков, С. С. Коперниканский поворот И. Канта в контексте концепции субъективации / С. С. Русаков // Философская мысль. 2021. № 3. С. 47.

9. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления : коллективная монография / Сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. СПб., 2021.
10. Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Кант–Гегель–Вл. Соловьев / РАН. Ин-т философии. М., 1996.
11. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В.И. Павлов. М., 2021.
12. Пашенцев Д. А. «Цветные революции» как результат информационных войн: государственно-правовое измерение / Д. А. Пашенцев // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 113–116.
13. Русаков С. С. Коперниканский поворот И. Канта в контексте концепции субъективации / С. С. Русаков // Философская мысль. 2021. № 3. С. 42–50.
14. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография / А. Н. Савенков. – М., 2020.
15. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
16. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск, 2011.
17. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. I / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. М., 1990.
18. Трубецкой Е. Н. Метафизические предположения познания : Опыт преодоления Канта и кантианства / Е. Н. Трубецкой. М., 1917.

Минченко Татьяна Петровна

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ VS РАЗВИТИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ
СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Целью истинного образования является формирование гармоничной и разносторонне развитой личности. Этот идеал, впервые реализованный еще в античности и давший великие результа-

ты¹, в эпоху противоречивых процессов глобализации, в условиях глобальных социальных трансформаций, является не менее, а еще более востребованным.

Одним из актуальных требований, предъявляемым к будущим специалистам, является их умение к созиданию, способности учиться, формировать системное мировоззрение, а также навык в письменной и устной форме предъявлять свои инновационные достижения. Эти навыки, как и творческая самоорганизация преподавателей и студентов, очень важны в ситуации быстрых кардинальных социальных и технологичных изменений, в переходный период к человекоориентированному глобальному управлению².

Ключевой проблемой современности является ситуация антропологической катастрофы, являющейся истоком всех современных глобальных проблем³.

Для образовательной системы в связи с этим наиболее существенным представляется организация образования таким образом, чтобы избежать крайностей с одной стороны, воинствующего невежества, некомпетентности, а, с другой – «образованных Эйхманов»⁴.

При этом законы и подзаконные акты, касающиеся цифровой трансформации российского образования, проходят без научного обоснования и без обсуждения со всеми участниками образовательного процесса. Для описания ситуации используется термин «цифровое образовательное безумие»⁵.

Рассмотрим с позиций гносеологического подхода применимость цифровизации к результатам конкретных видов и форм познания.

¹ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.

² Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению// Век глобализации. 2021. № 3. С. 86-100.

³ М.К. Мамардашвили. Сознание и цивилизация// Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107-121.

⁴ Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Penguin Books. 1994. 312 p.

⁵Родительская палата выступила против цифровизации образования // <https://regnum.ru/news/society/3461857.html>

Существует 3 основных вида познания, посредством которых человек получает жизненный опыт: рациональное, чувственное и иррациональное познание. Каждый из этих видов имеет соответствующие формы: рациональное познание осуществляется посредством понятий, суждений и умозаключений; формами чувственного познания являются ощущение, восприятие и представление; иррациональное познание представлено интуицией, верой, инсайтом и иными формами целостного постижения сущности явлений. Для разных людей более убедительной является информация, получаемая в тех формах, к которым эти люди по генетическим, социальным или иным причинам, более восприимчивы.

При этом нужно отметить, что не все формы получения информации поддаются цифровизации в принципе. Если рациональные формы познания могут быть оцифрованы, можно говорить также о частичной оцифровке чувственных образов, то в отношении иррациональных форм мгновенного получения знания цифровизация в принципе невозможна.

Общую картину процесса познания усложняет наличие бессознательных форм восприятия информации. По мнению ряда исследователей, в частности представителей теорий психоанализа или психосинтеза, бессознательные процессы у большинства людей играют доминирующую роль в соотношении с сознанием и самосознанием в определении поведения.

Что касается цифровых форматов работы, их применение очень неоднозначно.

С одной стороны, в современном «цивилизованном» мире цифровизация отношений в различных сферах жизни общества идет семимильными шагами, значительно облегчая многие социальные процессы. В системе образования ставятся задачи тотальной цифровизации, более того, некоторые руководители (Сбербанк, Министерства образования и науки, Министерства просве-

щения, ректора вузов) полагают «цифровую революцию» главным трендом в образовании¹.

Однако, есть существенные вопросы, в первую очередь, связанные с тем, кто и с какими целями применяет цифровизацию.

Эта проблема ставится в настоящее время на самом высоком уровне, в частности Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в своём выступлении перед делегатами Генассамблеи ООН рассказал о «темной стороне» и вреде цифровизации, которая становится инструментом подстрекательства, распространения ложной информации и совершения преступлений, назвав ее одним из четырех всадников апокалипсиса².

На один из самых существенных рисков активного применения цифровых технологий во все большем количестве систем общественных отношений обращают внимание специалисты, разрабатывающие юридическое закрепление цифровых прав человека: «...если эти системы [общественных отношений – Т. М.] являются старыми и неэффективными, то цифровизацией мы лишь негативно усилим их работу. за счет «цифровой оболочки» старых иерархических и централизованных форм управления мы не приходим к позитивному будущему, а обречем себя на гибель»³.

Таким образом, сама по себе цифровизация как средство нейтральна, так же как нож или любое другое средство, которое можно использовать как во благо, так и во вред человеку.

Если наши цели состоят в том, чтобы с помощью новых технологий расширять возможности участников образовательного процесса удобным для них образом, опираясь на позитивные ценности всестороннего развития учащихся – это одна ситуация, если же внедряемые системы цифровизации в большей степени ориентированы на систему тотального контроля большинства со сторо-

¹ См., напр.: Главный тренд российского образования – цифровизация // <http://notrusproduct.ru/articles/tsifrovizatsiya/glavnyy-trend-rossiyskogo-obrazovaniya-tsifrovizatsiya/>

² Генсек ООН: Четыре «всадника апокалипсиса» угрожают миру // <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/369248-gensek-oon-nasha-planeta-v-ogne>

³ Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. № 3. 2020. С. 54–55.

ны «невидимого» и неподконтрольного обществу меньшинства, эта ситуация в конечном счете разрушительна для обеих сторон.

Нужно осознавать, что за каждой технологией стоят определенные ценности, формируемые теми социальными группами, которые продвигают данные технологии.

Если новая технология агрессивно и безальтернативно навязывается – это серьезный повод для исследования исходных целей ее бенефициаров. Проводя политику цифровизации, необходимо анализировать ценностные основания и учитывать последствия и риски, в том числе для физического, психического и духовного здоровья участников процесса.

Основная идея конструктивного использования цифровых форм состоит в том, что цифровизация отношений должна быть ориентирована на реализацию прав человека, а не служить инструментами контроля публично-правовых институтов. Иначе мы получим уродливые формы в виде, например, описанного М. Фуко паноптикума, в котором нет «такого могущества, которым полностью кто-то наделялся и которое он самостоятельно и безраздельно осуществлял бы над другими, ибо это машина, которая охватывает весь мир, как тех, кто осуществляет власть, так и тех, над кем эта власть осуществляется»¹.

Особенно важно защищать права детей, поскольку в настоящее время не представлено доказательств того, что внедряемые цифровые образовательные технологии и платформы для них безопасны. Существует противоречие практики тотальной цифровизации в соответствии с приказами правительства РФ и действующего федерального законодательства и Конституции. Хотя в России нет нормативных актов, обязывающих родителей регистрировать детей на платформах, по факту идет повсеместное принуждение к этому. Данная ситуация противоречит ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка», гарантирующей защиту детей «от факторов, негативно влияющих на их физическое и психиче-

¹ Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М. : Праксис, 2002. С. 235.

ское, интеллектуальное, духовное и нравственное развитие», а также ч. 9 ст. 13 ФЗ «Об образовании», запрещающей «использование при реализации образовательных программ, методов и средств обучения и воспитания образовательных технологий, наносящих вред физическому и психическому здоровью»,

Прежде чем внедрять новые технологии в образование, необходимо инициировать комплекс научных и медицинских исследований с привлечением широкого круга экспертов — преподавателей, методистов, психиатров, неврологов, психологов, офтальмологов и т. д., предоставить доказательства безопасности использования и хранения цифровых персональных данных детей¹.

Периоды полного дистанционного обучения под предлогом защиты здоровья обучающихся также не имеют объективных правовых и научных обоснований. По факту вред здоровью от многочасовых ежедневных занятий в дистанционно-цифровом формате, значительно превышает потенциальный вред от вируса (по данным доктора В. Зеленко, у молодых людей от 18 до 45 лет выживаемость 99,95%²).

Все более настойчиво ставится вопрос об обоснованности ограничений, как специалистами в различных областях (медицины, юриспруденции, политики, экономики и т.п.), так и на уровне международных организаций³.

В связи с этим важной проблемой является нерешенность международно-правового закрепления глобальных цифровых прав человека, а также противоречивость норм национального права, касающихся цифровых прав человека⁴.

¹ Родительская палата выступила против цифровизации образования // <https://regnum.ru/news/society/3461857.html>

² Врач Владимир Зеленко, излечивший Трампа от коронавируса, выступил против вакцинации // <https://newizv.ru/news/world/23-08-2021/vrach-vladimir-zelenko-izlechivshiy-trampa-ot-koronavirusa-vystupil-protiv-vaktsinatsii>

³ "Я не меняю свободу на вакцину": евроскептики в Европарламенте выступили против санитарного и цифрового фашизма в ЕС // <http://katyusha.org/view?id=17685>

⁴ Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. Век глобализации. 2020. № 3. С. 21-37; 13; Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федера-

Кроме того, в современном образовании присутствует тенденция перегружать обучающихся большим количеством информации, хотя большая часть этих знаний оказывается бесполезной в жизни, а поскольку существует мало связей, связывающих загружаемые данные, очень скоро большая часть информации забывается.

Существуют принципиальные отличия современной системы образования, ориентированной на «специализированные знания», формирование «человека одной кнопки»¹ и Истинного Образования (Αληθινή Παιδεία), посредством которого два полушария мозга уравниваются и гармонизируются путем соединения этических, логических и эмоциональных аспектов образования². Истинное образование формирует критическое мышление (Κριτική Σκέψη) и способность к различению (Διάκριση), научению отличать полезные знания, которые продвигают Интеллект на более высокие уровни, от бесполезных и вредных, а также проясняет границы между Добром и Злом.

В современных условиях глобальных социальных трансформаций гораздо более перспективным для развития цивилизации представляется опора на развитие органических способностей человека в контексте концепции ноосферы В. И. Вернадского, а не ориентация на «технические костыли» или «цифровизацию»³.

Применительно к системе образования это связано с концепцией целостного образования-воспитания, опирающейся на античные истоки и их имплементацию в европейской и российской культуре⁴; с воспитанием человеколюбия (по Конфуцию); с по-

ции по развитию гражданского общества и правам человека. М. 2021 // <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

¹ Образование 2035: Каста людей одной кнопки и евгенический фашизм Часть 2 // <https://www.youtube.com/watch?v=HW8cpSyu4YQ>

² Τυράσκη Φωτεινή – Φύση, Τέχνη και Υποσυνείδητα Μηνύματα / Τυράσκη Φωτεινή. – Α' μέρος, Εκδόσεις: «Νάξιος», 2020.

³ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. Москва. 1988; Вернадский, В. И. Автотрофность человечества // Русский космизм: антология философской мысли. Москва. 1993.

⁴ Шичалин Ю.А. Основополагающее значение греческого пласта европейской цивилизации для понимания ее истории и перспектив ее развития // Влияние эллинизма на науку,

вышением гуманитарной компетентности¹ и концепцией эмоционального обучения, разработанной на уровне лицейского образования².

В феврале 2022 года Светленский губернаторский лицей, на базе которого более 20 лет реализуется концепция эмоционального обучения, получил статус Федеральной инновационной платформы Минобрнауки России, основная задача которой заключается в разработке педагогической модели «Эмоционального воспитания» и механизмов ее реализации в образовательных учреждениях страны³.

Апробация вышеописанного комплексного подхода проходила на университетском уровне в рамках экспериментального курса «Теоретическая и практическая философия». В завершении курса среди студентов было проведено исследование, направленное на совершенствование программы обучения.

По итогам исследования можно сделать следующий вывод: при сравнении результатов занятий, проводимых по методике повышения гуманитарной компетентности и эмоционального воспитания с практикой, основанной на использовании преимущественно дистанционных технологий, цифровизации в системе образования (это справедливо как на примере лицея⁴, так и университетском уровне) обнаруживается несравненно более высокая эффективность комплексного подхода, базирующегося на концепции эмоционального образования. Даже за относительно короткий период у большинства учащихся формируются основы представле-

культуру и образование современности: коллективная монография / под науч. ред. Т.П. Минченко. Томск: STT, 2016. С.38-48.

¹ Minchenko, T. P. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example / T. P. Minchenko, T. D. Litvinova, T. P. Blank, L. E. Trifonova // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. Vol. 2. Tomsk: TSPU Press, 2008. С.99–103.

² Сайбединов А. Г. Эмоциональное образование. Томск, 2019. 210 с.

³ Губернаторский Светленский лицей стал Федеральной инновационной площадкой Минпросвещения России : [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4671/gubernatorskiy-svetlenskiy-licey-stal-federalnoy-innovacionnoy-ploschadkoy-minprosvesheniya-rossii/>.

⁴ Губернаторский Светленский лицей: [сайт]. URL: <http://lyceum.tom.ru/main.php>.

ний о целостном восприятии мира и смысле человеческого существования¹.

Система образования должна включать не только формирование системы знаний, но и формирование мировоззрения, убеждений, а это возможно только в непосредственном общении педагога и ученика, преподавателя и студента, в противном случае эта система не только не эффективна, но и бессмысленна. Необходимо формировать интегрированную систему обучения в вузах, предусматривающую значительное количество часов эмоционального, эстетического воспитания, полноценные курсы философии, логики, этики и эстетики.

Список литературы

1. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.
2. Бурьянов С. А., Бурьянов М. С. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению// Век глобализации. 2021. № 3. С. 86-100.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация/ / Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107-121.
4. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Penguin Books. 1994. 312 p.
5. Родительская палата выступила против цифровизации образования // <https://regnum.ru/news/society/3461857.html>
6. Главный тренд российского образования – цифровизация // <http://notrusproduct.ru/articles/tsifrovizatsiya/glavnyy-trend-rossiyskogo-obrazovaniya-tsifrovizatsiya/>
7. Генсек ООН: Четыре «всадника апокалипсиса» угрожают миру // <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/369248-gensek-oon-nasha-planeta-v-ogne>

¹ Минченко Т.П. Развитие естественного интеллекта и органических способностей студентов в рамках экспериментального курса «Теоретической и практической философии» в условиях современных глобальных процессов 4.0 // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 21 апреля 2022 г. /под общ. ред. д.ю. н., профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н., доцента Н.М. Ладнушкиной. Саратов. 2022. С.323-328.

8. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. № 3. 2020. С. 54–55.

9. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002. С. 235.

10. Врач Владимир Зеленко, излечивший Трампа от коронавируса, выступил против вакцинации // <https://newizv.ru/news/world/23-08-2021/vrach-vladimir-zelenko-izlechivshiy-trampa-ot-koronavirusa-vystupil-protiv-vaktsinatsii>

11. "Я не меняю свободу на вакцину": евроскептики в Европарламенте выступили против санитарного и цифрового фашизма в ЕС // <http://katyusha.org/view?id=17685>

12. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М. 2021 // <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf>

13. Образование 2035: Каста людей одной кнопки и евгенический фашизм Часть 2 // <https://www.youtube.com/watch?v=HW8cpSyu4YQ>

14. Τυράσκη Φωτεινή – Φύση, Τέχνη και Υποσυνείδητα Μηνύματα. Α' μέρος, Εκδόσεις: «Νάξιος», 2020.

15. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. Москва. 1988;

16. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества //Русский космизм: антология философской мысли. Москва. 1993.

17. Шичалин Ю.А. Основополагающее значение греческого пласта европейской цивилизации для понимания ее истории и перспектив ее развития // Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности: коллективная монография / под науч. ред. Т.П. Минченко. Томск : STT, 2016. С.38-48.

18. Minchenko, T. P. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example / T. P. Minchenko, T. D. Litvinova, T. P. Blank, L. E. Trifonova // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. Vol. 2. Tomsk : TSPU Press, 2008. С.99–103.

19. Сайбединов А. Г. Эмоциональное образование. Томск. 2019. 210 с.

20. Губернаторский Светленский лицей стал Федеральной инновационной площадкой Минпросвещения России : [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4671/gubernatorskiy-svetlenskiy-licey-stal-federalnoy-innovacionnoy-ploschadkoj-minprosvescheniya-rossii/>

21. Губернаторский Светленский лицей: [сайт]. URL: <http://lyceum.tom.ru/main.php>.

22. Минченко Т.П. Развитие естественного интеллекта и органических способностей студентов в рамках экспериментального курса «Теоретической и практической философии» в условиях современных глобальных процессов 4.0 // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 21 апреля 2022 г. /под общ. ред. д.ю. н., профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н., доцента Н.М. Ладнушкиной. Саратов, 2022. С. 323-328.

Беляев Максим Александрович

О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И МОРАЛЬНЫХ ФАКТАХ: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

Как известно, современный юридический позитивизм исходит из необходимости различать мораль и право как объекты теории, одновременно понимая их нераздельность как явлений общественного сознания. Потребность в различии объектов на уровне рационального мышления существует, прежде всего, как стратегия избегания логической ошибки «подмена тезиса» (*ignoratio elenchi*). Действительно, ряд суждений, которые могут быть высказаны о праве, могут быть также высказаны и о морали, и это обманчивое сходство формы представления наших знаний позволяет умозаключать о генетической близости морального и правового регулирования. Эта близость не может быть самоочевидным положением дел, и, будучи принята в качестве такового, размывает всякую теоретическую строгость, поскольку не позволяет идентифицировать истину, т.е. абсолютную определенность, порожденную сущностью и самим порядком вещей, на фоне всегда

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Философия права и права человека в России» центра компетенций «СОЦИОПРАВО» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

имеющейся относительной определенности, обеспеченной конфигурацией фактов.

Некоторая теоретическая дифференциация внутри позитивизма зависит от ответа на вопрос, допустимо ли привлекать моральные аргументы для обоснования юридических решений. В случае отрицательного ответа такой позитивизм называют исключающим (эксклюзивным), в случае утвердительного – включающим (инклюзивным). Понятно, что степень «инклюзивности» у разных теоретиков-позитивистов будет разная, что обусловлено относительной автономией теории от эмпирии. Ясно и то, что логически и эпистемически исключающий позитивизм оказывается намного более простым проектом, чья реализация предполагает опору на логику и формализмы в большей степени, нежели на содержательные (идеологические) основания политико-правового бытия. Включающий позитивизм *volens-nolens* работает с фрагментами идеологической надстройки и вынужден задействовать некий критический потенциал, объясняя превосходство одного решения над другим в условиях одинаковой их корректности с процедурной точки зрения.

Указанные две версии позитивизма широко применимы на практике в отличие от классического натурализма, аргументативно предполагающего не только новую сущность – моральные факты, но и неограниченный познавательный доступ субъектов к ним. При этом важными оказываются два момента: во-первых, моральные факты могут выступать основанием суждений, но они не корректируются в ходе какой-либо деятельности, в т.ч. правовой. В этом отношении они сопоставимы с природными фактами, изучаемыми в рамках естествознания. Другое обстоятельство состоит в том, что о моральных фактах юристы могут быть осведомлены не как носители профессиональной психологической установки, но как обладатели здравого смысла, что не позволяет использовать моральные факты для легитимации все более и более сложных правовых решений (таковые чрезвычайно широко распространены на уровне международного частного права или в регулировании

корпоративных отношений, или в международном налогообложении и т.д.). Иными словами, онтологическая фундаментальность моральных фактов препятствует их универсальному прагматическому вовлечению в правовое воздействие государства на общество или, по меньшей мере, легитимации такого воздействия.

Упомянутый в настоящей работе комплексный философско-правовой подход, принадлежащий Джозефу Разу¹, предполагает, что можно быть позитивистом и одновременно признавать некоторое значение моральных фактов для работы правоведа². Насколько данная позиция эвристична, можно определить двумя различными путями – верификационистским и фальсификационистским (здесь эти термины используются в том классическом значении, которое придано им в философии науки благодаря работам постпозитивистов и лиц, их критиковавших). С нашей точки зрения, верификационистский путь предполагает, что будет указано некое множество задач, чье решение обеспечивает данный подход, фальсификационизм же опирается на опровержение истинности данного подхода через указание случая явной непригодности расширенной версии позитивизма для объяснения какого-либо явления или обоснования выбора решения.

Следует сказать о философско-правовой специфике подхода позитивизма в версии Дж. Раза к морали. В научном сообществе Дж. Раз получил широкую известность благодаря разработке т.н. «сервисной концепции» права и политической власти. Суть ее состоит в том, что подчинение правовой норме для индивида является морально обязывающим в том случае, если с точки зрения

¹ Джозеф Раз (1939 -2022) – крупный теоретик права и моральный философ, автор многочисленных, широко известных и дискутируемых работ по социально-философским, политическим и правовым проблемам. В его монографиях, статьях и научных докладах рассматриваются вопросы соотношения теоретического и практического разума, принципа верховенства права, метаэтики, социального и индивидуального благополучия и пр. Дж. Раз считается одним из влиятельных представителей современного позитивизма в философии права. Апологеты аналитической юриспруденции считают его одним из сторонников данного направления. См.: <https://www.kcl.ac.uk/news/professor-joseph-raz-1939-2022> (дата обращения 20.06.2022)

² Raz J. Human Rights in the Emerging World Order // *Transnational Legal Theory*, 2010, 1: 31-47.

объективных оснований оно более выгодно для данного индивида, нежели следование собственному суждению, расходящемуся с данной нормой. Тем самым Дж. Раз, будучи позитивистом, предполагает возможность эпистемического доступа субъекта к объективным основаниям или доводам, в силу которых возможно сделать поведенчески-верный и, следовательно, политически оправданный выбор. Нужно при этом иметь в виду, что субъект – обладатель эпистемического доступа может не совпадать с субъектом, принимающим решение, равно как и эти оба персонажа могут не иметь отношения к субъекту действующему. Действительно, в ситуации законотворчества, например, сам текст закона формулируется одним субъектом, исполняется другим, а адресуется третьему. Это важный момент: социальный порядок в таком случае немислим вне общего консенсуса по поводу истины, в т.ч. истинного замысла законодателя применительно к тому или иному юридическому тексту.

Как полагают комментаторы, Дж. Раз следует платоновско-аристотелевской традиции понимания государства как наиболее разумной социальной конструкции, истинное знание о которой может быть открыто субъекту¹. Более того, как подчеркивает ученый, вопрос о сущности права – это морально значимый вопрос, несмотря на то, что правовые предписания как социальные факты не укоренены в моральных чувствах отдельных лиц.

Показательно, что, будучи учеником Г. Харта, Дж. Раз в своих взглядах отводит морали большую, а не меньшую роль по сравнению с правом. Для позитивистской парадигмы это скорее контринтуитивный прием. Как полагает Дж. Раз, мораль *de facto* пронизывает все человеческие действия, в т.ч. повседневные и ординарные. Каждый подчиняется моральным соображениям при принятии того или иного решения, но иногда эта «фоновая» функция морали по каким-то причинам оказывается неэффективной, так что нормативность морали должна быть заменена другой нор-

¹ Chang, R. Raz on Reasons, Reason, and Rationality // Jerusalem Review of Legal Studies. 2013. P. 2.

мативностью, а именно, правом. Приоритет права оправдан, если ситуация грозит перерасти в социальный хаос в силу неустранимых моральных разногласий. В сфере же права любые разногласия потенциально устранимы: правовой консенсус более реалистичен по сравнению с моральным. От себя добавим, что последнее суждение как минимум спорное, хотя для сообщества юристов могло бы представляться желательным, демонстрируя их повседневную работу в наиболее благоприятном свете.

Достижимость социального согласия посредством права предполагает авторитет последнего. Истинность утверждения о том, что правовая норма обладает авторитетом, обосновывается так: есть основания, в силу которых мне лучше прислушиваться не к собственному мнению, а к мнению другого. В сфере права в качестве «другого» выступает публичная власть. Но если закон обладает собственным авторитетом, его понимание и восприятие необходимым образом отделены от понимания и восприятия моральных норм, в противном случае такой авторитет был бы недостижим. Таким образом, эксклюзивный характер юридического позитивизма в этой концепции проистекает не из желания оправдать буквально каждый приказ власти как легитимный, а из потребности взвесить собственные разумные основания принимать ту или иную норму как действительную, тогда как моральный дискурс затрудняет это разумное оценивание. Р. Дворкин, полемизируя с этим утверждением, замечает, что эксклюзивный позитивизм в исполнении Дж. Раза оказывается слишком требовательным: например, в конституционном праве США едва ли найдется хоть одно юридическое предписание, применение которого возможно вне морального дискурса и моральных интуиций¹.

Мы склонны разделять эту озабоченность Р. Дворкина. Действительно, если группировать юридические нормы по принципу «от центра к периферии», то наиболее удаленными от моральных

¹ Цит. по: *Bustamante, Th. Can Raz's Pre-Emption Thesis Survive under a Dworkinian Theory of Law and Adjudication? // Isonomía. Revista de Teoría y Filosofía del Derecho, 2021, núm. 55, pp. 180.*

фактов окажутся юридико-технические предписания (например, правила разрешения коллизий нормативных правовых актов), а наиболее близкими к ним – нормы, закрепляющие права человека, вне зависимости от того, сколько поколений таких прав насчитывают исследователи. Моральное содержание в сфере прав человека крайне тесно связано с правовым, поскольку политическое обязательство по их соблюдению и обеспечению, которое берет на себя публичная власть, вытекает не из принципов устройства права как системы, а из определенного представления о том, каким должно быть бытие человека в государственно-организованном социуме, т.е. из политического идеала, который можно положить в основу дальнейшего конструирования идеала правового.

Итак, аргументация, где фигурируют права человека, оказывается связана с моральными фактами, что заставляет вернуться к проблеме эпистемического доступа. Если верно, что законотворческая деятельность в любом демократическом государстве осуществляется опосредованно, т.е. на основе представительства интересов большинства или всего населения, то исключено существование субъектом с привилегированным доступом к моральным фактам, т.к. в противном случае законы нельзя было бы оспаривать в судах как лишенные справедливости и противоречащие конституционным предписаниям и ценностям. Таким образом, полезной фикцией оказывается предположение, что все примерно одинаково воспринимают, осознают, оценивают и концептуализируют основания тех или иных юридических решений, в т.ч. моральные факты. Это может послужить в качестве верификации по отношению к позиции Дж. Раза. Однако, одновременно с этим сама история развития прав человека как правового института показывает нам обратную сторону дела. По сути, какое-либо право из перечня 4 и 5 поколений прав начинало рассматриваться в качестве такового лишь после некоторого числа судебных процессов, в которых суд *впервые признавал* универсальный и неотчуждаемый характер какой-либо ранее непоименованной ценности или блага. Но при наличии равного эпистемического доступа ко всем мо-

ральным фактам у всех участников политического общения такая ситуация была бы невозможна. Значит, исходное предположение не является верным, и возникновение любого нового юридически защищаемого блага есть не что иное, как открывшийся подмножеству субъектов юридической деятельности эпистемический доступ к моральным фактам, процедурно распространяемый на всё множество таких субъектов. Поскольку предсказать или спрогнозировать общее число и содержание моральных фактов в этих условиях не представляется возможным, следует полагать, что процесс позитивации прав человека никогда не будет завершен. Позитивизм ни в какой из своих модификаций не может дать нам ответа на вопрос о том, аддитивно ли множество прав человека, т.е. будет ли иметь место лишь простое суммирование благ в общем перечне, либо будет обнаружено такое благо, которое войдет в контрапункт с уже поименованным и защищаемым. Конечно, второй вариант представляется менее вероятным, но версия позитивизма, которой придерживается Дж. Раз, оставляет логическую возможность для ее актуализации. Очевидно, необходим некий мысленный эксперимент, который бы сделал данную возможность более зримой, а приведенное выше утверждение – более аргументированным. Представляется целесообразным реализовать такой эксперимент в одной из будущих публикаций по данной тематике.

Список литературы

1. Bix, B.H. Raz, Authority, and Conceptual Analysis // *American Journal of Jurisprudence*. 2005. Vol. 50 (1).
2. Bustamante, Th. Can Raz's Pre-Emption Thesis Survive under a Dworkinian Theory of Law and Adjudication? // *Isonomía. Revista de Teoría y Filosofía del Derecho*, 2021, núm. 55.
3. Chang, R. Raz on Reasons, Reason, and Rationality // *Jerusalem Review of Legal Studies*. 2013.
4. Raz J. Human Rights in the Emerging World Order // *Transnational Legal Theory*, 2010, 1.

Летута Татьяна Владимировна

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГУМАНИЗМ: ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гуманизм, понимаемый нами как «просвещённое человеколюбие» часто использовался в юридической литературе применительно к тематике освобождения от уголовной ответственности и иным актам милосердия по отношению к отдельным категориям лиц. Однако гуманизм как разновидность общественной идеологии,¹ формирующей высшие идеалы общественного развития и высшие принципы социального равенства, справедливости и прав человека имеет непосредственное отношение и к сфере частного права. В данной сфере он трактуется авторами научных трудов как принцип гражданского права, обычно используемый одновременно с принципами справедливости, разумности и добросовестности, образующими единую систему нравственных принципов.² Несмотря на очевидную взаимосвязь данных принципов все же следует признать самостоятельность и уникальность каждого из них.

Деликтная ответственность – институт, вызывающий особый интерес в контексте реализации принципа гуманизма в связи с условиями его возникновения. Причинение вреда как одно из таких условий, особенно нематериальным благам, предполагает изначально неравное положение участников деликтных отношений. С одной стороны, это потерпевший, претерпевающий лишения, с другой стороны – причинитель вреда, совершивший противоправное деяние, повлёкшее негативные последствия (за исключением лишь случаев, установленных законом, при совершении правомерного действия государственными органами или органами местного самоуправления и должностными лицами). Насколько

¹ Маслова Е.С. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации: монография. – пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. – С.32.

² Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности. Автореф. дисс...на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М. 2006. С.10.

возможно проявление принципа гуманизма в таких условиях? Можно ли назвать механизмы, содержащиеся в современном законодательстве гуманными по отношению к участникам деликтов? Имеются ли в Отечественной истории примеры гуманного регулирования и правоприменения норм о деликтной ответственности? Это вопросы, ответы на которые попытаемся найти в данном исследовании.

Итак, гуманизм в современном понимании ёмкое, собирательное понятие. Собирательность предполагает необходимость соблюдения гуманистических идей субъектами деликтных отношений, а также соответствие вынесенного по конкретному казусу решения суда данным идеям.¹ Гуманное отношение причинителя вреда к потерпевшему может выражаться в скорейшей добровольной компенсации вреда, в фактической помощи по доставлению в медицинскую организацию потерпевшего, по удалению неправомерно размещённой информации о потерпевшем и в иных поступках, отражающих сострадание, стремление к ликвидации последствий совершённого, к уменьшению страданий потерпевшего. Подобное поведение не может каким-либо образом ни навязываться правом, ни регламентироваться. Оно либо является следствием нравственных установок деликтвента, по стечению обстоятельств причинившего без умысла вред, либо осознанием собственной вины. В обществе, где приоритетами провозглашаются гуманизм и нравственность, такие действия должны являться нормой поведения. Несомненно, они должны учитываться судами при разрешении деликтов, поскольку прямого освобождения в российском праве от ответственности для причинителя вреда в таких случаях не предусмотрено. Так, например, к полностью соответствующим принципу гуманизма можно отнести решение суда, которым иск удовлетворялся лишь в размере символической суммы, поскольку причиной деликта явилось длительное негативное психологическое воздействие со стороны потерпевшего – несовершеннолетне-

¹ Кондратюк Д.Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности. Автореф. дисс...на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М. 2006. С.11.

го на причинителя вреда – её одноклассницы. Непосредственно после деликта, родитель причинителя совершала многочисленные попытки по урегулированию спора, по добровольной компенсации вреда.¹ В этом примере прослеживается нарушение принципа гуманности со стороны потерпевшей, которая неправомерно, длительное время причиняла моральный вред своей однокласснице. Условия для практической реализации принципа гуманизма, о которых в своей работе ведёт речь Е.В. Кашкина, встроены в механизм деликтной ответственности лаконичной нормой статьи 1083 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ, предусматривающей учет вины потерпевшего.² Благодаря данной норме негуманное поведение потерпевшего может расцениваться судом как основание к уменьшению размера возмещения вреда (при причинении вреда имущественным интересам – к освобождению). И хотя прямого закрепления понятия гуманного отношения или принципа гуманизма в целом в главе 59 ГК РФ, посвящённой деликтной ответственности, не прослеживается, очевидна возможность суда, как в указанном ранее примере, трактовки виновного поведения именно в контексте рассматриваемого принципа.

Принцип гуманизма должен быть направлен не только на потерпевшего, но и на общество в целом, и на деликвента. Ведь гуманизм предполагает уважение прав личности не зависимо от её правового или процессуального статуса, он предполагает равенство прав на свободное, всестороннее развитие личности. Именно поэтому второй составляющей понятия гуманизма является соответствие вынесенного по конкретному делу решения суда данным идеям. Здесь опять-таки может применяться ст.1083 ГК РФ, где кроме прочего, возможен учет имущественного положения причинителя вреда, позволяющий не создавать ситуацию, доводящую причинителя вреда до банкротства.

¹ Решение Сакского районного суда Республики Крым № -1567/2020 2-1567/2020~М-1120/2020 М-1120/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1567/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q3upQqAe9QZ/>

² Кашкина Е.В. Гуманизм как принцип юридической ответственности по российскому законодательству. Дисс...на соиск. уч. степ .канд. юрид. наук. М. 2003. С.10.

Негуманными являются решения судов по деликтным спорам, базирующиеся исключительно на формальных подходах, не учитывающих все обстоятельства дела. Например, в тех делах, где от несовершеннолетних истцов в суде требуется обоснование факта нахождения на иждивении у погибшего отца.¹ Или в тех делах, где несовершеннолетним отказывают в удовлетворении исковых требований к Министерству финансов РФ о возмещении вреда в связи с утратой трудоспособности, полученной в результате бездействия предприятия, признанного банкротом и не производившим капитализацию платежей.² Верховный суд Российской Федерации, отменяя подобные решения отмечает, что семейное законодательство провозглашает обязанность содержать несовершеннолетних детей, что обуславливает очевидность состояния их иждивенства от родителей; что по смыслу закона потерпевший имеет право на компенсацию вреда, даже в случаях, когда не по его вине нарушаются нормы законодательства о банкротстве. Системное толкование, содержащееся в правовых позициях высшей судебной инстанции, опирающееся на нравственные принципы, позволяет сформировать единственно возможный, гуманный подход к несовершеннолетним.

По мнению Е.В. Решетниковой процесс выявления сущности гуманизма основан на определении общественной потребности в преодолении крайнего индивидуализма и обращении к образу человека в контексте включенности, принадлежности к общностям, группам, ассоциациям.³ В зависимости от этого постепенно в деликтном праве сформировались специальные деликты, варьирующие условия наступления ответственности в зависимости от ста-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2016 г. по делу № 18-КГ15-248. URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/18-%D0%BA%D0%B315-248/

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2011 г. по делу № 81-В11-5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58104077/> (дата обращения 09.11.19)

³ Решетникова Е.В. Сущность современного гуманизма и основные направления его социализации. Дисс...на соиск. уч. степ. канд. фил. наук. Иркутск, 2005.

туса потерпевшего или, иными словами, в зависимости от группы, к которой принадлежит потерпевший: несовершеннолетний, иждивенец, физическое лицо – потребитель, сотрудник правоохранительных органов, судья.

Исходя из данных тезисов, можно проследить постепенное движение отечественного деликтного права от закрепления максимальной защиты потерпевших, вне зависимости от возраста и социального статуса к распространению идеи дифференциации защиты в зависимости от правового статуса и усиления гарантий компенсации вреда. С момента зарождения деликтное право и правоприменительная практика в духе общеправовых идей существенно отличалось от прародителя деликтной ответственности – принципа талиона. Последний, в современной интерпретации, означал возмездие, наказание за совершённое правонарушение. Однако механизм его реализации был далёк от гуманизма, как, впрочем, и от иных правовых принципов. Деликтная ответственность же, во-первых, традиционно предполагала наложение взыскания именно на самого причинителя вреда. Например, в кассационных положениях по вопросам русского гражданского права за 1866 – 1905 года разъяснялось, что «господа не отвечают за преступления своих слуг»,¹ «несовершеннолетние не освобождаются от обязанности вознаградить за убытки, причинённые их действиями кому-либо».² Во-вторых, ответственность более преследовала цель возмещения или компенсации вреда, нежели наказания (кары, возмездия). Эта цель начинает четко проявляться уже с периода римского права, где штраф за деликты постепенно вытеснялся компенсационными выплатами, которые предполагали возможность полного покрытия убытков потерпевшего в отличие от фиксированных размеров штрафов.³

¹ Исаченко В.Л. Сводъ кассационныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданского материальнаго права за 1866 – 1905 года. С-Петербургъ. типографя М. Меркушева, 1906. С. 558.

² Исаченко В.Л. Указ. соч. С. 560.

³ Климович А.В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 1 (40). – С. 44–50.

Признание бесспорного права потерпевшего на возмещение вреда фиксировалось в отечественном праве в Своде законов гражданских Российской Империи, в отдельных актах, например, в Общем Уставе российских железных дорог от 12.06.1885 г., а также в правоприменительной практике.¹ Однако, в отличие от современных представлений о необходимости повышенной защиты прав граждан от воздействия опасных объектов, заключающейся в закреплении повышенной (строгой, безвиновной) ответственности для владельца источников повышенной опасности, дореволюционный отечественный закон закреплял правило о том, что владельцы опасных предприятий несли ответственность за вину (ст. 683, т. 10 Свода законов гражданских Российской Империи).

Несомненно, установление безвиновной ответственности в ГК РФ применительно к рассматриваемому деликту является прогрессивным началом, демонстрацией доминирования гуманистических идей, поскольку опасность для жизни и здоровья людей должна компенсироваться повышенной ответственностью владельцев, повышенными требованиями безопасности их эксплуатации для общества. Всеобщая автоматизация производственных процессов, изобретение совершенно различных управляемых средств передвижения, ведут к созданию условий, при которых «повышенная опасность» наполняет практически все сферы повседневной жизнедеятельности. В таких условиях мнения ученых относительно гуманного отношения к несовершеннолетним – владельцам источников повышенной опасности, выражающееся к необходимости установления для них только ответственности за вину, выглядят не соответствующими потребностям времени.² Следует согласиться с выводами Е.С. Масловой, А.Ф. Поломошнова, П.А. Поломошнова о том, что высшей ценностью в условиях идеологии гуманизма является жизнь человека, а все материальные и не материальные ресурсы направлены на то, чтобы сделать

¹ Каргановъ Г. Н. Статья 683 ч. I т. X Свода Законовъ, исторія и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра. С.-Петербургъ. Тип. М. Д. Ломковскаго, Думская улица, д. № 5, 1911.

² Маркосян С.В. Несовершеннолетние субъекты деликтных обязательств. Дисс...на соиск. уч. степ .канд. юрид. наук. 2010.

эту жизнь максимально комфортной и безопасной.¹ Потому какие бы инновационные беспилотные летательные или транспортные средства не находились бы в распоряжении несовершеннолетних, они, управляя ими, обязаны не нарушать безопасность передвижения окружающих.

Гуманизм с точки зрения деликтного права современного периода развития отечественного права проявляется также в том, что несовершеннолетние причинители вреда до 14 лет полностью освобождаются от бремени несения деликтной ответственности. С 14 до 18 лет родители возмещают вред за несовершеннолетних в том случае, если у последних нет собственного дохода, а в деяниях родителей имеется вина. Таким образом, в отличие от дореволюционного права, законодатель и правоприменитель не допускают ситуаций, при которых возможно было бы существенное ухудшение имущественного положения несовершеннолетнего. Защита прав несовершеннолетних и расширение гарантий их безопасного будущего – распространённая идея в юридической науке и практике. Так, например, аргументация Л.Д. Туршука относительно необходимости предоставления права родителю на предъявление деликтного иска в интересах ребёнка, если вред причинялся матери в период беременности представляется весьма убедительной.² В целом тенденции взаимодействия деликтной ответственности и гуманизма видятся в отступлениях, как отмечал Д.Е. Богданов, от индивидуальной ответственности. Сам деликт постепенно перестаёт быть исключительно частным делом.³ Нормы деликтного права нацеливаются более на предупреждение негативных последствий, на достижение социально полезного эффекта, на превалирование гуманистических идеи согласно духу времени.

¹ Маслова Е.С. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации: монография. – пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. – С.32.

² Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып.4. С.23. С.18-32.

³ Богданов Д.Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. №7. С.54, 57

Список литературы

1. Богданов Д.Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. №7. С. 49-61.
2. Исаченко В.Л. Сводъ кассационныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданского материальнаго права за 1866 – 1905 года. С.-Петербургъ. типографія М. Меркушева, 1906. 776с.
3. Каргановъ Г. Н. Статья 683 ч. I т. X Свода Законовъ, исторія и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра. С.-Петербургъ. Тип. М. Д. Ломковскаго, Думская улица, д. № 5, 1911. — 166с.
4. Климович, А.В. Обязательства из деликтов в римском праве / А.В. Климович // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 1 (40). – С. 44–50.
5. Маслова Е.С., Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации: монография. Пос. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. – 222 с.
6. Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып. 4. С.18-32.

Купцова Ольга Борисовна

ЦЕННОСТЬ ПРАВА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Ценность права в настоящее время является ключевой категорией, отражающей важнейшие сущностные характеристики права, а также особенности развития государства и общества. Существенный вклад в исследование ценности права внес известный ученый-теоретик права С.С. Алексеев, который анализировал понятие и структуру этого правового явления, сформировав систему постулатов в данной сфере научного познания, которые длительное время лежат в основе современного научного анализа. За основу его теоретико-правовых исследований в данной сфере было принято понятие «ценности», принадлежащее советскому философу В.Н. Тугаринову: «ценности – суть предметы, явления и их

свойств, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов...»¹. На данной основе сформировалась концепция ценности права, которая рассматривалась как способность его удовлетворять определенные потребности субъектов права. В своих исследованиях профессор С.С. Алексеев отмечал, что при «ценностной характеристике социально-политических институтов и учреждений, в том числе права, нужно исходить из особенностей и объективных свойств данной системы социально-классовых отношений»². В этом отношении качественное понятийное основание данного правового явления позволяет достаточно четко обозначить его сущность. Вместе с тем, современное развитие политико-правовых институтов определяют необходимость пересмотра существующих положений с учетом трансформации существующих потребностей как общества, так и государства. Потребности субъектов права и общественных объединений претерпевают постепенную трансформацию, как и потребности государства, государственных органов и иных государственных образований. Кроме того, развитие цифровизации общественных отношений дает новые возможности выявления и анализа потребностей различных субъектов права, а развитие юридической техники позволяет более качественно облекать их или пути их удовлетворения в юридико-документальную форму. В этом отношении важным и необходимым становится анализ рациональности права, которая лежит в основе его ценностных оснований.

Вопрос определения рациональности выводит на неразрешенную проблему ее значимости в контексте современности. Как справедливо отмечает Э.Б. Миннуллина, для того чтобы общество

¹ Семитко А.П. С.С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С.С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе» // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3. С. 25.

² Там же. С. 25.

перешагнуло рубеж традиций и «обнаружило» себя в более правильном, подлинном состоянии в рамках проекта современности, необходимо, чтобы оно преодолело главный парадокс данной ситуации: с одной стороны, утрата традиционных ценностей и отказ от общей картины мира ради индивидуальной свободы, с другой – потеря ориентира и принципа, который позволил бы соизмерить себя с реальностью¹.

Проблема анализа рациональности права является одним из актуальных направлений исследований правовой и философско-правовой доктрины. Методологически верным будет определить, в русле какой концепции правопонимания, будет рассмотрен исследуемый феномен. Данной концепцией является юридический позитивизм, который, претерпевая существенные изменения на протяжении всего периода своего существования, тем не менее, является одним из самых предпочтительных и работающих доктринальных и практико-ориентированных подходов, раскрывающих понимание права. Он представляется значимым по причине того, что является эффективным, прогрессивным, реалистичным и достаточно вариативным применительно к изменяющимся особенностям современного государственно-правового развития. Некоторые исследователи отмечают, что в русле представлений юридического позитивизма не имеет смысла анализировать ценность права. Но следует отметить, что современный юридический позитивизм значительно видоизменился со времен Дж. Остина и представляет собой обновленный конгломерат традиционных представлений, обогащенный современными положениями, которые формируются на основе видоизменения ценностных оснований современного права.

Рассматривая общие дефинитивные представления, понятие рациональности используется главным образом для оценки различных видов человеческой деятельности и некоторых ее резуль-

¹ Миннуллина Э.Б. Коммуникативная рациональность в контексте современности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 3-4.

татов¹. Среди различных представлений об исследуемом философско-правовом феномене устоявшимся и предпочтительным видится позиционирование этого явления как отражения эффективности целеполагания деятельности субъектов в совокупности с корреляцией данной динамической составляющей с существующей системой ценностей. Следует согласиться с утверждением о том, что рациональность представляет собой единство сложной, многоаспектной сущности, основанной на принципах разумности, рассудочности, целесообразности, изменяющейся вместе с развитием и углублением различных областей человеческого знания, характеризующих познание, общение и деятельность². В этом отношении применительно к праву его рациональность представляет собой феномен, испытывающий влияние различных факторов, которые способствуют корректировке ее сущностных характеристик применительно к определенному темпоральному периоду правовой реальности.

Следует отметить, что теория классической рациональности права, которая длительное время господствовала в научной философской и юридической мысли, хоть и является весьма распространенной и вполне эффективной для описания некоторых процессов и существования механизма правового регулирования в аспекте юридического позитивизма, с течением времени постепенно становится менее эффективной и не способна охватить специфику современного государственно-правовой реальности. В современной правовой доктрине И.Л. Честнов почти десять лет назад своевременно отмечал, что можно констатировать, что классический рационализм уже не отвечает реалиям времени, но не настолько, чтобы признать его неэффективным и неконструктивным.

¹ Филатов В.П. Обсуждаем статью «Рациональность» // Эпистемология и философия науки. Т. II. № 2. С. 155-156.

² Белозеров А.Б. Современная философская интерпретация рациональности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 33.

ным, важно пересмотреть существующие постулаты и совершенствовать составляющие современной рациональности¹.

Проблему рациональности права сегодня необходимо связывать с тем, насколько обновляющееся правовое мышление адекватно конкретным условиям бытия и какова его результативность с точки зрения общепринятых представлений о рациональности как способности предвидеть состояния преобразуемого объекта². Есть основания полагать, что процессы деятельностной конвергенции государственных и общественных институтов постепенно развиваются и активно прогрессируют. Сегодня актуален поиск путей партнерства между государством и обществом для повышения уровня вовлеченности общества в принятие государственно-властных решений, возрастание роли социальных институтов в формировании и корректировке существующей нормативной системы (тем не менее, эти процессы осуществляются в установленном властно-принудительным способом русле баланса публичных и частных интересов). Также следует отметить, что сегодня осуществляется пересмотр привычных нормативных правовых положений и устоявшихся постулатов правового регулирования, в ближайшей перспективе разработка и анализ системных изменений норм права, которые будут объединяться в комплексы наднормативного системного характера, следующим этапом данных изменений будет использование несколько иного структурирования нормативного материала, возможности для осуществления данных процессов дает активно осуществляемая цифровизация общественных отношений. Эта же цифровизация, с другой стороны, позволит создать эффективные условия и возможности для выявления и анализа форм диалога государства и общества и проанализировать различные аспекты полифункциональных факторов влияния на данные процессы. Перечень трансформационных изменений можно

¹ Честнов И.Л. Постклассическая рациональность права // Общество и человек. 2013. № 3-4. С. 108.

² Валдавина С.Э. Юридическая наука как вид рациональности: Дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2003.С. 8.

продолжить, но это не является непосредственным целевым ориентиром данного исследования. Следует подчеркнуть, что активно развивающаяся социальная реальность в целом (и правовая реальность в частности) постоянно усложняется и ее исследование давно уже вышло из рамок количественного анализа¹.

Эффективной представляется классификация типов рациональности по этапам и способам познания объекта исследования, данная В. С. Стёпиным, который выделяет классический, неклассический и постнеклассический типы, основанные на особых видах рефлексии. Исходя из того, что важнейшим критерием различения классической, неклассической и постнеклассической (или постклассической) рациональности является тип системной организации осваиваемых объектов, характер их взаимодействия весьма различен. Неклассический тип рациональности обеспечивает освоение сложных саморегулирующихся систем, постнеклассический – сложных, саморазвивающихся систем². Есть все основания полагать, что в русле постклассической рациональности уже недостаточно осуществлять поиск факторов, способствующих повышению качества создаваемых нормативных установлений и эффективности правоприменения, важно найти компромисс между целями властно-организованного воздействия и целями субъектов, на которых это воздействие осуществляется с учетом различных условий существования социума, в том числе правокультурных и политико-правовых факторов.

Таким образом, в настоящее время не представляется конструктивным делать акцент только лишь на юридико-догматическом анализе права. Нормативные системы и механизм правового регулирования с позиции постклассической рациональности должны рассматриваться не как определенное информационное воздействие на субъекта, а как результат интеракции (пред-

¹ См. подробнее: Купцова О.Б. Постклассический подход к рациональности права: реалии и перспективы // История государства и права. 2022. № 1. С. 31-35.

² Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 250.

определенного взаимодействия) разных субъектов, в ходе которой и появляются разные, в чем-то эклектичные, регулятивные модели, содержащие нормативные установления, формулируемые в ходе диалога государства и общества, основанного на конструктивном коммуникативном взаимодействии.

Активно развивающийся научно-технический прогресс предопределяет формирование новых факторов как позитивного, так и негативного развития взаимодействия государства и социума. Так, например, с одной стороны, возможности технического развития интернет-ресурсов, информационных баз данных и средств и способов передачи информации способствуют развитию правотворческих и правоприменительных процедур, широкие возможности быстрого и оперативного ознакомления с законодательным массивом со стороны различных слоев населения и т.д. В этом свою ключевую и важнейшую роль могло бы сыграть коммуникативное взаимодействие общественных и государственных институтов. Есть основания полагать, что это следующий, только зарождающийся этап развития юридического позитивизма, основанный на коммуникативной рациональности права.

Рассмотренная в контексте коммуникации рациональность предстает в двух ее формах: рациональной коммуникации и коммуникативной рациональности. Рациональная коммуникация возникает до начала процесса коммуникации, она основывается на положении, что для всех людей без исключения существует или некая императивная рациональность, или внешняя рациональность, равноправие различных, даже конфликтующих сторон рациональности. В отличие от рациональной коммуникации коммуникативная рациональность возникает после начала процесса коммуникации и представляет собой продукт сознательного выбора субъектов взаимодействия¹.

¹ Кукарцева М.А. Рациональность и коммуникация // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Выпуск № 55. С. 155-157.

Ю. Хабермас, по праву считающийся первым авторитетом в исследованиях коммуникативной рациональности, склоняется к «переводу» эпистемологических понятий на язык, в котором некоторая интеракция понимается как синоним коммуникативной деятельности. «Под коммуникативной деятельностью я понимаю... символически транслируемую интеракцию. Она осуществляется в соответствии с обязательно принимаемыми нормами, которые определяют взаимные поведенческие ожидания, а также понимаются и признаются по крайней мере двумя действующими субъектами. Таким образом, коммуникативная рациональность – это то, что описывается нормами, признанными и принятыми на основе согласия¹. Другой значимый исследователь коммуникативной рациональности Н. Луман отмечает, что коммуникация устанавливает социальную реальность, по этой причине коммуникация внутри социальной системы обуславливает формирование, а также функциональные характеристики ценностей на локальном уровне. Например, в процессе коммуникации обладающий властью способен побудить зависимых от него к усвоению или неусвоению каких-либо ценностных установок².

Взаимодействие коммуникантов в сфере обеспечения законности осуществляется в двух глобальных направлениях: во-первых, в процессе формирования требований законности, во-вторых, на уровне реализации требований законности. Кроме того, субъекты взаимодействия, стороны коммуникативного процесса (одной из которых является государство) неоднородны в своей роли и компетенции, в интересах и стремлениях.

При этом, с одной стороны, государство в силу ряда особенностей как властноорганизованной структуры в обществе имеет право на единоличное претворение в жизнь правовых предписаний, ожидая безоговорочного законопослушания в социуме. С

¹ Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М.: ИФРАН, 2009. С. 8.

² Федоров В.А., Благова А.С. Эволюция понятия «ценность» // Вестник РУДН. Серия Философия. 2016. С. 135.

другой стороны, требования установлений законодательного характера в аспекте согласования интересов во многих принципиальных случаях должны устраивать обе стороны - и государство, и общественные институты, иначе возникнут проблемы реализации этих правовых предписаний. В этом русле также следует поддерживать точку зрения профессора А.В. Полякова, который акцентирует внимание на том, что коммуникация определенным образом перестраивает сознание коммуникантов, адаптирует их друг к другу¹, следовательно повышает уровень признания в обществе правовых предписаний в результате эффективного коммуницирования.

Таким образом, коммуникация – это не просто средство одностороннего распространения информации, это способ осуществления связи и взаимодействия людей в социальной сфере через продуктивный, конструктивный диалог, требует от участников высокого уровня критической рефлексии, нацеленность на достижение рационального консенсуса². Рациональный консенсус вырабатывается путем дискурса, межсубъектного обсуждения, в котором участники преодолевают свои собственные субъективные взгляды в пользу рационально мотивированного согласия³. При этом рациональность предстает в форме дискурса и диалога, реализующих собой коммуникативные правила и фундаментальные условия коммуникации данной культуры⁴. Полагаю, что в этом направлении по совершенствованию правового поведения ведется существенная работа.

Список литературы

¹ Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 9.

² Энциклопедия эпистемологии и философии науки // https://epistemology_of_science.academic.ru/320/коммуникативная_рациональность (дата обращения 05.04.2018).

³ Даниелян Н.В. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: две стороны одной медали // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №1. С. 59.

⁴ Смирнова Н.М. Коммуникативная рациональность и жизненный мир человека / Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. М.: ИФРАН, 2009. С. 39.

1. Белозеров А.Б. Современная философская интерпретация рациональности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 33.
2. Валдавина С.Э. Юридическая наука как вид рациональности: Дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2003.
3. Даниелян Н.В. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность: две стороны одной медали // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №1. С. 59.
4. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М. : ИФРАН, 2009. С. 8.
5. Кукарцева М.А. Рациональность и коммуникация // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Выпуск № 55. С. 155-157.
6. Купцова О.Б. Постклассический подход к рациональности права: реалии и перспективы // История государства и права. 2022. № 1. С. 31-35.
7. Миннуллина Э.Б. Коммуникативная рациональность в контексте современности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 3-4.
8. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 9.
9. Семитко А.П. С.С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка жизни общества // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3.
10. Смирнова Н.М. Коммуникативная рациональность и жизненный мир человека / Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М.: ИФРАН, 2009.
11. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия / Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб, 2009.
12. Федоров В.А., Благова А.С. Эволюция понятия «ценность» // Вестник РУДН. Серия Философия. 2016.
13. Филатов В.П. Обсуждаем статью «Рациональность» // Эпистемология и философия науки. Т. II. № 2.
14. Честнов И.Л. Постклассическая рациональность права // Общество и человек. 2013. № 3-4.

Баранова Марина Владимировна

ПРАВОВАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Анализ понимания и восприятия правовой целесообразности в социуме, подверженном трансформации, находящимся в поиске ответов на вызовы современности и путей решения насущных проблем служит ориентиром для совершенствования правовой доктрины, законодательства, юридической практики, системы правового регулирования. Принимаемые нормативные установления, изначально целесообразны и должны восприниматься субъектами права, как реальный целесообразный путь разрешения проблемы. В этой связи значимо осознание четкой, неразрывной взаимосвязи «целесообразность – правовое регулирование - законность - правопорядок», позволяющее осознать высшую социальную целесообразность, заключенную в праве. Воплощение законности в правопорядок возможно только в условиях осознания индивидами ценности свободы, целесообразности и оправданности правовых инструментов, используемых государством для обеспечения относительного равновесия «свободных волей», баланса интересов и притязаний индивида, социума, государства.

Специфика бытия современного общества обусловлена сложностью перманентных политических и экономических преобразований. Технологизация и глобализация нивелируют традиционные представления о расстоянии, скорости, возможностях, опасностях и угрозах. Новая реальность детерминирует нетипичные каналы воздействия на личность, используя предельно широкий спектр культурных, этических, правовых, религиозных и иных средств и их креативные комбинации. Ключевая, определяющая роль права при этом сохраняется, позволяя через правовое регулирование вводить в жизнь социума нормативные установления, внедрять модели правомерного поведения и позитивные правовые установки.

Трансформация правовой доктрины, законодательства, юридической практики естественна и неизбежна, но следует учитывать, что «...если введение закона и появление соответствующего права рано или поздно становятся социальной действительностью, изменяет повседневную жизнь людей, то с рациональным обоснованием данного акта дело обстоит не так просто»¹. Субъекты права, как правило, оценивают юридические инновации с позиций целесообразности, разумности, потенциальной и фактической эффективности. Ведь именно это позволяет разрешать споры о праве, конфликтные ситуации, обеспечивать защиту интересов. Исторически «одной из первейших способностей, которыми должен был овладеть древний человек, была жизненно необходимая способность договариваться и ладить с другими. Этому учил его опыт сакрального контрактуализма»². Правовое регулирование предоставило уникальную возможность для решения проблем взаимодействия в сложноструктурированных общностях. Право не только влияет на поведение индивида, но и руководит взаимодействием граждан через государственные властные веления, содержащие запреты, дозволения, обязывания, поощрения, рекомендации, санкции, принципы, дефиниции... Исследуя философию политики и права России И.Д. Осипов, обращается к изысканиям М.М. Сперанского и справедливо отмечает, что его этика, по сути, является этикой служения государству и обществу и отмечает, что «философ стремился обосновать принципы гражданского общества, констатируя нравственную модель правового государства. Если в «союзе отдельном», по его мнению, царит только «корысть исключительная», то в бытии «смешанном» добро существует, так как оно обусловлено личной пользой, сообразуемой с пользами других»³. Баланс интересов, притязаний индивида и социума, государства достигается за счет компромисса, требующего серии осо-

¹ Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы: монография. М., 2016. С. 149.

² Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. М., 2013. С. 206.

³ Осипов И.Д. Философия политики и права России. СПб., 2014. С. 49 – 50.

знанных взаимных уступок и самоограничения в рамках действующей правовой регламентации. Особую значимость здесь приобретает отказ от части притязаний для сохранения паритета и свободы.

«Свободная воля каждого человека позволяет ему выбирать вариант своего поведения; несмотря на наличие в сознании индивида как разумного существа предписаний морального закона, он может поступать иначе. Следовательно, создается возможность коллизий свободных волей индивидов между собой, в результате чего их свобода может быть уничтожена»¹. Только осознание истинной ценности свободы, целесообразности и оправданности используемых правовых инструментов позволяет достигнуть относительного равновесия «свободных волей». В работе «Мораль права» Лон Фуллер справедливо отмечает, что «нельзя пуститься в предприятие, направленное на подчинение поведения человека руководству правил, не будучи по необходимости приверженным точке зрения, согласно которой человек либо является ответственным субъектом. Способным понимать правила, следовать им и отвечать за их несоблюдение, либо может стать таковым»². Действительно, наряду с осознанием обоснованности и целесообразности нормативных установлений, необходим и значим действенный механизм принуждения, позволяющий обеспечить правомерное поведение индивидуальных и коллективных субъектов.

Анализ правового пространства, правового поведения через призму событийного ряда, меняющего культуру социума, может позволить оценить эффективность действия правовой регламентации, проявить базовые причины ее снижения. Так, негативное влияние на эффективность правового регулирования оказывает: непродуманное, нарушающее технико-юридические требования и правила правотворчество; отсутствие должной гармонизации правотворческого и правореализационного процессов; неполнота

¹ Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев: монография. М., 2017. С.140.

² Фуллер, Лон Л. Мораль права. Москва; Челябинск, 2016. С. 194.

претворения в жизнь правовых предписаний. В следствие таких процессов возникает весьма сложная и труднопреодолимая проблема неисполнимости и неисполняемости нормативных установлений. Если неисполнимость является следствием некачественной работы правотворческих органов, упустивших важные аспекты, влияющие на потенциальную возможность реализации, то неисполняемость субъективна, зависит непосредственно от лица, имеющего возможность реализовать норму права, но не желающего этого. Причиной последнего может быть некий стереотип, установка корыстного характера, убежденность в нецелесообразности реализации конкретных государственных властных велений, убежденное поправление законности.

Корреляция законности и целесообразности является предметом активного обсуждения и анализа в правовой доктрине на протяжении длительного периода времени. Еще в советский период исследователи указывали на наличие двух основных аспектов законности и целесообразности: «а) целесообразность действующих юридических норм (и отсюда – допустимо ли отступить от требований закона по мотивам целесообразности); б) целесообразность применения юридических норм в пределах «свободы усмотрения», предоставленной законом компетентным органам.¹ Каждый из этих аспектов обоснован и достоин внимания.

Целесообразность нормативных установлений является особой гарантией законности и, соответственно воплощается в правопорядке. Следование государственным властным велениям должно быть целесообразно, поскольку только можно обеспечить возможность перспективной реализации всех действующих нормативных установлений. Ценность права как гаранта свободы, справедливости и соблюдения прав гражданина обуславливает целесообразность законности. В реалиях жизни современного общества проявляет себя взаимосвязь «целесообразность – правовое

¹ Студеникин С.С. Сущность и значение государственной дисциплины в советском обществе // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 16–17.

регулирование – законность - правопорядок». Именно в праве выражается высшая социальная целесообразность.

И.И. Агол, обращаясь к научно-философским проблемам дарвинизма, говорит «о целесообразности, как об одном из характерных свойств живого», при этом, особо отмечает наличие «множества бесцельных и даже целепротивных образований, встречающихся у организмов»¹. Справедливо ли это концептуальное суждение для правовой материи? Экстраполируя суть высказывания применительно к рассматриваемой проблематике, с ним вполне можно согласиться, поскольку даже априори целесообразная норма действующего закона или подзаконного акта при правоприменении может оказаться «целепротивной». Так, нормативный правовой акт, отдельная норма права, в нем содержащаяся, считаются целесообразными изначально, до момента возможного опровержения в ходе правореализации, что позволяет говорить о специфичной презумпции целесообразности принятого нормативного правового акта, лежащей в основе качественного правореализационного процесса.

В правореализации, особенно в правоприменении, целесообразность в целом проявляет себя довольно ярко. Здесь следует учитывать, что недопустимо отступление от требований законности, то есть презумпция целесообразности установленных велений, задает границы возможного поведения в предлагаемых нормой права условиях. Закрепленные в государственном властном велении пути, формы, способы регулирования отношений были изначально признаны наиболее целесообразными для решения поставленной задачи, а, значит, точная реализация нормы и есть целесообразный путь, оптимальная модель решения проблемы. Именно на этом подходе основан принцип недопустимости противопоставления законности и целесообразности, не позволяющий отрицать ценность закрепленного в законодательстве, обусловленного целью, оптимального пути.

¹ Агол И.И. Диалектический метод и эволюционная теория. М., 2013. С. 37.

Осознание целесообразности правовых установлений, явлений, видов деятельности обуславливает эффективность упорядочения отношений в социуме. «Потребность в осуществлении целесообразной, то есть наиболее практически полезной и эффективной деятельности объективно присуща любому виду юридической деятельности. Игнорирование принципа целесообразности, отсутствие его четкого понимания и закрепления в законе привели к излишней формализации порядка производства по уголовным делам, к осуществлению нерациональной и неэффективной уголовно-процессуальной деятельности...», справедливо заключает Н.Н. Апостолова в диссертационном исследовании «Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве»¹. Следует отметить, что негативные последствия игнорирования целесообразности могут проявляться в правореализационных процессах различных отраслей права.

Оптимизация правового регулирования в условиях глобальных социальных трансформаций, обусловленных глубинными политическими, экономическими, социокультурными процессами, зависит от возможности обеспечения целесообразности правотворческого процесса, как по процедуре, так и по технико-юридическим аспектам. Принимаемые нормативные установления, изначально целесообразны и должны восприниматься субъектами права, как реальный целесообразный путь разрешения проблемы. В этой связи значимо осознание четкой, неразрывной взаимосвязи «целесообразность – правовое регулирование – законность - правопорядок», позволяющее осознать высшую социальную целесообразность, заключенную в праве. Следует отметить важность осознания целесообразности в постоянно совершенствующейся правореализационной и правоприменительной деятельности, поскольку именно она обеспечивает исполнимость

¹ Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. доктора юридических наук. Специальность 12.00.09 - уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность. М., 2010. С. 8.

и исполняемость нормативных правовых установлений. Осознание ценности самого права, понимание презумпции целесообразности государственного властного веления зависят от уровня правовой культуры и правосознания личности и общества, что обуславливает системную работу по повышению их уровня.

Анализ понимания и восприятия правовой целесообразности в социуме, подверженном трансформации, находящимся в поиске ответов на вызовы современности и путей решения насущных проблем служит ориентиром для совершенствования правовой доктрины, законодательства, юридической практики, системы правового регулирования. Воплощение законности в правопорядок возможно только в условиях осознания индивидами ценности свободы, целесообразности и оправданности правовых инструментов, используемых государством для обеспечения относительного равновесия «свободных волей», баланса интересов и притязаний индивида, социума, государства.

Список литературы

1. Агол И.И. Диалектический метод и эволюционная теория. М., 2013.
2. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. доктора юридических наук. М., 2010.
3. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. М., 2013.
4. Осипов И.Д. Философия политики и права России. СПб, 2014.
5. Пржиленский В.И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы: монография. М., 2016.
6. Студеникин С.С. Сущность и значение государственной дисциплины в советском обществе // Советское государство и право. 1956. № 2.
7. Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев: монография. М., 2017.
8. Фуллер, Лон Л. Мораль права. Москва; Челябинск, 2016.

Трофимов Василий Владиславович

**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ КАК ФИЛОСОФИЯ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Если основной вопрос философии заключается в том, что есть бытие, то основным вопросом философии права все так же остается вопрос о том, что есть право. Ответ на этот вопрос в рамках юридической науки ищется очень давно, но, как показывает и сегодняшний день, он до сих пор не найден (достаточно обратиться к существующему и в настоящее время спектру и разноголосице теорий правопонимания, что свидетельствует именно об отсутствии согласия в рядах юристов по такому аспекту, а значит и об отсутствии однозначного ответа на центральный вопрос). Это кажется довольно странным, если не сказать больше – непростибельным для юриспруденции, которой (как науке практического социально-значимого характера), по всей видимости, пора уйти от сетований кантовского толка относительно бесконечных поисков определения понятия права, а все-таки выработать его (или выработать несколько связанных единой логической цепью понятийных определений), причем на серьезной эвристической (как научной, так и философской) основе.

Начинать (или продолжать) результативно искать и находить определение понятия права (иными словами, ответ на вопрос «что есть право») нужно с правильного исходного допущения, связанного с тем, «где» искать и «как» искать то, что мы хотим именовать и считать правом. А это вопрос прежде всего адекватно идентифицированного *объекта* правопоиска.

Вот как раз здесь – в верно определенном объекте правового исследования – и кроется, на наш взгляд, во многом «ключ» к достижению значимых эвристических эффектов правовой науки. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Дело в том, что очень многое в познании зависит от того, какой взгляд на познаваемый мир избирает исследователь, – либо он зашоривает таковой, утрируя мир и сводя его к одному или максимум – двум «измерениям», даже не пытаясь вникнуть в контекст проблемы, выстраивая для познания некоторые формализованные схемы и процедуры, которые со временем консервируются и оказываются уже неспособными к динамическому обновлению, либо субъект познания изначально ориентируется на мир во всем его многообразии, то есть на тот *объект*, который охватывается исследовательским взором со всех сторон и по всем уровням (рассматривается в трех, а то и в четырех «измерениях»), и тогда познавательный процесс и соотношение субъект – объект уже не может быть тривиально однозначным (неуглубленным). Соответственно, как мы привыкли, предмет, т. е. некая грань таким образом избираемого объекта, уже не столь скуп на информационный материал для установления значимых законов его развития, тогда и набор методов, их арсенал, объективно становится более многоплановым, и они действительно эффективны и способны к самообновлению¹.

Перед подобным выбором стоит и исследователь права – ученый-юрист, а может быть и практик, которому важно разобраться в общих или частных вопросах правовой теории. И то, как он его делает, определяет то, в какой конечной познавательной точке он окажется.

Если исследователь делает этот выбор в пользу упрощенных логико-гносеологических конструкций, где в качестве объекта выступают право и государство в своей наличности (явленности), т.

¹ В работе В.А. Лекторского при характеристике «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже отмечается, что инвариантность знания об объекте по отношению к той или иной субъективной «перспективе» обеспечена реальным взаимодействием субъекта и объекта, связана с действием субъекта и вполне однозначно определяется собственными свойствами объекта, существующего объективно-реально, иными словами, познавательный процесс – это всегда взаимодействие, эффективность которого зависит во многом от того, насколько верную познавательную модель избирает сам субъект, насколько его «взгляд» правильно настроен на изучаемый объект. – См.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 35; см. также: Он же. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 111.

е. в том виде, какие они есть «здесь и сейчас» (в виде текстов законов или публичных учреждений), то перспективы познания данных явлений ограничатся этими явлениями, которые субъект будет познавать, по сути, из самих себя, а значит рано или поздно этот «сосуд познания» будет «испит до дна», исчерпан, причем даже тех знаний, которые из такой постановки будут вытекать, окажется явно недостаточно, поскольку построены они на искусственной государственно-правовой данности. В данном случае ничего кроме тривиальных и одномерных суждений о таком объекте возникнуть по сути не способно, да и методология в каком-то своем обновленном качестве для такого объекта (и «снятого» с него предмета) просто не нужна, она оказывается бессмысленной, так как знание об упрощенном предмете может быть достигнуто и без привлечения таковой.

Поэтому требуется обновленное понимание объектной сферы общей теории права или юриспруденции в целом¹. От «юриспруденции предметов» наука должна осуществлять переход к «юриспруденции отношений», которая, по справедливому замечанию русского правоведа Е.В. Спекторского, представляет собой двойной интерес, методологический и социальный. При этом первый, по его мнению, заключается в рассмотрении правовых явлений как предметов правовой теории в отношениях между ними, в системе².

Следуя этому и другим подобным подходам, предлагается закрепить на уровне всеобщей парадигмы юриспруденции в качестве ее объекта феномен **«правовая жизнь общества»**³ (и воз-

¹ То, что это во многом зависит от субъекта познания, достаточно убедительно отметил Марк ван Хук. По его мнению, «“Право” – это то имя, которое люди решили дать определенным видам реальности. И в зависимости от исходного варианта теории права данная реальность будет (слегка) различаться». – Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонов, А.В. Поляков. СПб., 2012. С. 27.

² См.: Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура // Русская философия права: Антология. СПб., 1999. С. 372.

³ См. также: Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект теории права: к постановке проблемы // Государство и право. 2017. № 5. С. 39-50; Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018.

можно, поскольку связь с государством неоспорима – «государственно-правовая жизнь»)¹.

Концепция *правовой жизни общества* отвечает характеристикам современного постнеклассического этапа развития научного (и, в том числе, юридического) знания². (Здесь представляется допустимым несколько возразить попыткам упростить исходную периодизацию и свести ее лишь к двум этапам – *классическому* и *постклассическому*, так как видеть в современном этапе лишь продолжение неклассики и не замечать определенных различий – это значит в чем-то сознательно редуцировать процессы эволюции научного знания и тем самым предопределять возможно неверные выводы, вытекающие из подобного упрощенного подхода. Хотя, вопрос, безусловно, дискуссионный и требует отдельного рассмотрения³).

Рассматриваемый (постнеклассический) этап развития научного знания можно охарактеризовать следующими ключевыми признаками:

1. Исходное допущение того, что в качестве познаваемого объекта выступают сложные саморазвивающиеся системы (в «живой природе и обществе – это организмы, популяции, биогеоцено-

¹ Следует отметить, что в теории права поиск объектно-предметных рамок общей теории права ведется достаточно давно и наука периодически возвращается к этому вопросу на том или ином этапе своей эволюции. См., например: Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989; Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2001. С. 43-127; Тарасов Н.Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Правоведение. 2010. № 1. С. 20-35; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 135-150; Он же. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / Отв. ред. А.А. Дорская. СПб., 2012. С. 62-89 и др.

² См.: Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 18.

³ См., например: Тимошина Е.В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб., 2014. С. 65-66.

зы, социальные объекты, рассмотренные как устойчиво воспроизводящиеся организованности»¹).

2. Требование новой категориальной сетки познания, которая бы учитывала перманентное изменение целостного объекта, появление все новых и новых параметров порядка по мере его эволюции (во времени, в пространстве и пр.).

3. Понимание объектов как процессов взаимодействия, в ходе которого одни инварианты развития могут уступать место другим, а сам объект переходит во все новые и новые фазы, меняя свои количественные и качественные характеристики.

4. «Эпистемологическим основанием всех этих трансформаций идеалов и норм науки выступает понимание научного познания как особого компонента культуры и социальной жизни, детерминированного ее базисными ценностями»².

5. Расширение набора признаков, существенно характеризующих познающего субъекта (включая, прежде всего, такое свойство как наличие ценностно-целевых ориентаций у самого субъекта познания в соотношении их с социальными целями и ценностями³). Иными словами, это способность не только мыслить рационально, избирая наиболее оптимальные пути решения каких-либо задач, но и осуществлять познавательно-преобразовательную деятельность, сопоставляя таковую непосредственно с человеком и тем жизненным (культурным) контекстом, нередко выступающим объектом тех или иных преобразований.

Очевидно, что именно правовая жизнь как объект юридического познания наиболее органично предполагает все вышеназванные основные характеристики современного типа рациональности: во-первых, ее сложность не подвергается сомнению (изменчива, состоит из множества уровней, двойственна (в смысле

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 6.

² Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 24.

³ См.: Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. С. 15.

своей дихотомии и внутреннего деления на полюса и положительные и отрицательные значения), плюралистична (в смысле множества источников и форм выражения) и пр.)¹; во-вторых, данная категория как раз и может объективно выражать новую так называемую категориальную сетку познания (с новыми значениями правовых явлений, процессов и способов их познания); в-третьих, в отличие от государства и права как неких абстрактных и обезличенных феноменов жизнь, правовая жизнь – это сфера (область) многочисленных взаимодействий и коммуникаций (это стихия динамических социально-интерактивных правовых процессов); в-четвертых, данное видение объекта правового познания позволяет самой науке права «становиться» внутрь жизненных процессов, а не оказываться лишь в роли стороннего наблюдателя; и, в-пятых, жизненный контекст, выступающий в качестве объекта познания не может не выстраивать по отношению к себе особый тип познающего субъекта, уже не мыслящего только рациональными схемами и пытающегося найти наиболее оптимальные варианты правовых решений (нередко игнорирующих человека и его жизненные стратегии), но предполагающего такового (человека, его жизненные интересы) в качестве безусловной ценности и высшего смысла правового бытия.

По мере вхождения в поле теоретической юриспруденции категория «правовая жизнь» стала претерпевать те или иные «волны» критических замечаний². Но, главным образом, именно

¹ Еще по определению А.Х. Гольмстена, наука права должна изучать «... тот порядок, в котором происходит комбинация различных элементов юридической жизни...». – Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 7.

² См., например: Баранов В.М. Теневое право. Н.-Новгород, 2002; Он же. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. М., 2022. С. 3-36; Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. С. 9-38; Брызгалов А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 48; Он же. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. 2004. № 4. С. 20-21; Асланян Н.П. Понятие гражданско-правовой реальности: постановка проблемы // Общество, политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 69-76; Он же. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической ака-

потому, что к ней начали применять мерки традиционного (классического) типа научного мышления, по сути, перекрывая тем самым процесс развертывания присущего категории «правовая жизнь» методологического потенциала, чем обусловлены определенные трудности процесса идентификации в системе теоретико-правовых понятий и категорий. Однако эта категория иного порядка, иной познавательной перспективы, которая отвечает непосредственно современному постнеклассическому этапу развития научного знания в целом, и научного юридического знания – в частности.

Именно на данную сложность мира правовых явлений, их многообразие и противоречивость ориентирована исследовательская стратегия «правовой жизни». Как достаточно верно отмечает К.В. Шундигов: «Концепция правовой жизни бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, является попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения. Соответственно актуализируется и проблема поиска корреспондирующих сложности объекта поставленным научным задачам методологических программ»¹.

По сути, в контексте современной юриспруденции можно уже вести речь о самостоятельной теории государственно-правовой жизни общества как отдельном направлении (подходе) в общей теории права. Та сумма знаний, которая создана за прошедшие более чем двадцать лет, когда впервые был поставлен акцент на «жизненной» стратегии познания права и государства (прежде всего, в работах о правовой жизни проф. А.В. Малько²), позволяет говорить о сформированной в результате многолетних

демии. 2012. № 5. С. 100-108; Личман Б.В. Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60-67; Черных Е.Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8-15 и др.

¹ Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 111.

² См., например: Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5-13.

научных поисков системе научных представлений о правовой жизни общества (а в последнее время учеными все чаще позиционируется – «государственно-правовой жизни»¹, поскольку право без государства как социально-политической организации общества немыслимо), системы опорных и производных (а также – смежных) категорий данной теоретической стратегии, системы аргументов и собственно довольно широком круге ученых (авторов), пишущих об этом явлении. Это дает основания считать, что система знаний о государственно-правовой жизни выходит на уровень самостоятельного научного сегмента в общей структуре государственно-правового знания. Это своего рода «философия» (мудрость) современной юриспруденции. Данная теория характеризуется особым (недогматическим) взглядом на мир права и разнообразных правовых явлений, предлагает возможность рассматривать этот мир в парадигме «сложного», во многом саморазвивающегося комплекса разнополярных, разноуровневых и разновременных феноменов, обрамленных признаком «правового». Иными словами, правовая жизнь – это самая предельная по объему категория права, способная в своих параметрах заключить максимально пространственный перечень государственно-правовых явлений, причем как системного, так и несистемного плана, как позитивного, так и негативного характера. Эта теория позволяет объективно вводить все изучаемые государственно-правовые явления в контекст социальной практики, изучать их уже с учетом социального и исторического контекста, при этом сам субъект изучения ставится изначально (с точки зрения познавательной логики) также в искомый жизненный контекст государственно-правовой проблематики, что дает возможность достигать более объективные и достоверные знания о реальной жизни государства и права. В этом плане категориальная и логико-познавательная матрица государственной правовой жизни как никакая другая отвечает сути современного (постнеклассического) типа научной рациональ-

¹ См., например: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2018. С. 15-16.

ности, «бросая» вместе с ним «вызов» феномену «сложности» современного мира государства и права.

Список литературы

1. Аслаян Н.П. Понятие гражданско-правовой реальности: постановка проблемы // Общество, политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 69-76.
2. Аслаян Н.П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 100-108.
3. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. М., 2022.
4. Баранов В.М. Теневое право. Н.-Новгород, 2002.
5. Брызгалов А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. 2004. № 4. С. 20-21.
6. Брызгалов А.И. Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 44-50.
7. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1894.
8. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989.
9. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
10. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
11. Личман Б.В. Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60-67.
12. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5-13.
13. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект теории права: к постановке проблемы // Государство и право. 2017. № 5. С. 39-50.
14. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018.
15. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2018.

16. Матузов Н.И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2005. С. 9-38.
17. Спекторский Е.В. Христианство и правовая культура // Русская философия права: Антология. СПб., 1999. С. 355-379.
18. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18-25.
19. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3-18.
20. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-17.
21. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2001.
22. Тарасов Н.Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Правоведение. 2010. № 1. С. 20-35.
23. Тимошина Е.В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова. Коллективная монография: в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. СПб., 2014. С. 65-66.
24. Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонов, А.В. Поляков. СПб., 2012.
25. Черных Е.Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8-15.
26. Честнов И.Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / Отв. ред. А.А. Дорская. СПб., 2012. С. 62-89.
27. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
28. Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013.

Уфимцева Виктория Александровна

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕСТЕСТВЕННОГО
И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

Понимание права, как важнейшего соционормативного регулятора, его онтологический, гносеологический, аксиологический аспекты, были предметом философской мысли во все времена. Разные подходы к осмыслению онтологического основания права позволяют выделить концепции правопонимания, которые возникают и видоизменяются со сменой философских парадигм и научной картины мира.

Классические философско-правовые теории юснатурализма и юспозитивизма, формировавшиеся на протяжении нескольких столетий, в конце XIX – начале XX века потребовали преобразований под влиянием плюралистической методологии новой эпистемологической парадигмы и социальных потребностей рассматриваемого периода времени. Так, в XX веке начинают формироваться доктрины «возрожденного» естественного права и неопозитивизма.

Один из ярких представителей неопозитивистской концепции в западной философии английский философ Герберт Харт в 1961 году выпустил в свет фундаментальное произведение «Понятие права», характеризуемое самим автором, как очерк по аналитической юриспруденции и дескриптивной социологии¹. Адаптируя традиции классического юспозитивизма к социальным реалиям второй половины XX столетия, Г. Харт рассматривает право, принуждение и мораль, как различные, но связанные друг с другом категории.

Право представляется автором в виде единства правил – первичных (правил обязательства) и вторичных (правил признания,

¹ Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб., 2007. С. 7.

изменения и суда). При этом первичные правила устанавливают обязанность лица совершать или не совершать какие-либо действия, а вторичные – решают вопросы о признании, введении в действие, изменении, утрате и констатации нарушения этих обязательств. Центральным с точки зрения определения права как такового выступает правило признания, которое и предстает идентификатором права, высшим и окончательным критерием юридической действительности какого-либо правового положения. Автор утверждает, что нормативные установления являются частью правовой системы, если имеют аналогичное происхождение и следуют от правил признания, сложившихся в данном обществе и определяющих, что является законным (или юридически действительным). Существование правил признания Г. Харт относит к вопросам факта, указывая, что данные правила обычно проявляются в сложной и согласованной деятельности субъектов судебной системы и иных лиц по выявлению правовых норм посредством обращения к определенным критериям¹.

Отличие теории Г. Харта от классического правового позитивизма состоит в том, что автор усматривает основание права в социальных практиках, воспроизводящих правила признания, а не в абстрактной воле государства как источника правоустановлений. Автор при этом подвергает критике формализм и скептицизм, утверждая, что при разрешении конкретных дел суд не должен механически применять формальные правила, так же как и недопустим произвольный выбор решений возникшей практической ситуации. Язык права порождает «открытую ткань» его правил, которые включают центральные, очевидные значения («ядро») и пограничные случаи («полутень»), в связи с чем в правовой системе не может быть полностью предрешенных исходов юридических споров и возможно широкое судебское усмотрение.

Г. Харт критикует естественно-правовую теорию, как не разделяющую право и мораль. Философ обосновывает, что указанные

¹ См.: Там же. С. 85 – 115.

категории в качестве общих черт имеют систему взаимной сдержанности, лежащей в основе и морали, и права, а также принцип справедливости и ряд иных понятий, но все же настаивает, что аморальные нормы могут считаться правом и для признания юридической действительности правовых норм вовсе не требуется их моральное обоснование¹.

Обращение Г. Харта к формально-догматическому методу и юридическому анализу позволяет относить его к одним из первых представителей аналитической философии права. Современные аналитики права, в частности Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин, В.В. Оглезнев объясняют возникновение в начале XX века потребности в применении аналитического метода при проведении правовых исследований тем, что в рассматриваемый период времени появилась необходимость обособления юридического знания в самостоятельную отрасль, которая обусловила создание специальных юридических методов, позволяющих отграничить правовые учения и обеспечить некую самостоятельность юридического сообщества. Применение юридического анализа, основанного на формально-логическом толковании норм права, послужило дифференциации политико-правовых знаний, пониманию эмпирического и нормативного характера реальности права, как совокупности издаваемых государством правил поведения, содержащих властные предписания и обеспечиваемых государственным принуждением. Задачей правоведа становится установление подлинного содержания властного предписания, и формально-догматический метод становится основным для теорий юспозитивизма².

Таким образом, неклассическая эпоха научной рациональности в первой половине XX века характеризуется обращением исследователей онтологии права к методам аналитической философии

¹ См.: Там же. С. 188 – 195.

² См.: Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. Новосибирск, 2006. С. 8 – 10; Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 82.

фии и формированием неопозитивистской концепции правопонимания.

В.В. Оглезнев, опираясь на исследования неопозитивистов, делает вывод о появлении в философии права с 50-х гг. 20-го века нового интегративного понятия, объединяющего все существующие теоретико-правовые течения в одно, – аналитическая юриспруденция, которая находится на стыке фундаментальных наук философии и права¹. Представитель современной аналитической школы права А.Б. Дидикин, рассуждая о взаимодействии новых концепций естественного и позитивного права, выявляет специфические различия указанных теорий по вопросам концептуального понимания критериев «юридической действительности» правовых норм. В юспозитивизме в качестве таких критериев выступают социальные практики, а в правовом натурализме – моральное содержание правовых предписаний. Согласно авторской интерпретации, хотя современные естественно-правовые теории основаны на классических традициях, все же их представители (Л. Фуллер и Дж. Финнис) не отождествляют право и мораль, на основании чего А.Б. Дидикин также относит данные теории к аналитической юриспруденции².

Что касается доктрины естественного права, то, как известно, её классический вариант подвергся концептуальной критике со стороны представителей исторической школы (Г. Гуго, К.Ф. Савиньи, Г.Ф. Пухта), противопоставивших естественному праву теорию закономерного исторического развития: право не является произвольным, а обусловлено исторической необходимостью и, как продукт общественной жизни, создается ходом человеческой истории. Таким образом, к числу основных ошибок представителей классического естественного права относят отказ от признания условного и изменчивого характера требований естественного права в отрыве от представлений о его справедливости и совер-

¹ Оглезнев В.В. Указ. Соч. С. 88.

² См.: Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 418 – 424.

шенности для конкретного народа в определенный исторический период¹.

Потребность в проведении правовых реформ по закреплению в законодательстве прав человека, именуемых «социальными» (право на достойную жизнь и др.), возродила интерес к естественному праву, но в несколько модернизированном его содержании. С учетом вышеуказанных критических замечаний сторонники возрожденного юснатурализма выступают против признания неизменности содержания естественного права для всех времен и народов. Так, известным немецким философом 19-го столетия Р. Штаммлером вводится понятие естественного права с изменяющимся содержанием. Мыслитель возражал относительно установления безусловных требований к построению права и под естественным правом понимал «правовые принципы, которые содержат право теоретически верное при известных эмпирических условиях»².

Основным элементом новой естественно-правовой доктрины выступает обоснование существования естественных прав и свобод человека, дарованных ему в силу самой природы от рождения и не терпящих умаления со стороны каких-либо официальных органов (таких, как право на жизнь, уважение человеческого достоинства, свободу и личную неприкосновенность и т.д.).

К числу последователей естественно-правовой теории в период неклассики следует отнести американского философа и правоведа Л. Фуллера. Его подлинно фундаментальная работа «Мораль права» (1964 г.) содержит множество научных открытий в области философии права и систематически излагает альтернативное предложенной Г. Хартом позитивистской концепции обоснование права, как основанного на специфических моральных требованиях, которые могут выступать критериями подлинно правовой системы. В русле неклассического правопонимания Л. Фуллера

¹ Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект) // Государство и право. 2015. № 1. С. 78.

² Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1899. С. 166.

лер не отождествляет мораль и право, но рассматривает в качестве атрибутов последнего внешнюю и внутреннюю мораль, соответственно как мораль долга и мораль стремления. К признакам (или требованиям – desiderata) реально существующего (юридически действенного) права автор относит: непротиворечивость правовых предписаний, общий характер правовых норм, их ясность, общеизвестность, запрет ретроактивного действия (по общему правилу), отсутствие в правовой системе неисполнимых правил поведения, стабильный характер правовых предписаний и соответствие законам административной и судебной практики¹. Таким образом, возрожденное естественное право, основанное на классической традиции, с использованием плюралистической методологии и признанием исторической изменчивости и обусловленности права определенными социальными условиями и потребностями, приходит к новым вариантам решений проблемы обоснования права, как сложного и многоаспектного феномена, однако вопросы соотношения морали и права, выявление их сущностных начал и специфической природы по-прежнему остаются без однозначного ответа.

Диалог неклассического юспозитивизма и юснатурализма послужил основой для поиска новых подходов и возникновению посклассических теорий интегративного правопонимания. Так, ряд отечественных исследователей высказывались о необходимости единства естественного и положительного права².

Необходимо отметить исследование автора получившей широкую поддержку среди отечественных ученых юридико-либертарной теории права В.С. Нерсисянца. Концептуальный подход В.С. Нерсисянца основан на видении в качестве фундаментального принципа права формальное равенство свободных индивидов, При этом равенство видится, прежде всего, в свободе, а всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отноше-

¹См.: Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М., 2019. С. 47 – 112.

² См., напр., Марченко М.Н. Основные концепции права и государства в современной России (круглый стол) // Государство и право. 2003. № 5. С. 28 – 32; Мартышин О.В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 64–71.

ниях и представляет собой право. Автор утверждал, что антагонизм естественного и позитивного права, по сути, сводится к противопоставлению права и закона. При этом с точки зрения либертарно-юридической теории универсальным принципом естественного права выступает противопоставление и приоритет «естественного» над «искусственным» (позитивным правом), изначально правильным и нравственным является естественное право, в соответствии с которым подлежит приведение позитивное право¹. Право может быть противопоставлено закону, как объективные решения, выражающие сущность права, противопоставляются произвольным властным велениям суверена, что выражает соответственно типы юридического и легистского правопонимания.

Квалификация либертарно-юридической теории, как интегративной, может быть оправдана обоснованием её автором в качестве необходимых признаков общеобязательного закона, во-первых, властной санкционированности установленных правил поведения, и, во-вторых, их правового характера (выражения свободы, равенства и справедливости). При этом В.С. Нерсесянц акцентирует внимание на том, что общеобязательным может быть не всякий, а лишь правовой закон. То есть первоочередное значение для определения права имеет все же содержательный характер устанавливаемых правил поведения, а не их источник – государство, обеспечивающее исполнение закона.

Современные потребности общества в эпоху глобальных трансформаций и постнеклассической научной рациональности диктуют философии права необходимость обращения к методам междисциплинарных исследований при осмыслении феномена права, не нивелируя при этом классические традиции. В сложившихся на современном этапе и прогнозируемых условиях общественного развития для концептуального осмысления права недостаточно обращения лишь к формально-догматическим методам и языковому анализу правовых предписаний, равно как и формули-

¹ Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник: для вузов. М., 1998. С. 17 – 32.

рования содержательных требований к нормам права в виде некой идеальной составляющей, как единственно важного критерия их юридической силы и оправдания действия права без учета восприятия правовых норм в правосознании человека и реальной юридической практики. Успешность противостояния негативному влиянию зависит от построения и последовательного воплощения человеком ценностной системы, идеалов и принципов поведения, соответствующих должному, во благо человечества и природы¹.

В период новых вызовов социальной реальности и протекающим общественным процессам в условиях глобализации, цифровизации, ускорения темпов экономического роста, мультикультуризации поиск обоснования права невозможен в отрыве от анализа правового сознания и правового поведения человека, как субъекта взаимосвязей в сложной многоуровневой системе общественных отношений. Указанным требованиям может соответствовать предложенная А.В. Поляковым коммуникативная теория права и её современные интерпретации.

Идеи А.В. Полякова содержат антрополого-коммуникативное обоснование правового феномена. Понимание права основано на постклассическом представлении о человеческой коммуникации, как о взаимодействиях между людьми, получающих специфический текстуальный смысл, который позволяет отличить право от иных социальных явлений². Право в отличие от других явлений природы непосредственно связано с человеческим поведением и не может существовать вне коммуникативных связей, поскольку является формой поведенческих отношений. Государство рассматривается как один из социальных институтов – участников коммуникативного процесса, а сила государственного принуждения сама по себе не способна создать право. О праве можно говорить лишь в случае интерпретации государственно-

¹ Арепьев Е. И. Роль философии в современном мире // Проблемы философии: история и современность: Сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием, Курск, 18–21 мая 2018 года. Курск, 2018. С. 3.

² Поляков А.В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6 (305).С. 201.

властных предписаний их адресатами как правообязывающих, дальнейшей их легитимации и реализации в поведении субъектов общественных отношений.

Коммуникативная теория права носит интегральный характер и воплощает в себе идеи и естественно-правовой, и позитивистской концепций. Коммуникативное правопонимание основано на представлениях о человеке, как ценностном субъекте коммуникации и носителе «естественного права» на совокупность личных прав и свобод, таких как право на жизнь, на имя, на физическое и духовное развитие и т.д. Требования постклассической научной рациональности делают возможным возрождение естественного права, как позитивного права, опирающегося на разумные антрополого-коммуникативные принципы права, к которым А.В. Поляков относит принципы, теоретически обоснованные с либертарно-юридических позиций – свободы, формального равенства и справедливости, дополняя их принципами ответственности, солидарности и правопорядка¹. Сам автор указывает на коммуникативное понимание прав человека с позиций, «примиряющих» юспозитивизм и юснатурализм².

Право, как регулятор общественных отношений, невозможно вне социальных взаимодействий, коммуникации. В качестве одного из критериев легитимации или признания права в данном русле может выступать реализация официальных государственно-властных предписаний посредством правового поведения, как антрополого-коммуникативной категории.

Коммуникация демонстрирует механизмы взаимообусловленности и взаимодоплняемости таких сторон права, как люди, смыслы, действия, нормы права. Мертворожденные официальные нормы не имеют социальной значимости и не дают социальный

¹ См.: Поляков А. В. Возможно ли возрождение идеи естественного права в России? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 6 – 16.

² Поляков А.В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 208.

эффект, в силу чего не могут считаться правовыми¹. Таким образом, коммуникативная теория права интегрирует аксиологический, этатистский, социологический, психологический, дескриптивно-языковой, общественно-исторический, и особенно юриди-ко-практический аспекты многогранного сложносоставного феномена права, а её антиэссенциалистический характер², на наш взгляд, наиболее полно отвечает вызовам глобальных трансформационных изменений на современном этапе общественного развития и междисциплинарным требованиям постклассической научной рациональности. Коммуникативный подход не ограничен изучением текстуального и идейного содержания правовых норм и позволяет выявлять влияние юридических предписаний на социальную практику и объяснять правовое и, соответственно, неправомерное поведение человека.

В современных условиях цифровых трансформаций общественных связей и институтов правовое поведение должно рассматриваться в определенном социально-культурном контексте, как отражающее и реально происходящие общественные процессы, и их осознанное коллективное и персональное восприятие. Реальное поведение человека основано на постоянном соотношении практической деятельности с образцами, закрепленными в правовых нормах³. В этой связи разработка и применение новационных подходов в философско-правовой науке актуализирует и обращение к классической аксиологической традиции концепций юснатурализма, поиске идеальных моделей содержательного наполнения правовых норм и юридической практике, основанной на неукоснительном соблюдении фундаментальных правовых принципов.

¹ Честнов И. Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 55.

² Там же. С. 53.

³ Пашенцев Д. А. Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям // Правовое поведение: классические и современные модели: Сборник научных трудов. М.: Изд-во «Саратовский источник», 2022. С. 25 – 26.

Как отмечает профессор Д.А. Пашенцев, в современном мире необходима разработка и реализация «научно обоснованной правовой политики государства, предполагающей оптимальный баланс традиций и новаций в регулировании общественных отношений как среды правового поведения»¹. Думается, что при таком подходе теория правопонимания может выполнять не только гносеологическую и отнологическую функцию, но и решать прогностические задачи, а также детерминировать условия верховенства права, функционирования правового и социального государства с гуманистическими ценностями при учете национальных и культурологических особенностей конкретного народа.

Список литературы

1. Арепьев Е. И. Роль философии в современном мире // Проблемы философии: история и современность: Сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием, Курск, 18–21 мая 2018 года. Курск: КГУ, 2018. С. 1 – 3.
2. Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2006. 92 с.
3. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 418 – 424.
4. Мартышин О.В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 64–71.
5. Марченко М.Н. Основные концепции права и государства в современной России (круглый стол) // Государство и право. 2003. № 5. С. 28 – 32.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник: для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 1998. 652 с.
7. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81 – 88.
8. Пашенцев, Д. А. Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям // Правовое поведение: классические и современные модели: Сборник научных трудов. М.: Изд-во «Саратовский источник», 2022. С. 24 – 27.

¹ Там же. С. 26.

9. Поляков А. В. Возможно Ли возрождение идеи естественного права в России? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 6 – 16.
10. Поляков А.В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6 (305). С. 199 – 209.
11. Фролова Е.А. Теория естественного права (исторический аспект) // Государство и право. 2015. № 1. С. 71 – 79.
12. Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.: ИРИСЭН, 2019. 308 с.
13. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 302 с.
14. Честнов И. Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 50 – 58.
15. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1899. 312 с.

Тонков Евгений Никандрович

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА

Практическое формирование социалистического реализма началось в 1917-м году, когда группе революционеров удалось увлечь за собой большую часть населения и в дальнейшем отменить многовековые нормы о праве частной собственности, сформировать так называемую «социалистическую мораль», скрепленную диктатурой пролетариата, однопартийностью, культом личностей вождей, избыточными репрессиями и другими историческими особенностями. Надо отметить, что значение того периода для понимания современности недооценено, - практики социалистического правового реализма позволяют с большей достоверностью установить нынешние маршруты социально-правовой эволюции государства.

Идеи правового реализма и широкое понимания источников права оказались снова востребованными в XXI веке. Право следует рассматривать как результат и способ реального взаимодействия людей, порождающего субъективные права и обязанности. Право в его интуитивном понимании позволяет индивидууму противостоять несправедливым позитивным нормам, оно может не совпадать с нормативно-правовым актом и даже оправдывать его нарушение, если этот акт рассматривается как неправовой.

Сформировавшиеся в революционную эпоху реалистические подходы к решению конкретных юридических задач укоренились в социалистическом праве. Концепция правового реализма оказалась удобным инструментом для субъектов публичной власти новой России, где стало возможным публично «отречься» от предшествующего права (включая нравственность и мораль), объявив правовым (нравственным) лишь то, что выгодно делать для строительства коммунистического будущего. Революционное изменение общественных отношений потребовало не только энергичных насильственных действий (диктатура пролетариата, красный террор, политико-правовые репрессии), но и разветвленной пропаганды своих идей среди максимального количества подчиненного населения. «Искусству вменялось – не идеализировать, не героизировать, а извращать и препарировать “реально данное”; прятать, прикрывать, подменять собой мало приглядную советскую действительность»¹.

Новая общность *советский народ* в короткий период обрела особые качества, среди которых исследователи выделяли социально-политическую сплоченность, межклассовость (классы: рабочие и крестьяне, интеллигенция – прослойка), свободу труда, марксистско-ленинское мировоззрение и социалистическую идеологию, свободу от внутреннего антагонизма и вражды, участие в переходе от государства диктатуры пролетариата к коммунизму, наличие авангарда в виде КПСС, дружбу наций и народностей,

¹ Чегодаева М. А. Социалистический реализм – мифы и реальность. М., 2002. С. 58.

интернационализм и гуманизм, стирание граней между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, высокий нравственный облик и т.п.¹ Дети и внуки *советского народа* унаследовали преемственность абсолютизма, единство трех ветвей власти, подчиненных руководителю исполнительного органа, развитие идеи «добротного царя», патернализм и социальное рабство, доминирование тюремной индустрии, независимость публичной власти от населения и прочие социально-правовые особенности. «Социалистический реализм был частью – и весьма существенной – всей сталинской политики. Он сам был политикой и только в качестве политики предстает не лишенным исторического интереса фактом художественной жизни России советского периода»².

Социалистический реализм вышел за рамки метода культурного развития советского человека, превратившись в неотъемлемую часть политико-правовой доктрины государства. «Нравственные, философские, политические, социальные, эстетические идеи – не беспредметные абстракции; их объект – реальный жизненный процесс существования человека и общества, и в опрокинутости на что же еще иное, если не на эту реальную жизнь, осмыслением которой и высказыванием о которой они являются, могут они существовать в сознании каждого, кто их воспринимает?»³.

Допустимо рассматривать в дискурсе социалистического правового реализма марксистские идеи, адаптированные для революционных преобразований в России В. И. Ульяновым (Лениным), И. В. Джугашвили (Сталиным), А. Я. Вышинским, Н. И. Бухариным, Е. Б. Пашуканисом, П. И. Стучкой, М. А. Рейснером, Ф. Э. Дзержинским, Л. П. Берией, Л. Д. Бронштейном (Троцким) и другими сторонниками активной роли личности в истории. Интуитивное право вождей и их апологетов становилось основным источником права, формирующим правопорядок вопреки естествен-

¹ См., например: Шерстобитов В. П. Советский народ – новая историческая общность людей. М., 1972.

² Чегодаева М. А. Указ. соч. С. 13.

³ Виноградов И. И. Искусство. Истина. Реализм. М., 1975. С. 47.

но-правовым представлениям о справедливости, позитивным нормам и устоявшимся традициям.

Исторические особенности правопорядков, существовавших в период 1917 – 1991 гг., остаются частью российской парадигмы, несмотря на стремление некоторых современных правоведов отмежеваться от сталинской эпохи. Судья Конституционного Суда РФ Константин Арановский назвал Советский Союз «незаконно созданным государством» и заявил, что Российская Федерация не должна считаться правопреемником «репрессивно-террористических деяний» советской власти. По его мнению, Россия должна обладать конституционным статусом государства, «непричастного к тоталитарным преступлениям»¹.

Индивидуальное и групповое правовое сознание отражают сущее бытие права, формируя представление о должном, – об идеальном правопорядке будущего. В сравнительно непродолжительный, но интенсивный период советского строительства, в качестве достижимого идеала рассматривалась концепция социализма как этапа на пути к коммунизму. Строительство коммунистического общества требовало нового типа права и имманентной ему формы организации государственной власти. «Мы рассматривали эту организацию только как *диктатуру*, т.е. форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти»², – писал Н.И. Бухарин, в разное время являвшийся действительным членом Академии наук СССР по социально-экономическим наукам, директором Института истории науки и техники АН СССР, главным редактором газеты «Правда», главным редактором газеты «Известия», издателем журнала «Социалистическая реконструкция и наука», редактором и участником первого издания Большой советской энциклопедии. Он утвер-

¹ Судья КС отделил РФ от СССР: Константин Арановский выразил особое мнение о статусе российского государства // Газета "Коммерсантъ" № 28/П от 17.02.2020, стр. 3 / Александр Черных, Наталья Глухова. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4258690> (дата обращения: 15.10.2021).

² Бухарин Н. И. Теория пролетарской диктатуры // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 19.

ждал, что «с точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»¹.

Используемые в российском праве концепции долгое время не требовали доказательств их практической пригодности. Да и как можно подтвердить, например, состоятельность текстуализированных идей о постепенном «отмирании» государства и права, реалистичность планов уничтожения преступности как явления, этапов построения коммунизма, заявлений о «единстве партии, правительства и народа». Установившийся в социалистический период разрыв между академической юридической наукой и практикой применения норм следует рассматривать как особенность российского права. Известная политизированность советского юридического образования сформировала у многих правоприменителей пренебрежительное отношение к историко-правовым текстам.

Стремление гармонизировать научные представления, нормативные положения и юридическую практику в исторической ретроспективе характерно для исследовательской парадигмы последних лет. Необходимо исследовать механизм формирования новой нормативности и способы ее утверждения в эволюционирующем социуме. Манифестированная диктатура пролетариата и красный террор в период построения социализма рассматривались в качестве эффективных способов управления обществом. Диктатура была определена как власть, не связанная предыдущими законами территорий, опирающаяся на неограниченное насилие новых акторов силы. Декретом о суде № 1 (1917 г.) была упразднена вся существовавшая ранее система юстиции, предусмотрено создание революционных судов и трибуналов. Новое право создава-

¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 146.

лось в парадигме «жесткого» правового реализма, основными источниками права становились пролетарское правосознание, революционная целесообразность и сиюминутно издаваемые нормативные акты, рассчитанные на немедленное применение.

Период военного коммунизма характеризовался произвольным и насильственным перераспределением собственности, юридическое образование и доброе имя перестали быть обязательными условиями для получения должности следователя или судьи. Воинствующая идея диктатуры пролетариата способствовала «генеральной чистке», которая захватила и виновных, и подозрительных, и потенциально подозрительных, и тех, кто субъективно не «понравился» правоприменителям. Личные интересы, заблуждения и амбиции подчас прикрывались идеей революционной борьбы, а авторы обвинительных приговоров сами становились объектами репрессий.

Правовая идеология в тот период имела важное значение как способ укрепления доктрины социалистического права. Разумеется, любая доктрина детерминирована материальными условиями жизни и потребностями страты, создающей и утверждающей ее. Использование права как средства достижения политических и экономических целей – подход, который способствовал мобилизации человеческих сил в определенный период. Следует установить, насколько этот подход по прошествии напряженных периодов истории продолжил доминировать в механизме государственного управления.

Право является элементом культуры населения, формирующим оценку сущего и пределы должного в человеческом поведении. Культура есть результат и способ жизнедеятельности людей, а право – элемент культуры, манипулируя которым можно изменять векторы общественного развития. Демиурги советского строительства рассматривали право как средство достижения политических и экономических целей: «В специальных правовых исследованиях нередко можно встретить утверждения о том, что социалистическое право – это средство “развития технического

прогресса”, “развертывания капитального строительства”, “организации специализации и кооперирования в промышленности” и т.п. Действительно, социалистическое право выполняет указанные задачи коммунистического строительства, связанные с созданием материально-технической базы коммунистического общества»¹. По мнению С. С. Алексеева, «творческая роль социалистического права состоит прежде всего в том, чтобы стимулировать развитие социалистических общественных отношений в соответствии с задачами коммунистического строительства»².

В период становления правовой доктрины социалистического правового реализма была подтверждена эффективность идеи о том, что право есть инструмент борьбы пролетариата с буржуазией, право рассматривалось как универсальное средство управления населением. С тех времен социальные механизмы общества существенно не изменились, право продолжает выполнять регулирующую функцию, но сегодня разделение управляющих и управляемых стало более сложным.

Построение социализма и коммунизма на протяжении многих десятилетий рассматривалось как общественная цель, изменения в правовых предписаниях подчинялось поставленной «партией и правительством» цели. Процедура «отмирания» государства и права не была концептуально разработана, поскольку противоречила общественной практике, при которой роль государства и его репрессивных институтов актуализировалась. Идея «диктатуры» была закреплена в статье 2 Конституции 1936 года: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания *диктатуры* пролетариата» [курсив – *Е. Т.*]. В подготовке текста этой Конституции активную роль принимал профессор Е. В. Пашуканис и возглавляемое им крупнейшее для юридической науки того времени академическое учре-

¹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 62.

² Там же. С. 66.

ждение страны – Институт государственного права Академии наук СССР. В 1937 году директором Института стал А.Я. Вышинский, который активно участвовал в формировании политико-правовой доктрины социалистического права. В 1941 году была опубликована его монография «Теория судебных доказательств в советском праве»¹, получившая в 1947 году Сталинскую премию 1-й степени.

Создание догматического инструментария для «революционной диктатуры пролетариата» рассматривалось в качестве первоочередной задачи ученых того периода. Требовалось провести научное обобщение «практического опыта советского строительства под углом зрения марксистско-ленинской теории государства». Для успеха «социалистического строительства» была сформулирована идея обострения классовой борьбы, которая позволяла возвысить роль силовых ведомств в управлении населением. Теоретикам права предстояло разработать методологию освобождения советской социалистической юриспруденции от узких горизонтов «буржуазного права».

На первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства (16 июля 1938 г.) прокурор СССР А. Я. Вышинский подверг критике «“проповедь вредительских “теорий” отмирания права и государства, “выветривания” права, советского права, как “права без справедливости”»². Была сформулирована доктринальная дефиниция права, отражающая его классовую природу: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охра-

¹ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.

² Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 65.

ны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹.

А. Я. Вышинский расширительно толковал принципы уголовного судопроизводства, выступая за правовую неопределенность, против четкой и законодательной регламентации следственной и оперативно-розыскной деятельности. По его мнению, в деятельности следователей и работников милиции в борьбе с преступностью не должны существовать препятствия в виде положений закона. Нарушения правил производства допросов стало нормой, позволяющей добиться от обвиняемого собственноручных признательных показаний, достаточных для вынесения обвинительного приговора»². Согласно одному из писем ЦК ВКП(б) (10 января 1939 г.), адресованному руководителям на местах, «метод физического воздействия должен применяться и впредь в виде исключения в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод»³.

Советское право определялось как государственное. Именно эта особенность детерминировала главенствующее положение политических органов на всех исполнительных, нормотворческих и судебных уровнях. Тотальный контроль общественной жизни обуславливался слиянием публично-правового и политического аппаратов управления, то есть *централизмом* и единством управленческой системы публичной власти. Конвергенция ее ветвей, заложенная в сущности *Советов народных депутатов* как институтов публичной власти, в дальнейшем продолжит оказывать воздействие и на постсоветский правопорядок.

Восприятие концепции правового реализма осложнено тем, что большинство интерпретаторов права социалистического периода были искренне уверены в истинности развиваемых ими идей. Те, кто не смог перестроить свой исследовательский инструментарий, остались интеллектуально в прошлом веке. Следует отме-

¹ Там же. С. 83.

² Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. М., 2010. С. 26.

³ Стецовский Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М., 2000. С. 320.

тить, что советская версия марксизма акцептировала идею «интуитивного права» Л. И. Петражицкого, трансформировав ее в волю вождей, прокламируемую как волю «партии и правительства». Тема некритического «импортирования» зарубежных философско-правовых идей наглядно проиллюстрирована вековым опытом внедрения текстов К. Маркса и Ф. Энгельса в парадигму российской правовой действительности. «Философия Маркса “неоднозначна и неисчерпаема”. Она допускает множество интерпретаций, в разной степени правдоподобных / ... / : *кантианский марксизм*, если социализм предстает как цель, которую моральное сознание навязывает капиталистической реальности; *гегельянский марксизм*, который ближе к “Феноменологии духа”, чем к “Философии права”, *сциентический марксизм*, заимствованный из “Анти-Дюринга” и содержащий диалектику природы»¹, – утверждает Рене Арон, критикуя ортодоксальных марксистов с их утопическими мечтами, – «Революция 1917 г. вызвала раскол между марксизмом-ленинизмом и социал-демократией, между двумя воплощениями марксистской идеи: с одной стороны – в советской действительности, с другой – в деятельности реформистских партий и в буржуазной демократии»².

Исследование российской нормативности, сложившейся в последние сто лет, требует прагматического подхода и критического осмысления философско-правовых взглядов, сформированных в социалистический период. Н. Гудмен увидел преимущества реализма в доступности информации, используемой реалистическими методами: «Здесь, я думаю, лежит краеугольный камень реализма: дело не в количестве информации, а в том, насколько легко получается искомое. И это зависит от того, насколько стереотипен вид информации; от того, насколько банальны ярлыки и их использование. Реализм относителен; он детерминирован систе-

¹ Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 21.

² Там же. С. 22.

мой репрезентативных стандартов, свойственных данной культуре или человеку в данное время»¹.

Многие отечественные правовые концепты и идеи исследователей в силу своей социологической направленности оказывались близки к социалистическому правовому реализму. Например, философ И. Д. Осипов причислил В.С. Нерсисянца к движению правовых реалистов: «В правовом реализме парадигма правового государства продолжает сохраняться как концептуальная и ценностная его основа, но она в большей мере ориентирована на отражение конкретной диалектики права и государства. Правовой реализм можно охарактеризовать как умеренный юснатурализм, синтезирующий достоинства философии естественного и позитивного права. Таким является цивилизм В.С. Нерсисянца. В разрабатываемой им на протяжении ряда лет концепции он критикует естественное право как «симбиоз» различных социальных норм, как «некий ценностно-содержательный, нравственно-правовой комплекс», с позиции которого выносятся то или иное, как правило негативное, ценностное суждение о позитивном праве и позитивном законодателе (государственной власти). По мнению Нерсисянца, исходя из естественного права, позитивное право и государство оцениваются не столько с точки зрения собственно правового критерия, сколько с точки зрения представления автора данной концепции о нравственном или религиозном содержании настоящего права»².

Ссылаясь на книгу С. С. Алексеева «Тайна права»³, И.Д. Осипов относит его к правовым реалистам: «Правовой реализм получил отражение и в концепции С. С. Алексеева. Он анализирует естественное право, которое понимает как «обусловленные природной и социально-естественной средой требования и идеалы, которые преломившись через правосознание и его культурные коды, приобретают правовой облик и в соответствии с

¹ Goodman N. Languages of Art. Indianapolis, 1976. P. 36.

² Осипов И. Д. Правовая парадигма постсоветской идеологии // Вече: Альманах русской философии и культуры. 2003. № 15. С. 25–26.

³ Алексеев С. С. Тайна права. М., 2001.

этим выступают в виде правовых требований и прообразов (или в ином словесном эквиваленте – первообразов) юридических норм – норм позитивного права»¹.

Следует принять во внимание, что возвращение страны в капиталистические правоотношения повлекло принципиальные изменения в используемых источниках права. Государственно-монополистический капитализм имеет специфические свойства, особенно в случае ускоренного приобретения первоначальных капиталов сомнительными путями. За короткий период времени сформировалась парадигма постсоциалистического государства, требующая последовательного и, по мере возможности, непредвзятого теоретического осмысления. Эпистемологическая трудность исследования новой правовой реальности связана с длительной (1917-1991 гг.) и целенаправленной борьбой коммунистически ориентированных философов, правоведов и политологов с доктринами и практиками так называемого капиталистического права, – во имя социалистического правопорядка и его трансформации в коммунистическое состояние².

Список литературы

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Алексеев С. С. Тайна права. М., 2001.
3. Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993.
4. Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920.
5. Бухарин Н. И. Теория пролетарской диктатуры // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.
6. Виноградов И. И. Искусство. Истина. Реализм. М., 1975.
5. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
6. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.

¹ Осипов И. Д. Указ. соч. С. 28.

² См. подробнее: Тонков Е. Н., Тонков Д. Н. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2022. С. 213 – 225.

7. Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. М., 2010.
8. Осипов И. Д. Правовая парадигма постсоветской идеологии // Вестник: Альманах русской философии и культуры. 2003. № 15.
9. Стецовский Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность. М., 2000.
10. Тонков Е. Н., Тонков Д. Н. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2022.
11. Чегодаева М. А. Социалистический реализм – мифы и реальность. М., 2002.
12. Шерстобитов В. П. Советский народ – новая историческая общность людей. М., 1972.
13. Goodman N. Languages of Art. Indianapolis, 1976.

Алонцева Дина Викторовна

Б.Н. ЧИЧЕРИН О СУЩНОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

В Российской правовой науке ведущим видом правопонимания выступает, пожалуй, позитивизм. При этом, чрезмерный акцент на позитивистских характеристиках права зачастую приводит к нарастанию правового нигилизма в социуме, когда «антиправовые» установки могут длительное время существовать в общественном сознании¹. Исторически с позитивизмом конкурировали иные виды правопонимания, которые делали акцент на культурных, идеологических, исторических, этических и иных особенностях права. Так, например, истоки многих видов современного правопонимания мы можем найти еще в средневековых политических доктринах, декларировавших равенство всех подданных перед законом и судом².

Особенно примечательны в этой связи взгляды российского правоведа Б.Н. Чичерина, которого зачастую причисляют к сто-

¹ Новиков О.А. Об истоках правового нигилизма в общественном сознании Византийской империи / О.А. Новиков // Правовая наука и реформа юридического образования. 2007. № 21. С. 151.

² Новиков О.А. Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XIV-XV веках / О.А. Новиков // История государства и права. 2008. № 16. С. 34-36.

ронникам позитивистской концепции. Тем не менее, подробный анализ его взглядов позволяет сделать вывод о том, что русский правовед выступает апологетом неких трансцендентальных основ права. Так, например, по его мнению, признаком, который является сущностным для публичной власти, является ее стремление к достижению «общего блага».

1. Верховная власть существует для общего блага и действует во имя общего блага. Выражение общего блага в качестве признака власти имеет весьма интересную интерпретацию в позиции Б.Н. Чичерина, в частности «но окончательным судьей в этом деле является только она сама. Поэтому она безответственна. Всякий ответственный орган перестает быть носителем верховной власти, он становится подчиненным»¹.

Вместе с тем, Б.Н. Чичерин выделяет и иные признаки публичной власти:

2. Верховная власть едина. Указывая на единство власти, мыслитель говорит о том, что «верховное право повелевать может принадлежать только целому или представителю целого, а не какой-либо части; но целое едино. Это единство выражается в единстве владычествующей воли»².

3. Постоянность и непрерывность власти. По мнению Б.Н. Чичерина субъекты власти могут меняться, но «существо власти как учреждения сохраняется непрерывно»³.

4. Независимость власти, которая соотносится с формой правления. В частности, «не всякое государство в действительности пользуется полною независимостью. В полусамостоятельных государствах верховная власть не вполне державная, но так как здесь подчинение неполное и в некоторых отношениях власть остается независимой, то она сохраняет государственный характер»⁴.

¹ Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – С.61.

² Там же. – С.60.

³ Там же. – С.60.

⁴ Там же. – С.61.

5. Нравственное начало. Верховная власть, как представительница высшего нравственного порядка, основывается на нравственном законе. В этом смысле она считается священной». На этом основана связь ее с религией и церковью. В данном отношении Б.Н. Чичерин выступает апологетом традиционализма.

6. Выступая источником закона, определяющего права и обязанности граждан, верховная власть в отношении с ними является не нарушаемой, предполагающей добровольное соблюдение и подчинение.

7. Территориальный характер власти, определяющий пределы ее действия, как указывает Б.Н. Чичерин, она распространяется «на все, она исключает всякую другую, независимую от неё власть. Оттого чужестранная власть не может иметь права, внутри территории»¹.

8. Верховная власть выступает источником всякой государственной власти.

В.Н. Чичерина мы также можем причислить к числу сторонников идеи народного суверенитета. Довольно интересным представляется то, каким образом юрист толковал само государство и государственную власть (довольно часто он описывал ее как верховную власть, а сам признак верховности считал определяющим для конституирования и развития государства, процесс функционирования государства рассматривал как внешнее выражение его сущности и социального назначения. Более того, соотнося функции государства с направлениями реализованной государством политики (на основе чего он одним из первых обосновал целесообразность дифференциации всех функций государства на внутренние и внешние), он доказывал, что эти функции возникают и развиваются не хаотично и спонтанно, а есть лишь проявлением сущностных свойств того или иного государства. Фактически исследованию этих вопросов Б. Н. Чичериным было посвящено несколько работ: «Общее государственное право» (это часть первая

¹ Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – С.61.

«курса государственной науки»), «Курс государственной науки», «Философия права», «О народном представительстве» и частично «Собственность и государство». По его мнению, государство может быть определено как «союз людей, образующий единое, постоянное и самостоятельное целое»¹. Собственно это составляет сущность государства. Более того, как уточнял Б.Н. Чичерин, идея государства предусматривает не только «союзность», но и верховность этого союза, то есть принадлежность ему верховной власти². В то же время государство как верховный союз формируется и развивается не случайно, а с необходимостью, вытекающей из самой природы человеческого существования и взаимодействия.

Указанный методологический постулат Б.Н. Чичерина имеет особо важную роль, на его основании ученый доказывал необходимость возникновения определенной системы функций государства.

По его мнению, в обществе всегда существуют определенные разрозненные интересы, которые довольно часто могут быть взаимоисключающими. Функцию согласования таких интересов не может выполнять ни церковь (поскольку ее воля не является обязательным и не имеет признаков принуждения), ни гражданское общество (ведь оно всегда является совокупностью разрозненных интересов и не может синтезировать разнообразные интересы в единую общую волю). Поэтому сама логика общественного развития предусматривает возникновение такой формы союза людей как государство, направленной на обеспечение управления верховной властью. Рассуждая о государстве, Б.Н. Чичерин критиковал все попытки представить его как единую форму совместного существования людей. По его мнению, государство как верховный союз не только не отрицает существование других союзов (семья, церковь, гражданское общество), но и гарантирует их права и свободы.

¹ Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб., 1998. – С. 233

² Чичерин, Б. Н. Общее государственное право/ Б.Н. Чичерин. – М., 2006. – С. 1-10.

Государство формируется как союз под предводительством верховной власти, которая действует в определенных направлениях и для достижения четко определенных целей (процесс планирования и реализации этой деятельности Б.Н. Чичерин описывал понятием государственной политики). В этой деятельности, с одной стороны – выражается сущность государства и его назначение, а с другой – основные функции. Определяющей функцией любого государства есть функция поддержания и охраны правопорядка. В частности, в своем «Курсе государственной науки» он писал: «Государство устанавливается, прежде всего, для предотвращения внутренней анархии, которая с необходимостью возникает там, где нет единой, господствующей над всеми власти, ведь анархия заключается в том, что один безнаказанно посягает на права других. Установить в обществе правомерный порядок и охранять права граждан от нарушений, вот первейшая задача публичной власти»¹. Объясняя роль этой функции, Б.Н. Чичерин писал, что как юридический союз государство должно устанавливать и охранять нормы права, которые есть обязательными для всех (включая и сами органы государственной власти, их служебных и должностных лиц) и значимыми для всех. Реализация этой функции включает в себя два вида деятельности, которыми являются: законодательная деятельность и судебная деятельность. Причем, в отличие от многих своих современников и преемников, он считал судебную и законодательную функцию тесно Соединенными. Не случайно, что в труде «общее государственное право» он даже рассматривал их в рамках отдельной части, которая имела название «Законодательство и суд»². Тесная связь этих двух видов деятельности объясняется тем, что они являются необходимыми условиями и одновременно средствами охраны права. То есть право (правовые нормы) должно быть изначально сформулированы, это происходит путем реализации законодательной функции,

¹ Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть третья: Политика / Б.Н. Чичерин. – М., 1898. – С. 18.

² Чичерин, Б.Н. Общее государственное право/ Б.Н. Чичерине. – М., 1984. – С. 313-354.

которая может быть истолкована как процесс установления общеобязательных и санкционированных государством норм общественной жизни и взаимодействия, а затем, в случае необходимости – защищены (для этого формируется система соответствующих органов, которыми являются суды, чьей главной задачей является осуществление правосудия и охрана действующего права независимо от лица потенциального правонарушителя).

Конечно, наряду с законодательной и судебной функцией должна существовать и исполнительная функция. Впрочем, она рассматривалась Б.Н. Чичериным несколько обособленно, ведь причиной ее возникновения он считал не основополагающую общественную потребность в охране права, а производную потребность эффективного управления общественными делами и реализации положений конкретных законов и других нормативно-правовых актов.

Следующей важной функцией, на которую указывал Б.Н. Чичерин, была функция обеспечения безопасности общества и государства, как от внутренних, так и от внешних угроз. Объективной материальной основой реализации является то, что он описывал понятием «совокупной общественной силы», которая может организовываться государством и направляться как по внутреннему, так и по внешнему вектору. Правда, как уточнял этот юрист, понятие «безопасности» не следует воспринимать только как отсутствие внешних или внутренних угроз стабильности и правомочности общественных отношений. На самом деле, во внутреннем плане безопасность общества и индивида включает в себя еще и материальные и духовные условия его развития и самосовершенствования. На этом этапе, когда государство уже не просто устанавливает правовые нормы, а начинает непосредственно действовать, чтобы как можно лучше и эффективнее организовать социальную энергию и общественные силы, конституируется содержание управленческой функции, которую Б.Н. Чичерин характеризовал как деятельность по общественному управлению. Однако таков способ определения управленческой функции может

нести в себе одну потенциальную и очень опасную угрозу. Дело в том, что говоря об управлении, следует четко осознавать его границы. С одной стороны, управленческая функция государства может ограничиваться только той совокупностью действий и мероприятий, которые непосредственно предусмотрены правовыми нормами, вытекают из необходимости охраны и обеспечения определенных прав (прежде всего, речь идет о личных правах человека) и гарантируют утверждение законного порядка¹. с другой стороны, как писал Б. Чичерин, постепенно распространяется другое толкование управленческой функции государства, которое, по сути, снимает все границы по ее реализации, поскольку, таким образом определено управление, прикрываясь соображениями общего блага и практической целесообразности, может вмешиваться во все сферы деятельности индивидов, включая и частную сферу. Такая функция управления уже не является управлением в точном значении этого понятия, а скорее должна описываться понятием государственной опеки или же как «функция опеки». Последний из способов толкования управленческой функции Б.Н. Чичерин считал не только ложным, но и весьма вредным для общественного и государственного развития.

Его основную опасность он усматривал в постепенной нивелировке значимости индивидуальных прав и индивидуальной свободы при все большем усилении государства, которое однажды может вообще забыть о праве и руководствоваться в своей деятельности исключительно соображениями целесообразности или практической необходимости. То есть расширение сферы управления с элементами опеки может быть лишь временной мерой, применяемой в условиях, когда общественно объективно в этом нуждается. Но при этом следует помнить, что это лишь временная и вынужденная разновидность деятельности государства, которая должна не приучить граждан к государственной опеки, а наобо-

¹ Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть третья: Политика / Б.Н. Чичерин. – М., 1898. – С. 236.

рот-способствовать формированию в обществе начал свободы и самоорганизации.

Конечно, как соглашался Б. Чичерин, любые попытки априорного установления границ управленческой функции государства являются проблематичными, поскольку в процессе общественного развития могут случиться различные ситуации, которые потребуют государственного вмешательства даже за условия ограничения ряда неотъемлемых прав и свобод человека. Однако с этого ни вместе нельзя делать вывод о том, что сама управленческая функция является безграничной. «С того, что нельзя установить точных границ государственной деятельности, вовсе не вытекает то, что она должна распространяться на все», – доказывал Б.Н. Чичерин¹.

Необходимой не выдавалась потребность государственного вмешательства (речь идет исключительно о функции управления), ей никогда нельзя приносить в жертву свободу и общие для всех права. С этой точки зрения Б.Н. Чичерин довольно скептически относился к распространению управленческой функции государства на сферу духовных интересов, науки, искусства и религии. То есть в процессе реализации законодательной функции государство создает надлежащие правовые условия (вместе с ними предоставляются соответствующие правовые гарантии) для развития науки, искусства и духовной сферы в целом. Более того, с этой целью создаются специальные государственные учреждения, например учреждения народного образования, призванные способствовать развитию образования, науки, искусств др. Но после этого государство уже не может и не должно влиять на эти отношения путем тех или иных предписаний, руководствуясь принципом целесообразности.

Однако, связывая конкретные функции государства с деятельностью как государства в целом, так и с деятельностью отдельных органов государственной власти (если эта деятельность

¹ Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб., 1998. – С. 250.

не происходит, то тогда само понятие «функций государства» превращается в полнейшую абстракцию, которая нет никакого реального отношения к обществу и общественным отношениям).

Позицию рассмотрения государства с точки зрения юридического отношения разделял и Б.Н. Чичерин, в сознании которого власть отождествлялась с конкретным субъектом, ее носителем (представителем). Верховная или юридическая власть, по мнению Б.Н. Чичерина, имеет принудительный характер. Более того, как рассуждал ученый, «юридическая власть содержит в себе двоякую силу, юридическую и физическую, силу обязывать и силу принуждать»¹.

Однако Б.Н. Чичерин разделял власть на виды, в частности, на частную и общественную. Полагая, что первая принадлежит частному лицу над другими лицами, к примеру, власть семейная, господская. Вторая принадлежит союзу, или обществу, над его членами. Здесь лицо, наделенное властью, является ее органом и представителем, она действует во имя общей цели. Общественная власть может быть патриархальной, гражданской, церковной, государственной. Б.Н. Чичерин в интерпретации власти уделял внимание рассмотрению сущности подвидов общественной власти. К примеру, патриархальная власть – это вид власти, присущей роду (племени), имеющий частный характер, регулирующий отношения между членами рода (племени). Гражданская власть присуща гражданскому обществу, поскольку направлена на урегулирование отношений между структурными элементами общества (корпорациями, товариществами и т.д.). Церковная власть направлена на реализацию нравственных основ в общественных отношениях, не имею правового базиса, реализует свои начала под воздействием нравственности. Государственная власть – это воплощение власти общественной, имеющей принудительную силу, направленную на урегулирование всех общественных отношений. Государственная власть в понимании Б.Н. Чичерина – это

¹ Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – С.63.

власть верховная. Оправдание ее существования, по мнению ученого выступает следующая аксиома: «Если нет власти, владычествующей над всеми, то общественный порядок невозможен. Эта власть и будет верховная»¹.

Таким образом, верховная власть в концепции Б.Н. Чичерина выступает в качестве элемента государства, наделяясь признаками аналогичными государству, юридически автономна, не имеющая никакого ограничения, выступающая источником закона, более того, «она верховный судья всякого права, ибо право определяется законом, а закон устанавливается верховной властью»².

Список литературы

1. Алонцева Д.В. Концептуальные основы верховной власти в работах Б.Н. Чичерина /Алонцева Д.В., Шауро И.Г. //Аграрное и земельное право. 2021. № 6 (198). С. 10-15.

2. Алонцева Д.В. О сущности верховной власти в представлениях Б.Н. Чичерина /Алонцева Д.В., Новиков О.А., Надточий И.О. // Закон и право. 2021. № 6. С. 39-40.

3. Новиков О.А. Институт Вселенских судей в Византии во второй половине XIV-XV веках / О.А. Новиков // История государства и права. 2008. № 16. С. 34-36.

4. Новиков О.А. Об истоках правового нигилизма в общественном сознании Византийской империи / О.А. Новиков // Правовая наука и реформа юридического образования. 2007. № 21. С. 151.

5. Чичерин Б. Н. Общее государственное право/ Б.Н. Чичерин. – М., 2006. – С. 505 с.

6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – 482 с.

7. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Часть третья: Политика / Б.Н. Чичерин. – М., 1898. – 556 с.

8. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб., 1998. – 654 с.

¹Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – С.59.

² Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. Часть I: Общее государственное право / Б.Н. Чичерина. – М., 1894. – С.62.

АННОТАЦИИ

Алонцева Дина Викторовна

Б.Н. ЧИЧЕРИН О СУЩНОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена сущности власти в государственно-правовых взглядах русского правоведа, основоположника конституционного (государственного) права, философа Бориса Николаевича Чичерина. Сделан акцент на определении признаков государственной власти, их содержательной характеристике, интерпретации с позиции государствоведа. Определены методологические постулаты системы функций государства. Дано понятие государства и государственной власти, соотнесены функции государства с направлениями государственной политики.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин; функции государства; государственная политика; государственная власть

Баранова Марина Владимировна

ПРАВОВАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Анализ понимания и восприятия правовой целесообразности в социуме, подверженном трансформации, находящимся в поиске ответов на вызовы современности и путей решения насущных проблем служит ориентиром для совершенствования правовой доктрины, законодательства, юридической практики, системы правового регулирования. В статье сделан вывод, что воплощение законности в правопорядок возможно только в условиях осознания индивидами ценности свободы, целесообразности и оправданности правовых инструментов, используемых государством для обеспечения относительного равновесия «свободных волей», баланса интересов и притязаний индивида, социума, государства.

Ключевые слова: правовая целесообразность; законность; правопорядок; свобода: правовое регулирование

Беляев Максим Александрович

О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА И МОРАЛЬНЫХ ФАКТАХ: ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается версия юридического позитивизма, разработанная Дж. Разом (1939 – 2022), согласно которой моральные факты являются необходимыми для поддержания в действии социального порядка, но при этом нормативность морали уступает в доказательности и точности юридической нормативности. В ходе рассмотрения данной версии устанавливается, что ссылка на моральные факты используется не только как аргумент для уже принятого решения, но и при его выработке – что особенно очевидно в отношении судебных органов при защите ими прав и свобод человека. Делается вывод о невозможности равного эпистемического доступа всех участников политико-правовой коммуникации к моральным фактам и о бесконечной открытости перечня универсальных благ, которые могут быть защищены юридическим путем.

Ключевые слова: юридический позитивизм; Дж. Раз; нормативность; права человека

Дорская Александра Андреевна, Дорский Андрей Юрьевич

СИМВОЛЫ ЗЛА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

В статье на примере символов зла в российском праве раскрываются возможности использования культурального метода в юридических исследованиях. Рассматриваются символы зла в каноническом и позитивном праве России. Показано, как символы зла менялись с течением времени, а также характеризуется произошедший разрыв между дореволюционной и советской правовой традицией. Если в дореволюционный период символы зла в нормативно-правовых документах так или иначе были связаны с понятием греха, то в советский период они определялись идеологией, что вызвало жёсткое деление на своих и чужих, друзей и врагов. Характеризуются символы зла в современном российском праве.

Ключевые слова: российская правовая традиция; символы зла; коллективная память; каноническое право; позитивное право.

Купцова Ольга Борисовна

ЦЕННОСТЬ ПРАВА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию ценности права в аспекте коммуникативной рациональности, а также перспектив ее развития. Анализ данного явления в аспекте юридического позитивизма позволяет сделать вывод о том, что изменение представлений о ценности в права в аспекте коммуникативной рациональности права осуществляется в русле постепенного перехода от классической рациональности к постклассической рациональности. В настоящее время в свете развития государственно-правовых явлений лишь количественных характеристик исследуемого правового феномена недостаточно, расширяется перечень полифункциональных факторов, определяющих трансформацию сущностных оснований ratio. Обосновывается и раскрывается утверждение о том, что нормативные системы и механизм правового регулирования с позиции постклассической рациональности должны рассматриваться не как конструкции определенного одностороннего информационного воздействия на субъекта, а как результат интеракции ряда субъектов, в ходе которой и появляются разные, в чем-то эклектичные регулятивные модели, содержащие нормативные установления, формулируемые в ходе диалога государства и общества, основанного на конструктивном коммуникативном взаимодействии.

Ключевые слова: юридический позитивизм; ценность права, коммуникативная рациональность; правовое регулирование

Летуга Татьяна Владимировна

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГУМАНИЗМ: ТРАДИЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье проанализированы особенности влияние гуманистических традиций на деликтную ответственность. Сделан вывод, что нормы деликтного права все более нацеливаются на предупреждение негативных последствий, на достижение социально полезного эффекта, на превалирование гуманистических идеи согласно духу времени.

Ключевые слова: деликтное право: деликтная ответственность; принцип гуманизма; юридическая ответственность

Медушевская Наталья Федоровна
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РОССИЙСКОЙ
ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается понятие традиции, исходя из следующих принципов обоснования: локализованность, временная определенность, синтетичность, семиотичность, устойчивость, структурность, аксиологичность. Отмечается, что содержание традиции зависит от социокультурного контекста, она представляет собой единство рационального и внерационального, составляет основу социальности. В правовой традиции можно выделить две противоречивые составляющие – государственно-правовую и феноменологическую, связанную с рефлексией обычного права и особенностями ментальности. На распространение правовой традиции в России особое влияние оказали православные и эстетические ценности.

Ключевые слова: правовая традиция; аксиология права; правовая культура

Минченко Татьяна Петровна

ЦИФРОВИЗАЦИЯ VS РАЗВИТИЕ ОРГАНИЧЕСКИХ
СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ
ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ

В работе сопоставляются подходы к системе образования, ориентированные на цифровизацию обучения и на эмоциональное образование. Отмечаются принципиальные отличия современной системы образования, ориентированной на «специализированные знания» от Истинного Образования. Сравнительный анализ на примере как лицейского, так и университетского обучения обнаруживает более высокую эффективность концепции эмоционального образования. Исследуются философские основания проблемы реализации цифровых прав человека в условиях глобальных социальных трансформаций.

Ключевые слова: философия права; университетское образование; цифровые права; эмоциональное образование

Павлов Вадим Иванович

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА И. КАНТА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА О ЧЕЛОВЕКЕ

В статье анализируются антрополого-правовые воззрения И. Канта. Рассматривается модель трансцендентального субъекта, которая стала основой для формулирования и разработки новоевропейского учения о человеке в праве. В основе данной модели лежит тезис о категорическом императиве как моральном основании юридически значимого деяния, которое всегда является положительным за счет реализации в нем закона «всеобщего разума». Этику в учении о субъекте права И. Кант мыслит формально, всеобще и абстрактно, само право, понимаемое таким образом, выдвигая на место нравственного ориентира юридически значимого поведения. Будучи формальной, такая этико-правовая позиция основывается на понимании правового поведения как обусловленного логическими, а не онтологическими предпосылками. Последние не всегда являются строго рациональными и могут с формальной точки зрения противоречить логике. Этот вывод обосновывался в критике концепции И. Канта со стороны выдающегося русского философа права В. С. Соловьева.

Ключевые слова: антропология права; И. Кант; категорический императив; правовое поведение

Пашенцев Дмитрий Алексеевич

ЧЕЛОВЕК В ПРАВЕ С ПОЗИЦИЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье обозначены важные вопросы, связанные с пониманием роли человека в праве в условиях антропологического поворота в науке и перехода к постнеклассической научной рациональности. Подчеркивается особая значимость субъекта права в конструировании правовой реальности, отмечается влияние новых технологий на правовое поведение участников общественных отношений.

Ключевые слова: антропологический поворот; постнеклассическая юриспруденция; субъект права; правовое поведение

Рыбаков Олег Юрьевич

ФИЛОСОФИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается понятие «благополучие» в контексте социального государства. Общее благо, благополучие рассматриваются как атрибуты жизнедеятельности индивида в различные периоды его жизни. Важным аспектом утверждения благополучия в социальном государстве предстаёт осуществление блага с момента рождения и на протяжении жизни индивида. Благополучие становится объективно необходимым фактором оценки государства как социального.

Ключевые слова: благополучие, социальное государство, философия благополучия, общее благо, справедливость.

Трофимов Василий Владиславович

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ КАК ФИЛОСОФИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

В статье поставлена проблема связи между поиском ответа на основной философско-правовой вопрос о том, «что есть право», и тем, насколько верно и адекватно определяется объектная область правоизучения. Устанавливается, что невозможно сделать правильные выводы о праве и государстве, изучая эти явления из самих себя, не прибегая к анализу окружающего социального контекста. Констатируется, что для того, чтобы в поле зрения исследователя права искомым социальный контекст присутствовал безусловно, необходимо изначально объектную область юриспруденции видеть в правовой жизни общества в целом. Обосновывается значение концепции правовой жизни для юридической науки, характеризуется ее ресурсная база для анализа феномена «сложного» в праве, подтверждается ее соответствие в силу присущих теоретико-методологических возможностей современному постнеклассическому этапу развития научного знания.

Ключевые слова: правовая жизнь; философия юриспруденции; юридическая наука; общество

Тонков Евгений Никандрович

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА

Социалистический реализм вышел за рамки метода культурного развития советского человека, превратившись в неотъемлемую часть политико-правовой доктрины государства. Допустимо рассматривать в дискурсе социалистического правового реализма марксистские идеи, адаптированные для революционных преобразований в России. Сформировавшиеся в революционную эпоху реалистические подходы к решению конкретных юридических задач укоренились в социалистическом праве. Концепция правового реализма оказалась удобным инструментом для субъектов публичной власти новой России, где стало возможным публично «отречься» от предшествующего права, объявив правовым лишь то, что выгодно делать для строительства коммунистического будущего. В статье исследуется эволюция социалистического правового реализма в действующий правопорядок.

Ключевые слова: социалистический правовой реализм; социалистическое право; правопорядок; правовая идеология

Уфимцева Виктория Александровна

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматривается история формирования неклассических теорий юснатурализма и юспозитивизма и их влияние на современное интегративное правопонимание. Обосновывается, что в период новых вызовов социальной реальности и протекающим общественным процессам в условиях цифровизации, ускорения темпов экономического роста, технологического прогресса, мультикультуризации осмысление права невозможно в отрыве от анализа правового сознания и правового поведения человека, как субъекта взаимосвязей в сложной многоуровневой системе общественных отношений. В качестве одного из критериев легитимации или признания права на современном этапе автором приводится реализация официальных государственно-властных предписаний посредством правового поведения, как антрополого-коммуникативной категории. Делается вывод о необходимости осмысления права на основе сочетания классических, неклассических и

постклассических подходов ввиду актуализации при разработке и применении инновационных методов в философско-правовой науке обращения к классической аксиологической традиции концепций юснатурализма, поиске идеальных моделей содержательного наполнения не только правовых норм, но и юридической практики.

Ключевые слова: естественное право; позитивное право; правовое сознание; правовое поведение; юснатурализм

Честнов Илья Львович

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ПОСТМЕТАФИЗИКИ

Автор анализирует состояние постсовременной постметафизической философии права. Постклассическая философия права задает новое представление о праве. Философия права в эпоху постметафизики задает научную эвристику, формулирует наиболее абстрактные правовые понятия, формирует юридическую картину мира, определяет предмет юриспруденции и ее методологию, вырабатывает критерии научности юридического знания и оценки практики.

Ключевые слова: философия права; постметафизика; методология юриспруденции; юридическое знание.

ANNOTATIONS

Alontseva Dina Viktorovna

B.N. CHICHERIN: THE ESSENCE OF THE SUPREME POWER

Abstract. In the article, the author looks at the nature of power reflected in the state-legal views of the legal scholar, philosopher and founder of constitutional law (state law) Boris Nikolayevich Chicherin. An emphasis is placed on defining signs of state power, highlighting their essence and interpreting them from a state expert's perspective. The author also outlines the methodological grounds of the system of state functions, defines the notions of state and state power as well as compares the state functions to the areas of state policy.

Keywords: B.N. Chicherin, state functions, state policy, state power.

Baranova Marina Vladimirovna

LEGAL EXPEDIENCY IN THE FACE OF GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATIONS

Abstract. Considering the understanding and perception of legal expediency in a society undergoing transformation and searching for answers to current challenges as well as ways to address urgent issues serves as a guide for improving legal doctrine, legislation, legal practice, and the legal regulation system itself. The author concludes that law and order cannot be achieved unless individuals are aware of the value of freedom, expediency and validity of the legal instruments used by the state to ensure the relative parity of "free wills," the balance of interests and claims of individuals, society, and the state.

Keywords: legal expediency, legality, law and order, freedom, legal regulation.

Belyaev Maxim Alexandrovich

HUMAN RIGHTS AND MORAL FACTS: POSITIVIST INTERPRETATION OF THE ISSUE

Abstract. The article examines the concept of legal positivism developed by Joseph Raz (1939–2022). It posits that moral facts are essential for maintaining social order, but moral normativity is inferior to legal one in terms of evidential weight and accuracy. The consideration of this version reveals that moral facts are not only used as an argument for the decision already made, but also during its development, especially in regards to judicial authorities protecting individual rights and freedoms. In conclusion, the author points to the impossibility of equal epistemic access to moral facts for all participants in political-legal communication, as well as the endless possibilities of protecting universal benefits through legal means.

Keywords: legal positivism, J. Raz, normativity, human rights.

Dorskaya Aleksandra Andreevna, Dorskiy Andrey Yurievich

SYMBOLS OF EVIL IN THE RUSSIAN LEGAL TRADITION

Abstract. In the article, using the example of the symbols of evil in Russian law, the possibilities of using the cultural method in legal research are revealed. The symbols of evil in the canonical and positive law of Russia are considered. It is shown how the symbols of evil have changed over time, and the gap between the pre-revolutionary and Soviet legal tradition is also characterized. If in the pre-revolutionary period the symbols of evil in legal documents were somehow connected with the concept of sin, then in the Soviet period they were determined by ideology, which caused a rigid division into friends and enemies. The symbols of evil in modern Russian law are characterized.

Keywords: Russian legal tradition; symbols of evil; collective memory; canon law; positive law.

Kuptsova Olga Borisovna

THE VALUE OF LAW IN TERMS OF COMMUNICATIVE RATIONALITY

Abstract. The article explores the value of law through the lens of communicative rationality, as well as its prospects for development. As a result of analyzing this phenomenon within the framework of legal positivism, one can conclude that the change in ideas about value in law in terms of communicative rationality is attributable to the gradual transition from classical to postclassical rationality. Currently, the quantitative characteristics are not sufficient to explain the legal phenomenon in question, given the unfolding state-legal events; a number of multifunctional factors predetermining the transformation of key foundations of *ratio* is expanding. The author substantiates and discloses the allegation of the fact that, from the standpoint of postclassical rationality, the regulatory systems and the mechanism of legal regulation should be considered not as the patterns of a certain one-way information impact on the subject, but as the result of the interaction of a number of subjects that gives rise to different, somewhat eclectic regulatory models containing the statutory guidelines formulated during a meaningful dialogue between the state and society.

Keywords: legal positivism, value of law, communicative rationality, legal regulation.

Letuta Tatyana Vladimirovna

TORT LIABILITY AND HUMANISM: TRADITIONS AND TRENDS OF INTERPLAY

Abstract. The article explores the peculiarities of the way humanistic traditions affect tort liability. The author concludes that norms of tort law are increasingly focused on preventing negative consequences, achieving a socially useful result and embodying humanistic ideas that correspond to the spirit of the age.

Keywords: tort law, tort liability, principle of humanism, legal liability.

Medushevskaya Natalia Fedorovna

**AXIOLOGICAL REFLECTION IN THE RUSSIAN
LEGAL TRADITION**

Abstract. The article considers the concept of tradition based on the following principles of justification: localization, temporal certainty, synthetism, semiotics, stability, structurality, axiological. It is noted that the content of tradition depends on the socio-cultural context, it represents the unity of rational and non-rational, forms the basis of sociality. In the legal tradition, two contradictory components can be distinguished – state-legal and phenomenological, related to the reflection of customary law and the peculiarities of mentality. Orthodox and aesthetic values had a special influence on the spread of the legal tradition in Russia.

Keywords: legal tradition; axiology of law; legal culture

Minchenko Tatiana Petrovna

**DIGITALIZATION VS DEVELOPMENT OF HUMAN INHERENT
ABILITIES THROUGH THE LENS OF THE PHILOSOPHY OF LAW
AMIDST GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATIONS**

Abstract. The article compares two approaches to the education system, one focused on digitalization of learning and the other on emotional education. The author highlights fundamental differences between the modern education system primarily focused on “the specialized knowledge” and True Education. Juxtaposing the results of lyceum and university education reveals that emotional education has a higher efficiency. The author also explores the philosophical premises underlying the challenge of implementing digital human rights in light of global social transformations.

Keywords: philosophy of law, university education, digital rights, emotional education.

Pavlov Vadim Ivanovich

ANTHROPOLOGY OF LAW I. KANT AND RUSSIAN PHILOSOPHY OF HUMAN LAW

Abstract. The article analyzes the anthropological-legal views of I. Kant. The transcendental subject model was the basis for the formulation and development of the new European doctrine of man in law. This model embraces the thesis of a categorical imperative as the moral basis for a legally significant act due to the implementation of the “law of universal Reason.” I. Kant considers ethics in the doctrine of the subject of law a formal, comprehensive and abstract category, interprets the law itself in this way, putting it forward as a moral guideline for legally significant behavior. Being formal, such an ethical-legal position is based on the understanding of legal behavior as conditioned by logical rather than ontological prerequisites. From a formal standpoint, the latter can seem logically contradictory and are not always strictly rational. This conclusion is drawn from a critique of I. Kant by V.S. Solovyov, a leading Russian philosopher of law.

Keywords: anthropology of law; Immanuel Kant, categorical imperative, legal behavior.

Pashentsev Dmitriy Alekseevich

A MAN IN LAW THROUGH THE LENS OF POSTNONCLASSICAL SCIENCE

Abstract. The article provides an overview of the critical issues related to understanding the role of man in law amidst the anthropological turn in science and the transition to postnonclassical scientific rationality. The author highlights a particular importance of law in shaping legal reality and the influence of new technologies on legal behavior of participants of public relations.

Keywords: anthropological turn, postnonclassical jurisprudence, subject of law, legal behavior.

Rybakov Oleg Yurievich

PHILOSOPHY OF WELL-BEING OF THE MODERN WELFARE STATE

The article discusses the concept of "well-being" in the context of the welfare state. The common good and well-being are considered as attributes of an individual's vital activity in various periods of his life. An important aspect of the assertion of well-being in a social state is the realization of the good from the moment of birth and throughout the life of the individual. Well-being becomes an objectively necessary factor in assessing the state as a social one.

Keywords: well-being, welfare state, philosophy of well-being, common good, justice.

Trofimov Vasiliy Vladislavovich

THE CONCEPT OF LEGAL LIFE AS A PHILOSOPHY OF JURISPRUDENCE: A POSTNONCLASSICAL DIMENSION (THE RAISING OF THE ISSUE)

Abstract. The article highlights the issue of establishing the link between the search for an answer to the fundamental philosophical-legal question "What is the law?" and an accurate and adequate determination of the object area of legal studies. The author points out that, without analyzing the surrounding social context, it is impossible to draw conclusions about the law and the state from studying these phenomena separately. To keep in sight the desired social context for sure, a researcher of law must see the object area of jurisprudence within the legal life of society in general. As a resource base for studying the phenomenon of "complexity" in law, the concept of legal life is characterized as being of significance for legal science, and its compliance with the modern postnonclassical stage of scientific knowledge development is confirmed, given its inherent theoretical-methodological capabilities.

Keywords: legal life, philosophy of jurisprudence, legal science, society.

Tonkov Evgeniy Nikandrovich

ORIGINS OF SOCIALIST LEGAL REALISM

Abstract. Socialist realism has evolved beyond the method of cultural development of Soviet man, having become a fundamental part of the state political and legal doctrine. The Marxist ideas adapted to revolutionary transformations in Russia may be examined in the discourse of socialist legal realism. During the revolutionary era, socialist law shaped solid, realistic approaches to overcome specific legal challenges. Consequently, the concept of legal realism turned out to be a convenient tool for the subjects of public power of the new Russia who got an opportunity to officially renounce the prior law and declare legal only what was profitable for shaping communist future. The article explores the evolution of socialist legal realism into the current law and order.

Keywords: socialist legal realism, socialist law, law and order, legal ideology.

Ufimtseva Viktoriya Aleksandrovna

INTERACTION OF NATURAL AND POSITIVE LAW IN MODERN PHILOSOPHICAL THOUGHT

Abstract. The article examines the origins of nonclassical theories of jusnaturalism and juspositivism and their influence on modern integrative law understanding. A deeper understanding of law is impossible without an evaluation of a person's legal consciousness and legal behavior as a subject of relationships within a complex multilevel system of public relations, given the new challenges and social processes taking place in the context of digitalization, acceleration of economic growth, technological progress and multiculturalism. As one of the criteria for legitimizing or recognizing the law in the modern world, the author points to the implementation of official state-power prescriptions through legal behavior as an anthropological-communicative category. The conclusion is that the understanding of law is best achieved by combining classical, nonclassical, and postclassical approaches in order to actualize, when developing and applying innovative methods in philosophical-legal science, resorting to the classical axiological tradition of jusnaturalism, the search for optimal models of meaningful content, not only in legal norms but also in legal practice.

Keywords: natural law, positive law, legal consciousness, legal behavior, jusnaturalism.

Chestnov Ilya Lvovich

**POSTCLASSICAL PHILOSOPHY OF LAW IN THE
POSTMETAPHYSICS ERA**

Abstract. The author analyzes the state of postmodern postmetaphysical philosophy of law. Law takes on a new meaning in postclassical philosophy. The philosophy of law in the era of postmetaphysics defines scientific heuristics, formulates the most abstract legal notions, shapes the legal picture of the world, determines the subject of jurisprudence and its methodology and develops criteria for the scientificity of legal knowledge and assessment of practice.

Keywords: philosophy of law, postmetaphysics, methodology of jurisprudence, legal knowledge.

Научное издание

**Философия права в условиях глобальных
социальных трансформаций**
сборник научных статей

под общей редакцией Дмитрия Алексеевича Пашенцева
и Александры Андреевны Дорской

При оформлении обложки использована гравюра Кацусики Хокуся
«Большая волна в Канагаве»

Подписано в печать 30.08.2022 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 10,7. Тираж 500 экз. Заказ № 70

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93

E-mail: saristoch@bk.ru

Отпечатано в типографии «Саратовский источник»